

КОГДА-НИБУДЬ НА ЗЕМЛЕ ОСТАНЕТСЯ ОДИН ЧЕЛОВЕК

ШТАММ

РОМАН-КАТАСТРОФА

ПЕРЕНОСЧИК СМЕРТИ

НИЛ БАСТАРД

ШТАММ

РОМАН-КАТАСТРОФА

НИЛ БАСТАРД

**ПЕРЕНОСЧИК
СМЕРТИ**

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

Оформление серии А. Марычева

Бастард, Нил.

Б27   Переносчик смерти / Нил Бастард. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Штамм. Роман-катастрофа).

ISBN 978-5-699-83136-4

Смертоносный вирус стремительно распространяется среди населения африканской страны. Эпидемиолог Артем вместе со своими коллегами из миссии ООН работает в самом эпицентре охваченного бедствием района. Вакцина на исходе. Пандемия прогрессирует. Среди населения — паника и отчаянье. Усложняют ситуацию и восставшие мятеjhники. Банды живодеров по-своему борются с пандемией — они просто сжигают все поселки и деревни, в которых были замечены инфицированные. Смертельная опасность нависла над медиками из миссии, они обречены быть сожженными вместе с местным населением. В довершение сбивают на подлете гуманитарный самолет с огромным запасом вакцины. А затем и Артур замечает у себя первые признаки заражения инфекцией. Кажется, на этой несчастной земле уже наступил конец света и трупный смрад останется здесь навсегда...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83136-4

© Оформление.
ООО «Издательство „Э“, 2015

1

— Артем, я уже труп. Бросай меня и беги отсюда скорее, пока еще не поздно.

Поздняя ночь. Убогая глинобитная хижина на окраине арабского поселка. В маленьком окошке под потолком желтеет полная луна. У стены лежит грязный матрас, на котором умирает Саша Вишневский, один из немногих людей в этой стране, кого я могу назвать своим другом. Саша негромко хрипит, то и дело захлебывается кашлем. Лицо его со вчерашнего дня изменилось до неузнаваемости: заостренные скулы, сухие губы, рельефные морщины на лбу. Белков глаз не видно, они сплошь покрыты кровавой пеленой.

Семнадцать дней подряд мы с Вишневским мотались на стареньком джипе по всей Каменистой Сахаре, делали вакцинации местным берберам. Все это время он выглядел жизнерадостным и здоровым и лишь несколько дней назад впервые пожаловался на легкий озноб и температуру. Когда на его руках появились первые кровавые язвы, наш водитель сразу обо всем догадался и

сбежал, бросил нас в этом поселке. Сегодня утром у Саши затекли кровью глаза, начался жар. Он слег и полностью отказался от еды. Я едва ли не силой заставил его съесть половинку банана.

— Сашка, послушай. Сейчас ты постараешься заснуть, а утром я отвезу тебя в нашу миссию, в Хардуз. Там тебе наверняка сумеют помочь. Экспериментальная вакцина дает положительный результат в девяти случаях из десяти. Ты будешь жить, вот увидишь!..

Я стараюсь говорить как можно спокойней и убедительней, однако Саша, похоже, мне не верит. Уж он-то наверняка понимает, какую инфекцию подхватил. Девять лет стажа работы в миссии Красного Креста, четырнадцать опубликованных научных работ по вирусологии и иммунологии, из которых три — по модификациям патогенных вирусов.

— Артем, ты не довезешь меня до Хардуза. Если и получится, то даже там мне ничем не помогут, — хрипит Вишневский. — Спасайся, пока не заболел сам. Ты ведь не хуже меня знаешь, как распространяется эта зараза. А я постараюсь прожить хотя бы еще сутки.

Я достаю из кармана фонарик и заявляю:

— Не неси глупостей, я тебя не брошу. И вообще, как говорится, не умирай до расстрела. Дайка я лучше посмотрю твои руки.

Я щелкаю кнопкой, и на глинобитной стене как раз над головой Сашки расплывается овальное желтое пятно.

Тут он пронзительно кричит:

— Нет! Выключи свет! Выруби немедленно!..

Вишневский буквально бьется в истерике. Мне кажется, что тусклый луч света причиняет ему нестерпимую боль. Я никогда прежде не видел его таким.

Я выключаю фонарик и растерянно пячуясь к выходу. Почему он не хочет, чтобы я осматривал его язвы? Боится, что и я заражусь? Но у меня для такого случая припасена пара гигиенических перчаток. Может, у Саши теперь появилось расстройство психики и светобоязнь — одно из его проявлений?

Вишневский затихает. Наверное, всплеск эмоций лишил его последних сил. Спустя несколько минут храп прекращается. Я на цыпочках выхожу из дома, усаживаюсь на крыльце.

Ночная Сахара дышит холодком. Круглая луна обливает мертвенным светом пологие холмы, желто-красные днем и светло-серые теперь. Редкая гирлянда электрических огоньков очерчивает центр поселка, расположенного в километре отсюда. Под пальмой темнеет наш потрепанный джип с эмблемой Красного Креста и Полумесяца.

За семнадцать дней нам с Вишневским довелось намотать на нем почти три тысячи километров. Мы, врачи миссии, сделали все, что могли, чтобы хоть как-то помочь местным жителям. В джипе не осталось даже обычной аптечки. Нам пришлось отдать ее больному и одинокому старику, живущему в одном из берберских поселков.

Спать совершенно не хочется. Я поднимаюсь и несколько раз обхожу вокруг хижины. Под ногами сухо похрустывают камушки, шелестит песок. По пути я заглядываю в окно, чтобы убедиться, что Саша заснул. В доме темно, и я не могу рассмотреть даже контура его тела под простыней.

Только теперь до меня наконец-то доходит, что я тоже, возможно, уже инфицирован этой заразой. Но мне не хочется пока думать об этом.

А утром я нахожу Сашку мертвым. Я — профессиональный вирусолог, поэтому не могу все бросить и оплакивать друга. Надо выяснить причину его смерти. Я достаю из джипа защитный противовирусный костюм с бахилами, облачаясь в него и осторожно осматриваю тело.

На руках и груди покойного — бесформенные кровавые язвы, напоминающие ожоги. Простыня вся в сукровице, присохла к ранам. Мне приходится размачивать ткань водой, весьма дефицитной в Сахаре.

Представляю, как мучаются люди с такими язвами. Они мечутся на кроватях, сперва истошно кричат, а потом просто скулят от боли. Тело Вишневского окоченело. Значит, он умер ночью, во сне. В его ситуации это, наверное, лучшая смерть.

Мне тяжело в подробностях вспоминать, как я вез покойного в наш офис. Сперва искал в дрянном арабском поселке подходящий ящик вместо гроба, покупал в лавке колотый лед, обкладывал им тело. Потом я трялся в разношенном джипе четыреста пятьдесят километров до Хардуза.

Там я долго излагал все симптомы болезни покойного Йордану Христову, руководителю миссии в этой стране. Все наши врачи испуганно смотрели на меня. Ведь статистика не просто так утверждает, что восемьдесят процентов людей, пообщавшихся с больным, тоже инфицируются. Потом умирают минимум девяносто из сотни человек, подхвативших заразу.

Я был слишком потрясен смертью Саши, чтобы вообще адекватно воспринимать происходящее. Словно сквозь толщу воды различал обрывки слов и фраз: «немедленное вскрытие», «гистологическое исследование тканей», «опасность четвертого уровня».

Уже на следующее утро подтвердились все самые худшие опасения. Смерть Вишневского Александра Яковлевича, 1979 года рождения, уроженца Санкт-Петербурга, наступила в результате заражения вирусом Эбола неизвестной модификации.

Об этом мне и объявляет Йордан, с которым мы случайно сталкиваемся во дворе миссии после завтрака.

Йордан Христов — пожилой и уверенный в себе флегматик. В Красном Кресте более двадцати пяти лет. Для меня непонятно, почему он до сих пор не вернулся к себе в Болгарию. Этот человек, обладающий невероятным опытом, наверняка смог бы профессорствовать, жить спокойно.

— Но ведь всего месяц назад Сашу вакцинировали от Эболы, — напоминаю я с убитым видом. — Как, впрочем, и всех нас. Вакцина, конеч-

но, экспериментальная, однако показала неплохие результаты в Экваториальной Африке.

— Мы явно имеем дело с неизвестной науке модификацией вируса, — говорит Йордан и вздыхает. — По крайней мере, таковы предварительные результаты исследования. Эбола тем и опасна, что склонна к мутациям, против которых прежние вакцины совершенно бессильны. В анализах тканей покойного — нейтрофильный лейкоцитоз. Одно только это уже говорит о многом. Предварительные результаты исследования и образцы тканей покойного мы направили в наш центр, ответ ожидается через две недели...

— Да, по-моему, и так все понятно, — понуро прерываю я Христова. — И что теперь делать?

— Нам — работать в обычном режиме. На то мы и миссия Красного Креста и Полумесяца. А вот тебе, Артем, придется немного посидеть в карантине. Ты ведь тесно общался с покойным и теперь потенциально инфицирован, значит, опасен для всех нас. Впрочем, что я тебе рассказываю — ты ведь наверняка и сам все понимаешь.

2

Сон вдребезги разбивается от чудовищного воя за стеной:

— Уберите свет! Выключите его немедленно!

Я дергаюсь на кровати так, словно меня ударили электрический разряд, инстинктивно накрываю голову подушкой, пытаясь слепить из разрозненных остатков сна нечто цельное. Однако крик, летящий из соседней комнаты, настолько пронзителен, что мне кажется, будто он вот-вот перейдет в ультразвук и пробьет мои барабанные перепонки.

После такого животного вопля уже не заснуть. Я поднимаюсь с кровати, сую ноги в шлепанцы, вставляю в уши маленькие наушники и врубаю в мобильнике первую попавшуюся FM-станцию. Однако жуткие крики перебивают даже самую громкую музыку.

Так начинается почти каждое мое утро в карантине. Вопли могут нестись откуда угодно: слева, справа, от коридора, кажется, даже сверху и снизу. Люди кричат по-арабски, по-французски,

по-берберски и по-английски. Но всегда с интонациями первобытного ужаса, словно под чудовищной пыткой.

Так кричал в ночь перед смертью Саша Вишневский. Только вот он орал, когда я включил карманный фонарик. Здесь же такое происходит с каждым восходом солнца.

Спустя минут десять крики обычно смолкают. Видимо, несчастные все-таки засыпают. Может, они завешивают окна одеялами или прячутся под кроватями.

Сюда меня определили сразу после беседы с Йорданом Христовым. «Карантин» — это бывшие армейские казармы, разгороженные тонкими фанерными перегородками на тесные комнатки-пеналы. В каждой по одному человеку.

Конечно, дешевле и проще было бы собрать нас всех вместе. Однако среди затворников могут оказаться и неинфицированные люди. Вот тогда-то они наверняка заразятся. Так, по крайней мере, объяснил мне комендант карантинного отделения араб Али, довольно продвинутый по местным меркам врач.

По моему же убеждению, никакие фанерные перегородки от заразы уже не спасут. Ведь Эбола — респираторный вирус, передающийся воздушно-капельным путем. А между перегородками и стенами зияют сантиметровые щели, сквозь которые лазят тараканы.

Еду и питье трижды в день развозят по коридору на тележках посыльные с кухни. У меня нет

никакой уверенности в том, что эти «транспортные средства» потом кто-нибудь тщательно дезинфицирует, не говоря уже о самой посуде. К тому же два раза в день нас, словно в тюрьме, выводят на оправку во двор, в чудовищно грязный туалет, один на всех.

Народу тут скопилось более полутора сотен, притом публика самая разная: бедные деревенские торговцы, прибывшие на выходные в Хардуз, щеголеватые менеджеры транснациональных фирм, миссионеры протестантских церквей, моряки торговых флотов доброй дюжины стран, доставленные из единственного здешнего порта.

Люди за фанерными перегородками постоянно меняются. Три дня назад слева от меня появился какой-то подросток-араб, постоянно читавший вслух суры. До него я соседствовал с моряком из Голландии, жутко кричавшим по утрам. Ночью его тело увезли. Позавчера на рассвете подросток впервые заорал по-арабски, чтобы убрали свет, но сегодня его уже не было слышно.

К обеду по коридору прошли санитары. По шелесту пластиковой пленки, доносящемуся из-за стены, я понял, что они укладывают тело моего соседа в огромный пакет.

Я так и не успеваю выяснить, кто будет моим следующим соседом, потому что комендант Али вызывает меня, единственного врача в карантине, на конфиденциальную беседу в морг.

Меня трудно впечатлить картинами смерти. Потрошить покойников я начал еще на первом

курсе медицинского. Но ничего подобного никогда прежде не видел!..

Весь морг беспорядочно завален мертвыми телами. Они повсюду — на прозекторских столах, в холодильниках, на полу, на огромных подоконниках и даже в коридорах. Приметы алиментарной дистрофии налицо. У всех заостренные скулы, выпирающие ключицы, рельефные ребра. Оно и неудивительно: полный отказ от еды и тяжелая диарея в последние дни жизни.

Здесь есть мужчины и женщины, старики и дети. Практически все трупы выглядят как кровавое месиво. На них нет ни единого живого места. Впечатление такое, что с людей заживо сдирали кожу. Однако на самом-то деле она на месте, просто кровь и сукровица неким странным образом пропустили через поры. Белки глаз багровые от крови, вместо губ у большинства — бурые волдыри.

Али ослабляет защитную маску противовирусного костюма и отрешенно комментирует то, что мы видим:

— Сто двадцать четыре покойника только за последние шесть дней. Летальность более девяноста пяти процентов. Эпидемия развивается в геометрической прогрессии. Кошмар!

— Клиническая картина прежняя? — осведомляюсь я.

— Без всяких изменений. Мы пытались на первом этапе давать мощные антибиотики — бес-

полезно. Кислород, стимуляторы, вентиляция легких — то же самое.

— А экспериментальная вакцина? — хватаюсь я за спасительную соломинку, хотя уже от Йордана Христова знаю, что и она здесь не помогает. — Ведь в тех же Сьерра-Леоне и Нигерии уже излечиваются до восьмидесяти процентов инфицированных.

— Не действует. Перепробовали все. Никаких положительных результатов. — Али жестом приглашает меня выйти на улицу, осторожно снимает маску. — Мистер Артем, хочу тебе кое-что сказать. Мне тут из нашего Министерства внутренних дел позвонили...

— А им-то мы для чего понадобились? — искренне недоумеваю я.

— Эпидемия уже охватывает город. «Скорая помощь» не работает четвертый день — врачи и водители массово увольняются. Никакие превентивные меры не помогают. Информацию тщательно скрывают, но шила в мешке не утаишь.

— Чего уж таить, — говорю я и угрюмо вздыхаю. — У всех умерших есть родственники, друзья и соседи...

— Многие из которых даже отказываются забирать из морга тела, чтобы не подцепить инфекцию, — подхватывает мой собеседник. — Ты знаешь, что на окраинах уже встречаются трупы, которые никто не подбирает? Сотни тел на улице, и начнется повальный мор. С учетом нашего се-

вероафриканского климата это неизбежно. Люди очень напуганы, по окраинам распространяются самые нелепые и чудовищные слухи. Полицейские информаторы даже зафиксировали призывы сжечь карантин со всеми нами, чтобы зараза не распространялась дальше. — Огромные оливковые глаза Али неожиданно увлажняются. — Ты ведь в Хардузе не первый год, наверняка знаешь, что у нас есть и религиозные фанатики, и просто маргинальные личности, которые в случае чего на карантине не остановятся. Будешь звонить своим, попроси мистера Йордана быть готовым к самому худшему! Я ему уже и сам говорил, но думаю, если ты расскажешь, что видел в морге, то это будет поубедительней.

Я возвращаюсь в свою комнатку в полной депрессии. Самое худшее, кажется, уже произошло. «Испанка» начала прошлого века с ее семьюдесятью миллионами жертв — всего лишь невинное ОРЗ в сравнении с тем, что нас тут ждет.

Неделя жизни в таких вот условиях — достаточный срок, чтобы даже самый здоровый человек начал сомневаться в своем ближайшем будущем. Особенно если ты профессиональный вирусолог с восьмилетним практическим стажем и успел поработать с миссией Красного Креста и Полумесяца в четырех африканских странах.

Каждое утро я начинаю с внимательного осмотра рук, ног и груди. Малейший прыщик, которого еще не было прошлым вечером, заставляет мое сердце пронзительно екать. Я по несколько

раз в день рассматриваю в зеркальце белки глаз, раскрываю рот, тщательно изучаю язык и нёбо, мерзко гримасничая и кривляясь.

Клиническую картину я уже представляю достаточно неплохо. Инкубационный период — от недели до двух, в зависимости от иммунитета организма. Затем едва заметные воспаления кожи, легкий озноб, небольшая температура. После этого резкое ухудшение. Жар под сорок, заплывшие кровью глаза, мгновенный упадок сил, диарея и сыпь по всему телу, включая ротовую полость. Уже на следующий день эта самая сыпь превращается в огромные кровоточащие раны, напоминающие ожоги. Максимум двое суток — и мучительная смерть. А начинается все с мелочи.

На восьмой день пребывания в карантине я понимаю, что моя болезнь и летальный исход максимум в недельный срок практически предопределены. Если уж смертность составляет девяносто пять процентов, то где гарантии, что именно мне повезет попасть в число немногих счастливчиков?

Я перестаю следить за календарем и бриться, чтобы не нанести себе микротравмы лица, через которые в организм может проникнуть инфекция. Так есть шанс прожить на несколько дней дольше.

Я не читаю газеты и книги, которые с озией передают мне коллеги из миссии, тщательно прислушиваюсь к своим ощущениям и невольно готовлюсь к самому худшему. Так, наверное, ощущают себя в одиночной камере люди, приговоренные к казни. Смерть может постучать в дверь в

любую минуту дня и ночи, и спасенья ждать неоткуда.

Вскоре, однако, здравый смысл берет верх, и я осознаю, что этот путь ведет в никуда. Биться за себя надо до последнего дыхания, даже в самых безнадежных ситуациях. А вот излишняя мнимительность способна повредить рассудок даже совершенно здорового человека. А я ведь еще здоров. Проснулся с утра, и если не боишься дневного света, не кричишь как резаный, значит, пока все в порядке.

И тут я дохожу до очевидного вывода. Свето-боязнь, судя по всему, и является основным признаком новой мутации Эболы. Но почему об этом не догадался никто до меня?

3

Так проходят еще два дня жизни в карантине. Я уже потихоньку привыкаю и к истошным крикам «уберите свет!» за фанерными перегородками, да и к тому, что соседи за ними постоянно меняются. Вскоре и еду на тележке нам привозит другой кухонный посыльный. Мой вопрос «а где прежний?», судя по опечаленному взгляду новичка, звучит очень бестактно.

Удивительно, но у меня до сих пор нет никаких симптомов Эболы, хотя, по всем показателям, я давно уже должен был бы угодить в пластиковый чехол. Каждый день внимательно осматриваю в зеркальце полость рта — все чистенько! Нет ни сыпи, ни жара, ни слабости, ни тошноты, словом, ничего, что может указывать на инфекцию. А главное в том, что я по-прежнему люблю жизнь, щедрые африканские рассветы, солнечный свет, каждое утро подхожу к окну и подставляю лицо под его лучи.

До конца моего карантина остается всего два дня. Я уже потихоньку строю планы, чем займусь

в нашей миссии после выхода из заточения. А дел, судя по всему, у меня будет очень много.

Поздней ночью, буквально за несколько часов до выписки, я просыпаюсь от беспорядочных выстрелов и криков, доносящихся со стороны улицы. Я поднимаюсь и осторожно подхожу к окну.

На ярко освещенной площадке перед нашим зданием стоят несколько машин и длиннющий автобус, из которого торопливо высекают какие-то вооруженные люди. В руках некоторых — зажженные факелы. Люди эти невероятно агрессивны. Они кричат, жестикулируют и пытаются прорваться за металлические ворота. Несколько факелов летят через забор. Эти неизвестные личности явно хотят поджечь здание карантина. Однако гореть тут, к счастью, нечему. На площадке появляются все новые машины, толпа быстро густеет, с каждой минутой становится все злей и напористей.

Я названиваю в офис миссии, но Йордан Христов почему-то не отзыается. Не отвечают на вызов и другие наши сотрудники, даже те, которые работают в приемном отделении, хотя телефон там обычно включен круглосуточно.

Тем временем в толпе перед воротами происходит бурление. Несколько человек пытаются перелезть через ограду, но тщетно. Верхушки металлических прутьев заострены, словно копья, и густо переплетены колючей проволокой. Сквозь утрамбованную людскую массу медленно проплывает микроавтобус, на крыше которого стоят двое вооруженных людей. Они галдят, угрожающе ма-

шут кулаками в сторону наших окон, но стреляют пока только в воздух. А машины с людьми все подъезжают.

Вскоре появляется комендант карантинного отделения Али. Я сразу узнаю его по фигуре даже со спины. Али ожесточенно жестикулирует, пытается отогнать буйствующих туземцев от ворот.

Трещит короткая автоматная очередь. Комендант взмахивает рукой и падает наземь. Ворота карантина тут же с разгона таранит джип. Они с мерзким грохотом рушатся. Неуправляемая толпа вооруженных людей, беспорядочно стреляя в воздух, врывается в карантинный дворик.

И тут до моего слуха доносится пронзительный вопль по-арабски:

— Уничтожить заразу! Сжечь их всех заживо!

Я лихорадочно осматриваю комнатку, прикидывая варианты. Самое рискованное в такой ситуации — открыть окно и попытаться спуститься с третьего этажа. Здание карантина сложено из светло-серых бетонных блоков и подсвечивается снаружи прожекторами. Так что любой человеческий силуэт на этом фоне будет прекрасно виден с улицы. Но дверь в мою комнатку наглухо закрыта снаружи, со стороны коридора. А в соседях, обитающих за фанерными перегородками, я и во все не уверен. Бряд ли они мне хоть чем-то помогут.

Так что выбора у меня теперь, кажется, уже нет. Я с треском рву простыни на длинные полосы, скручиваю их в жгуты, связываю и распахиваю

окно. В комнату врывается кислородная свежесть ночной улицы.

Один конец самодельной веревки я привязываю к оконной раме, другой бросаю вниз. До земли, конечно, связанные простыни не достают, но это лучше, чем вообще ничего. Я проверяю связку на прочность, хватаюсь за жгут, осторожно перемещаюсь наружу, за окно.

Со стороны карантинного дворика тут же звучит резкий, рвущий уши треск автомата. Оконные стекла водопадом обрушаются вовнутрь моей комнатки. Я спускаюсь как можно быстрей, все это время ощущая себя живой мишенью. Ноги проваливаются в пустоту, тщетно ищут опоры. Простыня обжигает ладони. Секунды словно растягиваются, делаются неимоверно длинными и емкими. Следующая очередь выбивает бетонную крошку в каком-то сантиметре от моего плеча.

Когда до земли остается метра три, я группируюсь и отпускаю импровизированный трос. Приземляюсь вполне удачно — на ноги — и тут же боковым зрением замечаю, как в мою сторону бросаются сразу двое автоматчиков, беспорядочно стреляя на ходу.

Я тут же шмыгаю за угол, в хозяйственный дворик. Там сейчас наверняка темно. Если скрыться во дворике, до того как погромщики достигнут угла здания, есть шансы перемахнуть через забор.

Кусты, мусорные баки, бетонные блоки, вновь кусты, пищеблок и невысокое кирпичное ограждение с ажурной металлической решеткой по верху.

Я запрыгиваю на капот чьей-то машины, припаркованной у забора, оттуда на крышу, быстро перебираюсь через решетку. Неужели получилось?!

Автоматная очередь гремит спустя секунду после того, как я спрыгиваю наземь с внешней стороны забора. На мои плечи валятся пальмовые листья, сбитые пулями.

И тут мне несказанно везет. У самого забора отдыхает старенькая малолитражка. Водительская дверка приоткрыта, и в замке зажигания — о чудо! — торчит ключ. Видимо, владелец этого чуда техники услышал стрельбу, бросил свое богатство и в панике убежал в один из ближайших домов.

Мне надо удирать как можно дальше от карантина — к черту, к дьяволу, к шайтану, только бы не видеть этих жутких людей, решивших сжечь все здание вместе с ни в чем не повинными больными!

Я плюхаюсь за руль, проворачиваю ключ. Двигатель тут же отзыается мягким металлическим рокотом. Не включая фар, осторожно выруливаю из переулка, то и дело бросая тревожные взгляды в обзорное зеркальце. Никого не видно. Наверное, преследователи решили, что срезали меня из автоматов, и поленились проверять. Тем лучше.

Я не слишком хорошо знаю этот район и потому не сразу нахожу выезд из этих трущоб. Однако минут через двадцать наконец-то выезжаю на проспект, носящий имя президента Мухаммеда и тут же вжимаю в пол педаль тормоза.

Проспект, всегда очень даже нарядный, теперь затянут плотным дымом. В ядовито-желтом смо-

ге мелькают призрачные силуэты, где-то впереди зловеще мерцает багровое зарево пожара. Кажется, горит гипермаркет.

Из клубов дыма перед самым капотом машины материализуются двое громил с огромным плазменным телевизором в картонной коробке. На шее одного болтается «Узи», из-за спины другого торчит ружейный ствол. К счастью, эти милые ребята так заняты своей поклажей, что не обращают на меня никакого внимания.

Чувство все возрастающей опасности накрывает меня с головой. Почему никто не тушит пожар? Как полиция позволила толпам бандитов напасть на карантин, тем более что она обо всем знала? Почему стражи порядка не пресекают мародерство? Откуда у всех этих людей оружие?

Я приоткрываю дверку и тут же захлопываю ее. Салон наполняется удущливым смрадом, выбивающим из глаз жгучие слезы. Я задерживаю дыхание, даю задний ход, осторожно разворачиваюсь.

Добраться до нашей миссии можно и через набережную. Достаточно сделать крюк по одному из переулков, которые нарезают центр города на ровные квадраты. Дым пожарищ, кажется, охватил весь город. Я веду машину едва ли не вслепую, готовый затормозить в любой момент.

Поворот, еще один, парк Независимости, ровные ряды фонарей, слабо подкрашенный электричеством старый город, за которым празднично белеет громада президентского дворца. Кажется,

оттуда тоже доносятся автоматные очереди. Но дыма тут значительно меньше. Его, наверное, разогнал ночной бриз.

Неожиданно метрах в двадцати передо мной вырастает какой-то развязный юнец, напоминающий кинематографического палестинского боевика: серый камуфляж, грязная арафатка, автомат Калашникова. Этот субъект, широко расставив ноги, торчит на дороге прямо под фонарем. Я вижу, что он неторопливо, с явным удовольствием от собственной вседозволенности, наводит на меня оружие, целится прямо в лобовое стекло.

В таких ситуациях люди скорее действуют на инстинктах, чем осознанно. Да и времени на размышление не остается. Я пригибаюсь к рулю и резко даю по газам. Малолитражка взвизгивает протекторами и с ревом летит на автоматчика. Последнее, что я фиксирую сквозь клочковатые клубы дыма, — лицо юнца, изуродованное ужасом, широко раскрытые глаза и рот, разорванный криком. Машина с тяжелым вязким звуком ударяет негодяя бампером и тут же подпрыгивает. Этот поганец еще и угодил под заднее колесо.

Я кое-как осознаю, что произошло, но вины за собой не чувствую, твердо знаю, что в этой ситуации мог выжить лишь один из нас. Тот, у кого сильнее нервы и острее реакция.

Я на всех парах рву по переулку к морю и едва не врезаюсь в танк, перегораживающий проезд. Торможу, даю задний ход, выруливаю на узкую уличку, заставленную мусорными контейнерами,

с трудом маневрирую и наконец-то вывожу машину на набережную, абсолютно пустынную. Надсадно ревет двигатель, пронзительно визжат шины на виражах, рваные клочья пара клубятся перед капотом, горячий пот градом катится с моего лба.

А вот и наша миссия — военный госпиталь, построенный во времена французского колониального владычества. Она выглядит на удивление темной и зловещей. Электричество не горит даже в приемном покое. Во всем здании царит глубокая тишина. А ведь миссия Красного Креста и Полумесяца работает круглосуточно!

Вокруг, кажется, ни души. Улица выглядит как странный сюрреалистический коллаж, слепленный на скорую руку из далекого зарева пожаров, лунного блеска и непроницаемых бездонных теней. Все окна окрестных домов затемнены. Не светятся даже вывеска отеля напротив и неоновая реклама небольшого магазинчика на углу, обычно работающего круглосуточно.

Я глушу двигатель, выхожу из машины и без всякой надежды дергаю входную дверь миссии. Как и следовало ожидать, она нагло закрыта. Видимо, в здании не осталось даже сторожа, все разбежались.

Я усаживаюсь в машину, упираюсь лбом в пластик руля. Только теперь ощущаю, что у меня нестерпимо горят руки, стертые простыней, а левая нога, ушибленная при прыжке, сильно ноет. Мне не хочется даже задаваться вопросом, совершенно естественным в моей ситуации: что делать и куда

ехать. Накатывает странная апатия, когда на все наплевать. Будь что будет, ведь ничего уже не изменишь!

Да и менять-то, честно говоря, нечего. Вакцины против мутированной Эболы нет и не предвидится. Так что все мы теперь смертники. Вопрос лишь в том, сколько времени нам осталось жить.

Неожиданно в кармане оживает телефон. Странно, но мобильная связь в Хардузе все еще работает!

— Алло.

Телефон отзывается взволнованным голосом Йордана Христова:

— Артем, с тобой все в порядке? Ты еще в карантине?

— Уже нет. Мне пришлось уйти оттуда раньше времени. А что тут, черт возьми, происходит?

— В столице военный переворот. Причиной всему — вирус Эболы. Все подробности потом, сейчас нет времени. Если у тебя есть возможность, то срочно приезжай в международный аэропорт. В восемь утра миссия эвакуируется, для нас уже готовят самолет. У тебя мало времени.

— Как эвакуируется? Куда?.. Где теперь все наши?

— Пока мы переезжаем в глубь страны. Сейчас решаем, куда именно. А наши уже в аэропорту. Все, кроме тебя, Артем. Так ты сможешь приехать или нет?

Ч

Подростком я представлял себе смерть такой, как ее изображали на средневековых гравюрах, то бишь костлявой старухой в белом саване и с косой в руке. Такая смерть вызывала у меня не страх, а любопытство. Есть ли у этой старухи внучки, с кем она дружит, что ест на завтрак, какая у нее пенсия?..

Потом я стал студентом и видел иную смерть. Теперь она материализовалась в трупах, хранившихся в холодильниках прозекторской бюро судебно-медицинской экспертизы, где мы обычно проходили практику. Если привыкнуть к трупному запаху — а настоящие медики делают это очень быстро, — то начинаешь относиться к покойникам как к обычному расходному материалу, необходимому для работы.

Лишь сегодня утром я осознаю, что смерть всегда ходит где-то рядом. Она в любой момент может настигнуть кого угодно.

До международного аэропорта я не доезжаю. Километрах в трех от него заканчивается бензин.

Я бросаю на обочине чужую машину, спасшую мне жизнь, иду по непривычно пустынному шоссе и минут через десять натыкаюсь на два трупа.

Молодая женщина в хиджабе, скорее всего, из мусульман-ортодоксов, прижимает к себе мертвого младенца. Живот женщины разворочен, судя по всему, очередью из крупнокалиберного пулемета. В желтой пыли мерцают ее перламутровые внутренности.

Вскоре трупы попадаются уже буквально на каждом шагу. В основном это старики, женщины и дети, притом все, судя по одежде, — ортодоксальные мусульмане. Большинство обезображенено огнестрельными ранениями. Пули перебили кости, раскололи черепа. Люди лежат в лужах крови, еще липкой, не засохшей.

Метров через пятьдесят огромный туристический автобус косо застыл на обочине, словно океанский лайнер, потерпевший крушение. Его борта буквально изрешечены пулями. Серые комья мозга на заднем бампере, густые потеки крови на асфальте. Водительская дверка приоткрыта. Из-за руля свешивается тело мужчины с огромной алой раной в боку.

Несомненно, автобус с пассажирами расстрелян совсем недавно. Но кто и ради чего совершил это дикое зверство?

Солнце постепенно лезет вверх. По спине катится пот, рубашка взмокает. Нагретый асфальт липнет к подошвам. Международный аэропорт

уже совсем близко. В перспективе утреннего марева различимы радарные вышки и башенка командно-диспетчерского пункта.

Тут позади меня раздается истошное завывание, которое с каждым мгновением становится пронзительней и гуще. Асфальт, как мне кажется, буквально вибрирует и прогибается от этого звука. В кровь мгновенно выбрасывается адреналин. Я отбегаю в сторону, на пригорок, прячусь за скальным выступом и осторожно выглядываю наружу.

По пустынной трассе мчится кортеж. Впереди, хищно принюхиваясь к разгоряченному шоссе пулеметным стволов, идет бронемашина. Она покрыта желто-красными разводами под цвет пустыни. За ней следуют два джипа с проблесковыми маячками на крышах. Они-то и распространяют этот нечеловеческий рев. За джипами тянется огромный черный лимузин с затемненными окнами и государственным флагком на переднем крыле. Замыкают процессию две огромные фуры с эмблемами госбанка этой страны и еще один броневик. Башенка то и дело вращается вправо-влево. Пулеметчик явно готов расстрелять все живое, замеченное в пределах видимости.

Визжит сирена, ревут двигатели. Президентский кортеж в знойном мареве движется в направлении международного аэропорта и вскоре исчезает.

Я осторожно покидаю свое укрытие, и только тут до меня доходит очевидный факт. Не догадай-

ся я вовремя скрыться, меня наверняка расстреляли бы точно так же, как тех несчастных в автобусе!

К условленному времени я, конечно же, не успеваю. Впрочем, меня не пускают даже на площадку перед терминалом. У турникета стоит камуфлированный боец с короткоствольным автоматом. Этот тип буквально пробивает меня своим настороженным взглядом. Он даже отказывается посмотреть мои служебные документы, а на все просьбы отвечает одной только фразой: «Не положено!»

Мой мобильный давно разрядился. Поэтому я не могу связаться ни с Йорданом, ни с кем-нибудь из наших.

Наконец президентский самолет вместе с холуями и материальными ценностями взмывает со взлетно-посадочной полосы. Следом поднимается в воздух еще один.

Парень в камуфляже коротко кивает. Мол, вот теперь можно, проходи.

Я мчусь в пассажирский терминал и тут же натыкаюсь на Йордана Христова. Лицо его, обычно спокойное и доброжелательное, теперь напряжено, как у человека, всходящего на эшафот.

— Артем, рад тебя видеть. — Христов берет меня под руку и увлекает в закуток за билетными кассами. — Самолета не будет. Его отобрала команда президента. Ты, наверное, видел, как он бежал в аэропорт. Не во что было посадить его челядь. Сбежали из страны как крысы с тонущего корабля, кажется, в Саудовскую Аравию.

Новость о конфискованном самолете меня даже не удивляет. Как говорится, не бывает так плохо, чтобы не было еще хуже. Главное, что я теперь опять вместе с коллегами.

— Но мы договорились с местными, которые вывезут нас в Эль-Башар. Этот оазис расположен в трехстах пятидесяти километрах отсюда, — обнадеживает меня собеседник. — Я узнавал, там пока все спокойно. Правда, по дороге может случиться всякое. В стране начинается гражданская война, где все против всех.

Я рассказываю Христову об автобусе, расстрелянном на шоссе.

— Война кланов, где пощады не будет никому, — резюмирует он, горестно поджав губы. — Боюсь, что это только начало.

5

Вот уже второй час наша автоколонна неторопливо катит по хамаде. Именно так местные жители называют Каменистую Сахару.

Наверное, в прошлой жизни Йордан был коммивояжером, а не врачом-офтальмологом. Он буквально за десять минут умудрился договориться с местными арабами не только об аренде туристического автобуса для нас и минивэна для медицинского оборудования, но и о вооруженной охране.

В миссии нас всех — четырнадцать человек, прибывших из такого же числа стран. Кроме нас с Христовым, все остальные — женщины. Так что охрана не повредит. Особенно после всего, что я насмотрелся тут за последние сутки.

Правда, мне не очень-то симпатичны наши охранники. Водитель, длинный как жердь мужчина с физиономией, иссущенной пустынными ветрами, с пулеметной лентой, картино перекинутой через плечо, выглядит настоящим фундаменталистом и бандитом.

В переднем кресле, лицом к нам, восседает Лаид, тот самый араб, с которым и договорился Йордан. Он вроде бы за старшего среди соплеменников. Этот тип смотрится чуточку интеллигентней. На нем европейский костюм, белая рубашка, лаковые туфли. Если бы не автоматическая винтовка «М-16», небрежно лежащая у него на коленях, то Лаид вполне мог бы сойти за мелкого клерка из Хардуза.

Однако эти ребята вроде бы настроены вполне доброжелательно. Каждые два часа водитель останавливает автобус, чтобы мы немного размялись и проветрились, словно везет он не беженцев, а туристов. Лаид периодически предлагает всем питьевую воду. В автобусе ее много, несколько ящиков. Как знать, может, я после всего произошедшего просто стал хуже думать о людях?

А за пыльными окнами разворачивается унылый пейзаж: желто-серые пригорки, поросшие чахлыми кустиками, и красноватые горы в далекой перспективе. По обочинам шоссе изредка желтеют убогие поселки, состоящие из глинобитных домиков, совершенно безлюдные. За все время, проведенное в дороге, мы не видели ни единой машины, ни попутной, ни встречной.

— Если ничего не случится, то через два с половиной часа будем на месте, — говорит Йордан, сидящий рядом со мной, и поглаживает кейс со стационарным спутниковым телефоном.

Это теперь наш единственный способ сообщить о себе и позвать на помощь. Ведь с сегодняшнего утра мобильная связь в стране не работает.

— Артем, у меня есть очень хорошая новость, — неожиданно объявляет глава миссии. — Создана вакцина от нашей модификации Эболы.

— Да?.. Но как успели? А главное кто?

— Не хочу нагружать тебя подробностями. Буквально вчера я связался с нашим руководством. Оказывается, вирусологи давно предвидели, что Эбола будет муттировать именно таким образом, как у нас. Они не только смоделировали этот подтип вируса, но и нашли от него противоядие, вроде бы стопроцентное. Кстати, анализы покойного Саши Вишневского тоже очень пригодились.

Я нетерпеливо ерзаю на сиденье и спрашиваю:

— И что теперь будет?

— В срочном порядке создается международная экспедиция. В течение недели она будет тут. Дальше — тотальная вакцинация всего населения страны, от мала до велика. Это займет месяца полтора от силы. Предварительный прогноз выздоровления — до девяноста пяти процентов.

Я лихорадочно прикидываю, сколько врачей потребуется для такой вот тотальной вакцинации. Население этой страны составляет около десяти миллионов, из которых лишь два с половиной живет в городах, остальные же ются в нищих поселках, разбросанных по оазисам всей Каменистой Сахары.

— Но ведь для этого потребуется как минимум несколько сотен вакцинологов, которым придется работать по десять-двенадцать часов в сутки!

— Нам обещают серьезную международную помощь людьми, финансами, техникой. Главное — победить Эболу тут, чтобы она не распространялась дальше. На кону вопрос выживания не только населения Северной Африки. Но сперва надо будет встретить транспортный самолет. Слушай, Артем, а вот фамилия Карский тебе о чем-нибудь говорит? Академик Аркадий Федорович Карский...

Еще бы! Ученый европейского уровня, автор нескольких десятков вакцин, которые используются по всему миру. А главное — мой любимый учитель, человек, по большому счету, и сделавший из меня вирусолога!

— Аркадий Федорович считал и, надеюсь, до сих считает меня одним из своих лучших учеников, — отвечаю я не без скрытого удовольствия. — Он даже написал на мои научные разработки две рецензии, вполне положительные.

— Вот и прекрасно, — говорит Христов и продолжает безо всяких эмоций, откусывая предложения, словно клещи проволоку: — Академик Карский вместе с небольшим штатом сотрудников будет у нас уже через несколько дней. Экспедиция утверждена и сформирована, тем более что экспериментальное производство вакцины вроде бы налажено. Для начала решено отправить сюда пробную партию и работать с населением по кон-

крайним районам. То есть создавать зоны, свободные от Эболы, которые дальше будут расширяться. Вот как раз с оазиса Эль-Башар и прилегающих территорий и начнем, тем более что там находится военный аэродром, пусть и заброшенный, но с вполне пригодной взлетно-посадочной полосой. Новую вакцину можно вводить даже больным на последней стадии. Многие из них выздоравливают.

— Неужели уже есть результаты клинических исследований?

— Не знаю. — Йордан Христов поджимает губы. — Мне так сообщили из нашего центра, и у меня нет оснований не верить этому.

Неожиданно ловлю себя на том, что моя физиономия расплывается в идиотской улыбке. Оно и понятно. За последние недели я уже отвык от того, что новости бывают не только плохими.

Я осторожно высказываю план дальнейших действий:

— Значит, в Эль-Башаре нам надо будет разворачивать палатки, организовывать пункты приема пациентов. Потребуется питание, полевые кухни и все, что положено иметь в таких случаях.

— Главное пока — встретить самолет.

— Но ведь в этой стране сейчас творится черт знает что. Я вообще не могу понять, как Эбола спровоцировала военный переворот.

Йордан морщится. У нас в миссии вообще не принято распространяться о политике. Беспри-

страстность, нейтральность — один из наших главных принципов. Однако в этой ситуации без развернутого объяснения не обойтись.

— Все очень просто, — говорит Христов. — Президент Мухаммед, свидетелями бегства которого мы были, делал ставку на средний класс из продвинутых городских арабов. Воровал, конечно, но не мешал делать это и другим. Кроме военных, которых терпеть не мог. Они, естественно, отвечали ему тем же. Мухаммеда не любили берберы, фундаменталисты и многие другие. Так что для переворота нужен был только повод. Эбола и стала им. Мол, президент не принимал никаких мер, а инфекцию якобы принес в страну специально, чтобы уничтожить неугодных.

Солнце незаметно опускается за красно-коричневый пик. На шоссе быстро ложится широкая фиолетовая тень. Трасса постепенно поднимается в горы.

Странно, но эта дорога до Эль-Башара мне совершенно не знакома. Когда мы с Вишневским ездили в оазис, там не было никаких гор.

Мы минуем перевал, наступают сумерки. Автобус останавливается посередине какого-то городка.

Лицо Лайда неожиданно становится совершенно непроницаемым. Всю недавнюю доброжелательность с него будто ветром сдувает. Он становится в проходе между сиденьями, недобро щурится и демонстративно направляет на нас оружие.

Переносчик смерти

— Всем слушать предельно внимательно, дважды не повторяю, — на безукоризненном английском произносит Лаид. — Все вы теперь заложники и будете обменяны на негодяев, которые расстреляли автобус с нашими братьями и сестрами по дороге в аэропорт. Мы точно знаем, что это дело рук военных. Мы уже связались с Хардузом — пусть поторапливаются. Иначе нам придется вас расстрелять.

6

Ночь. Идут вторые сутки нашего невольного пребывания в каком-то дрянном городишке, затерянном в незнакомой мне части Каменистой Сахары. Кто же мог предвидеть, что наши охранники окажутся вероломными сволочами, уготовившими нам такую участь?!

Чертов Лаид, казавшийся сначала таким интеллигентным и доброжелательным, сбросил с себя маску, во всей красе показал свое истинное лицо. Это фундаменталист, ради достижения своей цели готовый идти на самые крайние меры.

Ни я, ни Йордан, ни тем более женщины из нашей миссии ничем не виноваты перед Лаидом и его дружками. Просто мы неудачно для себя оказались не в то время не в том месте. Если бы не мы, то Лаиду пришлось бы искать других «счастливчиков». Тех, кто должен был стать разменной монетой в игре фундаменталистов, войне всех против всех.

Ведь наш недавний охранник, как и его товарищи по оружию, не признает никого из участ-

ников конфликта, разразившегося здесь. Для них одинаково неприемлем и президент Мухаммед, торопливо унесший свою драгоценную задницу из страны, и кучка военных, совершивших переворот. Сбежавшего правителя Лайд в разговорах чаще всего называет куском верблюжьего деръма и почти каждый раз презрительно сплевывает, будто видит того перед собой. Временное военное правительство он именует не иначе как прислужниками шайтана.

Впрочем, нам от всего этого ничуть не легче. Можно смело утверждать, что мы попали из огня да в полымя. Люди, окружающие нас, являются третьей стороной конфликта.

Они вооружены и очень даже неплохо оснащены военной техникой. Когда нас везли сюда, я своими глазами видел не просто отдельных боевиков на постах, а целые скопления бронетехники. Боевые машины здесь повсюду. Не только на блокпосту при въезде в этот городок, но и на улицах. Бряд ли это показуха, устроенная специально для нас.

Городок наверняка полностью удерживается фундаменталистами. Он превращен ими в свою базу. Но какими бы благими целями они ни прикрывались, верить в их справедливость и, главное, гуманность не приходится.

Каждая минута, проведенная здесь, иногда кажется мне целым часом. Тревога обволакивает сознание. Ожидание самого худшего никуда не исче-

зает. Острый занозой сидит в голове мысль о том, что боевики нас пустят в расход.

Да, и Лаид и его подельники стараются вести себя корректно, во всяком случае пока. Некоторые даже позволяют себе улыбаться нам, пытаются проявить известную долю вежливости. Однако меня не проведешь. Я-то прекрасно вижу, что все это лишь спектакль, за кулисами которого места для вежливых улыбок нет. Я догадываюсь, что там, за сценой, лишь звериный оскал бескрайнего зла.

Я не знаю, что с нами будет, но уверен в том, что игра, затеянная боевиками, не сулит нам ровным счетом ничего хорошего. Не эти ребята, так другие, в руки которых мы попадем от Лаида, превратят нас в трупы без всякого вмешательства вируса Эбола. Даже не важно, что это будет — расстрел либо какой-нибудь изуверский дедовский способ казни, коих с древних времен хватало на Востоке.

Мне не хочется умирать. Я не желаю, чтобы погиб мой коллега и женщины из нашей миссии, пытаюсь преодолеть оцепенение, в котором то и дело оказывается мое сознание. Мне обязательно надо придумать, как избежать той злой участи, которую нам готовят фундаменталисты.

По прибытии в этот городок боевики упрятали нас за решетку. Я сразу для себя отметил, что здание, куда нас поместили, изначально не являлось тюрьмой. В этом большом глинобитном доме еще несколько дней назад кто-то жил своей обычной

жизнью. Скорее всего, боевики их попросту изгнали отсюда и превратили здание в темницу. Судя по всему, окна зарешечены совсем недавно. Отдельные детали в комнате намекают на то, что мои предположения верны.

Нас с Йорданом держат в маленьком помещении. Женщин же упрытали в относительно просторную комнату по соседству.

В еще одной комнатушке фундаменталисты заперли нескольких иностранцев. Их так же, как и нас, захватили в качестве заложников. Это то ли шведы, то ли швейцарцы. Точно узнать мы не смогли. Едва мы попытались переговариваться через стену, как охранники дали нам понять, что делать этого не стоит.

Охрана, кстати, дежурит снаружи круглосуточно. В каком количестве они несут свою вахту, точно неизвестно. По обрывкам фраз, доносящимся оттуда, я могу предположить, что обычно нашу темницу сторожат двое боевиков. Правда, в момент, когда нас выводят на прогулку, число охранников возрастает минимум до десяти человек.

Прогулка, довольно сносная еда и питье — это то, что должно демонстрировать гуманность боевиков, удерживающих нас в плену. Кроме того, они даже разрешили Йордану взять с собой медицинский саквояж с лекарствами, так, на всякий случай.

Однако во время прогулки нам запрещают общаться между собой. Лишь по выражению лиц наших сотрудниц мы видим, что они в ужасе от про-

исходящего. Лица многих из них успели опухнуть от слез. Но мы никак не можем утешить и уж тем более обнадежить женщин. Разве что взглядами.

Часть охранников в это время расхаживает между нами. Задавать им вопросы или обращаться с просьбами запрещено. Они заговаривают первыми, явно озвучивая слова, которым их научили командиры. Спрашивают, все ли нас устраивает, нет ли каких вопросов и пожеланий.

Мне постоянно хочется сорваться и заорать, что нас ничего здесь не устраивает. Мы находимся тут вопреки всем международным нормам, не по своей воле, хотим связаться с начальством. Однако нет никакого смысла устраивать такой выпад. Реакция охраны непредсказуема. Подвергать коллег дополнительной опасности мне не хочется. Поэтому я молчу, как и Христов. Мы понимающие переглядываемся и говорим, что нас все устраивает и вопросов нет.

Одна из женщин жалуется на насекомых в их комнате. Охранники обещают передать ее слова своему командиру. Затем нас уводят обратно в дом.

По пути мы в течение нескольких секунд видим наших товарищих по несчастью, которых охранники выводят из соседней комнаты. Но заговорить с ними нельзя. Массивный боевик громко напоминает об этом всем нам.

Я задумываюсь над тем, почему фундаменталисты вывели этих людей из комнаты именно сейчас, когда мы еще не вернулись к себе? Это

наверняка один из способов психологического давления на нас. Скорее всего, никто из боевиков, включая Лайда, ничего не смыслит в психологии как науке. Однако на обыденном уровне они еще те ученые!

Один из иностранцев, несмотря на громогласное предупреждение охранника, не выдерживает и спрашивает у нас по-английски:

— Откуда вы, парни?

Реакция охраны следует сразу же. Близстоящий боевик в ту же секунду бьет заложника прикладом автомата под дых и заталкивает обратно в комнату. При этом он говорит, что нарушитель дисциплины лишается прогулки.

Нас спешно разводят по местам и запирают двери. По звукам, доносящимся из соседней комнатушки, я делаю неутешительный вывод. Иностранца, заговорившего с нами, долго и методично избивают, не давая при этом кричать. Вот они, хваленные гуманность и справедливость фундаменталистов.

В эти самые минуты мое желание совершить побег начинает обретать все более и более выразительные черты. При этом я прекрасно помню предупреждение Лайда. Да, за попытку бегства нас ждет смерть.

Мысль об этом не дает мне покоя. Она подкрепляется не только желанием оказаться на свободе и остаться в живых, но и необходимостью продолжить свою работу в этой стране. Ну да, той самой, где все только и твердят о Всевышнем,

хотя Он, по всей видимости, решил до поры до времени покинуть этот край. Вспышка эпидемии лихорадки Эбола, переворот, гражданская война на три фронта!..

Невзирая на все ужасы последних дней, я уверен в правильности своих устремлений. Я стараюсь не потерять счет дней, помню, что через неделю в оазисе Эль-Башар должен приземлиться самолет с вакциной, персоналом и академиком Аркадием Карским.

Я говорю об этом своему коллеге. Йордан не меньше, чем я, впечатлен избиением заложника в соседней комнате. О побеге он даже не заикается, но на мои слова о заветном самолете реагирует с проблеском надежды в глазах.

— Да, Артем, — говорит болгарин, мечтательно глядя куда-то мимо меня. — Я не забыл о прибытии самолета в Эль-Башар. Не могу себе представить, как там все пройдет без предварительной подготовки. А ведь готовиться к встрече группы Карского следовало бы если не прямо сейчас, то в ближайшие дни. Нужно договориться с тамошней местной администрацией. Еще неизвестно, какая там обстановка и чью сторону в гражданской войне заняли местные власти.

— Полагаю, что в победе над эпидемией заинтересованы все стороны конфликта, — высказываясь я и вижу, что коллега не вполне согласен со мной.

— Если бы это было так, то нас бы здесь сейчас не держали, — печально шепчет он и продол-

жает: — А в оазисе Эль-Башар, кроме всего про-
чего, нужно позаботиться о подготовке лагеря для
проведения вакцинации. Да и взлетно-посадочную
полосу осмотреть не мешало бы. Ты представля-
ешь, сколько работы пришлось бы нам проделать,
будь мы сейчас там?

— Представляю, — спокойно говорю я в ответ
и тут же замечаю: — Но ведь нам не впервые стал-
киваться с таким объемом работы. Так что...

Христов не дает мне договорить.

— Ты забываешь, что мы сейчас за решеткой
и без ведома этих бородатых уродов не можем
даже в уборную сходить, — с горечью произносит
он, садясь на подобие топчана, устроенного возле
стены.

Я подхожу к нему и пытаюсь повести наш раз-
говор к вопросу о бегстве. Однако коллега даже и
слышать меня не хочет. Хотя до этого мне каза-
лось, что дух его не сломлен и Йордан все же со-
гласится с моей мыслью о необходимости побега.

— Выбрось это из головы, — коротко броса-
ет он.

Я вижу, что спорить с ним сейчас бессмысленно, но саму идею не оставляю, предполагаю, что в
ближайшее время коллега может изменить свое
мнение.

Мы не забываем о том, что фундаменталисты
планируют обменять нас на тех военных из Хар-
дуза, которые убили их «братьев и сестер» по до-
роге в аэропорт. Правда, нам неизвестно, насколь-
ко успешно проходят переговоры по этому поводу.

То, что они действительно ведутся, косвенно подтверждают реплики наших охранников, случайно долетающие до нас.

Этих слов крайне мало, чтобы представить целостную картину. Однако их вполне достаточно для того, чтобы понять главное — переговоры идут ни шатко ни валко, как это обычно и бывает на Востоке.

Для нас это означает лишь одно. Мы будем находиться здесь, сидеть взаперти до тех пор, пока в переговорах не наметится серьезный сдвиг. Любой, как положительный, так и отрицательный для наших похитителей.

Ожидание утомляет и изнуряет. Мне хочется верить, что нас не убьют при любом повороте переговоров.

— Мы слишком ценный товар, чтобы вот так запросто его уничтожить, — заявляет Христов по этому поводу.

На словах я соглашаюсь с ним, хотя подобной уверенности у меня нет.

Наши женщины выглядят совершенно деморализованными. Мы не можем им сказать ни одного обнадеживающего слова.

Другие наши соседи по темнице ведут себя тихо. Мы больше их не видим. На прогулку теперь они выходят только после нас, когда мы вновь оказываемся под замком. Если бы не факт их вывода на улицу и не кормежка, то можно было бы предположить, что заложников в соседней комнатушке больше нет. Настолько там тихо.

Йордан считает эту тишину последствием того инцидента, когда пленник попытался задать нам вопрос. Я же сильно сомневаюсь в этом, иногда прикладываю ухо к стене, разделяющей комнаты, и понимаю, что тишина относительна. Какие-то звуки оттуда все-таки доносятся. Весьма приглушенные, но все же.

Они усиливаются, пусть и незначительно, лишь тогда, когда наши охранники отходят к молитве. Сначала мне подумалось, что это просто случайное совпадение. Но я решил проверить, так ли это. Оказалось, что всякий раз, когда наши соглядатаи предавались молитве, звуки, доносящиеся из соседнего помещения, непременно усиливались.

Йордан скептически наблюдал за моими действиями, но не мешал мне. Он полагал, что я так вот компенсирую вынужденное безделье.

Где-то после полуночи мы просыпаемся от шума. Снаружи кто-то громко кричит по-арабски. До нас доносятся рев автомобильного двигателя и треск автоматных очередей. Спустя некоторое время охранники врываются в соседнюю комнату и на повышенных тонах что-то выспрашивают у заложников.

Двери нашей камеры тоже распахиваются. Боеники светят нам в лицо фонариками, затем обшаривают все помещение. Они не обнаруживают ничего подозрительного, уходят и захлопывают за собой дверь. Затем подобный досмотр происходит в комнате, где находятся наши коллеги-женщины.

Вскоре шум прекращается. Боевики покидают дом и дают нам возможность досмотреть наши тревожные сны.

Они поднимают нас с первыми лучами солнца и под дулами автоматов выгоняют на улицу. Туда, куда обычно выводили на прогулку. Но для моциона сейчас рановато. Не может быть сомнения в том, что все это как-то связано с недавними ночных событиями. Я уже догадываюсь, что именно произошло, но не могу ни с кем поделиться своими соображениями.

Нас выстраивают на площадке между тюрьмой и домом, где, вероятно, размещается нечто вроде караульного помещения. Боевиков вокруг больше, чем обычно. Пятнадцать, а то и все двадцать человек.

По центру площадки расхаживает высокий мужчина арабской внешности. Он явно чем-то недоволен и готов вот-вот выплеснуть свое отвратительное настроение на пленников.

Женщины замерли в тревожном ожидании. Йордан одновременно со мной заметил, что среди заложников из злосчастной соседней комнаты не хватает одного человека. Коллега едва заметно пожимает плечами. Я же лишний раз утверждаюсь в истинности своей догадки.

Проходит еще минута, и у караулки появляется пара боевиков. Они гонят перед собой избитого мужчину в разорванной и окровавленной одежде, тычут дулами автоматов ему в спину.

Долговязый тип тычет пальцем в приведенного мужчину и начинает громко объяснять ситуацию. Переводчик из числа боевиков едва справляется с тем, чтобы передать смысл сказанного на английском.

Я не понимаю, зачем он вообще здесь нужен, если все мы неплохо понимаем арабский язык. Видимо, командир боевиков хочет лишний раз подчеркнуть свою значимость. Впрочем, это мало касается сути происходящего.

Долговязый субъект говорит о том, что ночью один из пленников попытался совершить побег, но был остановлен охранниками. Каким способом заложник пробовал уйти, боевик не уточняет. Но при этом набрасывается на других пленников с претензией. Дескать, почему вы не рассказали охранникам о намерениях своего соотечественника? Пленники прячут головы в плечи и молчат, словно воды в рот набрали.

Начальник отдает команду своим подчиненным, и те отвешивают заложникам по несколько ударов плетью за недонесение. Нас не трогают, но настоятельно требуют обратить внимание на то, что будет с нами, учини мы что-либо подобное.

Когда экзекуция подходит к концу, командир кивает на неудавшегося беглеца и произносит лишь одно слово:

— Расстрелять!

Боевики тотчас же передергивают затворы автоматов. Мы замираем в ожидании худшего.

Женщины стараются не смотреть. Звучит приказ увести ослушавшегося пленника за угол и прикончить его там.

«Какая гуманность», — горько иронизирую я, провожая взглядом несчастного человека.

Ощущается всеобщая оторопь с долей недоверия. А вдруг все это блеф и никто не собирается расстреливать заложника? Но несколько коротких очередей отрезвляют пленников.

— Так будет с каждым! — заверяет нас долговязый тип и отдает команду вернуть всех в тюрьму.

Он уверен, что может так запугать нас. Но во мне еще больше усиливается желание бежать. Если раньше оно заканчивалось там же, где и начиналось, то сейчас я приступаю к детальной проработке плана побега. На это уходит остаток дня.

Йордан удивлен моему молчанию. Коллега думает, что я нахожусь под впечатлением от показательного наказания наших соседей. Мне стоит немалых усилий поведать ему то, к чему я пришел после долгих часов молчаливых размышлений.

Сначала он мне не верит, потом выражает сомнение в осуществимости того, что я задумал. Мне приходится приводить все новые и новые аргументы в пользу моего плана.

Христов внимательно выслушивает меня. Его лицо меняется, светлеет впервые за время плена. Он понимает, что мой замысел не такой уж и безрассудный, каким показался ему сначала.

7

План мой рассчитан не на один день. Однако к его осуществлению мы приступаем немедленно, на следующую же ночь после экзекуции. Все пленники, кроме нас, спят.

Охранники находятся во дворе, рядом с входной дверью. Раз в час один из них обходит вокруг дома, а другой забредает внутрь. При малейшем подозрении он готов открыть любую комнату, где содержатся заложники.

За время пребывания здесь, особенно при выходах на прогулки, я сумел хоть как-то изучить планировку здания и узнать кое-что об окрестностях. Одна сторона нашей с Йорданом камеры выходит во двор, сразу за которым начинается Каменистая Сахара. В глинистой стене масса трещин. Это и неудивительно, ведь дом, который боевики превратили в тюрьму, довольно старый. Трешины долго мозолили мне глаза. Но я наконец-то сообразил, что их можно использовать при подготовке побега.

Пару часов мы тратим на то, чтобы лишний раз убедиться в том, что интервалы между обходами, совершаемыми охранниками, составляют примерно час. Это мое наблюдение подтверждается, и мы сразу же беремся за дело.

За время дневной прогулки мы сумели незаметно насобирать в карманы и пронести с собой несколько кусочков дерева. Сейчас же я и Йордан занялись делом, на первый взгляд кажущимся весьма странным.

Мы берем эти щепки и заталкиваем их в трещины, хорошо заметные в глинобитной стене. Делаем так, чтобы деревяшки плотно прилегали друг к другу. Как только трещины оказываются забитыми древесиной, мы приступаем к следующему этапу работы. Йордан достает из саквояжа два шприца, один передает мне. Мы заполняем их водой и буквально вдавливаем ее в куски дерева, заложенные в трещины.

Для чего все это? Дело в том, что нам доступен только один способ тихого воздействия на стену, преграждающую нам путь к свободе. Он очень древний, но едва ли не самый совершенный. Ведь вода — это великая сила!

Речь идет не только о бурных речных потоках океанических цунами, способных в буквальном смысле смыть с лица земли целые поселения и даже города. Я говорю о воде как таковой. О ее силе знали еще древние люди и пользовались ею для своих нужд.

Ученые долго спорили, каким образом древние египтяне откалывали огромные блоки песчаника для строительства пирамид. По данным современной науки, эти мастера Древнего Египта с помощью бронзовых долот вырубали в песчанике щели, вставляли в них дерево и поливали его водой. Оно разбухало и расширялось, что способствовало появлению трещин в каменной породе.

Вот и мы с Йорданом пытаемся сейчас проделать то же, чтобы вода и дерево постепенно разрушили ненавистную нам тюремную стену. Уверенности в положительном результате у нас хоть отбавляй. Даже мой коллега позабыл про свой недавний скепсис.

До рассвета еще очень далеко, а мы уже успели обработать все трещины, которые определили заранее. Через десять минут охранники начнут свой обход.

Мы завешиваем обработанный участок стены одеждой, тушим очередную лучину, в свете которой заканчивали работу, и укладываемся каждый на свою лежанку. Христов удовлетворен нашей работой, однако считает, что на этом останавливаться нельзя.

— Артем, мы должны сегодня же продолжить начатое дело, — спокойно заявляет он, наверняка понимая, что я перечить не стану.

— Да, только обождем, пока закончится обход, — быстро соглашаюсь я.

В эти секунды слышится, как открывается входная дверь, и один из боевиков, караулящих нас, входит в дом. Одновременно мы слышим шаги его напарника, доносящиеся снаружи, и невольно замираем.

Я лежу на боку, повернувшись к стенке, и слышу, как наших соседей в третий раз за ночь шмоняют по полной программе. Вскоре раскрывается и дверь в нашу комнату. Охранник шарит лучом фонарика по нашим лежанкам. Особое внимание он обращает на пол, выясняет, нет ли следов подкопа. При этом боевик подходит почти вплотную к той самой части стены, которую мы не так давно обработали водой.

Я невольно сжимаю кулаки, готовясь к разоблачению. Сердце бешено колотится и рвется из груди. Мне кажется, что охранник вот-вот услышит этот стук. Однако все обходится. Не обнаружив ничего особенного, тот что-то бурчит себе под нос и переходит в комнату, где содержатся женщины.

Минут через двадцать обход завершается, и у нас появляется возможность вновь приступить к нашему занятию. Мы с Христовым делимся впечатлениями от появления охранника. Оказывается, что оба волновались одинаково сильно. Однако, как говорится, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Я-то его совсем не пью, но эта фраза мне нравится.

Я произношу ее вслух и приступаю к делу. Необработанных трещин на участке стены, выбран-

ном нами, уже не осталось. Поэтому нашей теперешней задачей становится проделывание новых отверстий в глине. Для этого мы используем то, что имеем под рукой.

Мой коллега извлекает из своей обуви супинаторы. Я давно присмотрел шуруп, торчащий в одной из досок моей лежанки. Предполагал, что применю его в самом крайнем случае как холодное оружие. Многих я, конечно, не убил бы, но одному боевику в сонную артерию вогнал бы точно. Сейчас же я понимаю, что он пригодится мне в другом деле.

Старателльно, не мешая друг другу, мы проделываем в стене новые отверстия, при этом не забываем прислушиваться к любым звукам. Ведь обход может произойти и внепланово. Но ничего подозрительного не происходит.

Мы продолжаем ковырять стены. Супинаторами и шурупом делать это не так-то и просто. Однако желание оказаться на свободе сильнее всего. Мы молча выполняем намеченную работу и понимаем друг друга без слов. Такая слаженность дает очень хороший результат. Я не могу сдержаться от улыбки.

За дверью слышится шум. Время для нового обхода еще не наступило. Однако охранник появляется раньше времени!

Мы тут же останавливаемся, вешаем одежду на обработанную стену, прячем наши импровизированные орудия труда, гасим лучину, разбегаемся по лежанкам и притворяемся спящими. Дверь

отворяется. Охранник повторяет уже знакомую нам процедуру, однако не уходит, принюхивается. Я слышу, как он глубоко дышит.

«Черт побери! — думаю я. — Он же уловил запах дыма от лучины!»

Мои нервы напряжены. Шуруп спрятан под обшивку моей лежанки. Если что, я не успею его достать. Мне кажется, что охранник вот-вот закричит, приказывая нам подняться со своих мест. Но вместо этого он громко чихает, потом произносит то ли ругательство, то ли молитвенную формулу во здравие себе самому и тут же уходит.

Я облегченно вздыхаю. То же самое делает и мой коллега. Еще некоторое время мы остаемся на своих лежанках, не рискуем даже сдвинуться с места. Мы не слышим шума ни в одной, ни в другой соседних комнатах. Я предполагаю, что охранники все же почуяли неладное и попытаются взять нас с поличным.

— Ждем еще час, — шепчет мне Йордан, и мы делаем вынужденный перерыв до нового обхода.

Во время очередного появления охранник ведет себя вполне обычно. Он досматривает комнату без какого-то особого пристрастия и довольно быстро покидает нас.

Вскоре мы решаемся возобновить нашу работу. В отверстия, проделанные в глине, забиваются последние куски древесины. В нее щедро вводится вода. Пытаемся все сделать быстро, чтобы до рассвета успеть замаскировать следы нашей работы.

Для этого мы используем крошево штукатурки, замазываем трещины и отверстия смесью зубной пасты и мыла. На обработанный участок стены опять развешиваем одежду.

Утром появляется охранник новой смены. Он осматривает комнаты тщательнее, чем его товарищ, дежуривший ночью. Этот служака обращает пристальное внимание на решетки, проверяет, нет ли в них пропилов и крепко ли они держаться. Он вглядывается в пол, пытаясь обнаружить следы подкопа, требует, чтобы мы показали руки. Его интересует грязь под ногтями, свежие царапины и ссадины.

Ничего такого ни у меня, ни у Христова не обнаруживается. Мы пытаемся сохранить максимальное спокойствие, когда охранник нечаянно задевает плечом одежду, висящую на деревянном крючке. Если сейчас что-то сорвется и упадет, то наша карта будет бита. Боевик наверняка заметит, насколько ненатурально выглядит часть стены нашей камеры.

Он поворачивается к стене. Его рука тянется к халату моего коллеги, висящему на ней. Я лихорадочно раздумываю, что бы такое мне схватить и обрушить на голову охранника. Мы ведь на грани разоблачения! Однако боевик лишь проводит ладонью по халату, машинально поправляет его. После этого он разворачивается, дает понять, что претензий к нам нет, и напоминает о скорой коррекции.

Мы с Йорданом молча переглядываемся. Нам неизвестно, сколько придется ждать результата и находиться под постоянной угрозой разоблачения.

Так проходит пять суток. Мы уже и не понимаем, много это или мало. По ночам продолжаем насыщать древесину водой, а затем снова маскируем стену. Всякий раз мы рискуем быть поймаными охранниками за этим занятием.

Каждое утро мы переживаем очередной тщательный досмотр, жутко нервничаем и пытаемся любой ценой отвлечь внимание охранника от участка стены, обработанного нами. Иногда это выглядит весьма неуклюже. Однако тот факт, что нас до сих пор не вывели на чистую воду, сам по себе является немалым достижением.

Мы ждем, когда же эта чертова стена наконец-то рухнет. Однако, к нашему удивлению, никаких видимых признаков скорого разрушения все еще не наблюдается. Это нас удручет. Ведь бесконечно долго скрывать нашу затею невозможно. Когда-нибудь боевики обязательно все заметят. Да и до появления в оазисе Эль-Башар транспортного самолета с вакциной остается все меньше и меньше времени.

8

Шестой день близится к завершению. Стена по-прежнему стоит, хотя все это время мы продолжаем вкалывать воду в куски древесины.

Я несколько разочарован. Мой план оказался не таким действенным, как мне виделось изначально. Йордан пытается меня успокоить. Говорит, что загвоздка может крыться в породе дерева, не очень подходящей для нашего дела, либо же в самом характере постройки.

Меня одолевает уныние. Я теряю бдительность. Вслед за мной забывается и мой коллега. На пол упало немного крошева со стены. Мы не замечаем этого, хоть и должны были сто раз осмотреться до прихода охранника, разносящего ужин.

Поздно вечером он появляется с пайкой, положенной нам, всучивает в руки тарелки с неким подобием каши и кружки с чаем, дает одну большую пшеничную лепешку на двоих. Мы все это покорно принимаем. Из того, что нам здесь дают, самой вкусной едой оказывается именно лепешка. Однако выбирать не приходится. Чтобы не обес-

силеть от голода, мы не привередничаем и едим все, что получаем.

Вот и сейчас мы готовы приняться за ужин. Охранник даже пытается изобразить улыбку и чуть ли не пожелать нам приятного аппетита. Он собирается выйти из комнаты, чтобы раздать ужин женщинам из миссии. Ничто не предвещает беды.

Я ломаю лепешку пополам и передаю один кусок Йордану. Тот с благодарностью берет его у меня. Я начинаю есть кашу и в этот самый момент замечаю, что охранник почему-то не уходит. Он стоит как вкопанный на одном месте и смотрит куда-то вниз.

Я перевожу свой взгляд в ту же самую точку и тут же вздрагиваю. На полу возле стены, на которой висят наши вещи, лежит глиняное крошево. Я еле сдерживаю себя, чтобы не схватиться за голову. Надо же было так долго и упорно готовиться к побегу, успешно пережить столько обходов и досмотров, чтобы теперь вот так глупо попасться! У меня не укладывается в голове, как мы ухитрились так вот опростоволоситься. Я готов плеснуть чаем в лицо охраннику, огреть его кружкой и тарелкой.

Однако он упреждает мои мысли, вскидывает автомат и кричит:

— Не двигаться, а то начну стрелять!

Только сейчас весь драматизм ситуации доходит до Христова. Он, как и я, вынужден подчиниться вооруженному головорезу. Под дулом ав-

томата мы оставляем посуду и становимся, держа руки за головами, возле моей лежанки.

Глазастый охранник тем временем срывает со стены наши вещи. Его взору моментально предстает странная картина. Большой участок стены покрыт трещинами и дырками, из которых торчат куски разбухшего, влажного дерева. Он реально не понимает, что это такое и для чего предназначено, но твердо знает одно — такого здесь быть не должно. А коли так, то сделать это могли только пленники, то есть мы.

Охранник передергивает затвор и с яростью выталкивает нас из комнаты. Он даже не спрашивает у нас, что это такое, что-то возбужденно и зло кричит. Я улавливаю лишь общий смысл его фраз. Боевик обещает нас шлепнуть после разговора с Лаидом. Именно к нему он нас и ведет.

Я пытаюсь найти способ нейтрализовать его, но не нахожу. В слишком невыгодном положении мы оказались. Любое неверное движение, и этот гамадрил нажмет на курок. Остается надеяться на удачное стечние обстоятельств при встрече с Лаидом. Под таким я понимаю какой-нибудь тяжелый или острый предмет, который мог бы попасться мне под руку в караульном помещении.

Умирать, так с музыкой. В то, что нам сохранят жизнь, я не верю. Поставят к стене, как того бедолагу. Но я очень постараюсь перед смертью хорошенько потрепать нервы этим сволочам. Если повезет, заберу кого-нибудь с собой на тот свет. Возможно, даже самого Лаида.

— Вперед! К караулке! И не оглядываться! — Голос охранника, разоблачившего нас, вновь стал внятным. — Бежать вздумали?! Ничего у вас не получится! Подохнете, как шакалы! Лайд вас не простит!

Стандартный набор фраз, который мы наверняка услышали бы от любого другого боевика, не будь он уполномочен уложить нас на месте без уведомления командира. На выходе я начинаю медлить, за что моментально получаю ощутимый толчок в спину стволом автомата.

— Не мешкать! Вперед, я сказал! — кричит охранник.

Мы с Йорданом делаем несколько шагов вперед. У караулки уже слышны голоса. Кто-то из подельников нашего провожатого пытается узнать, что здесь стряслось. Конвойир набирает в легкие воздуха и что-то кричит в ответ.

Но тут вдруг ситуация меняется самым кардинальным образом. Голос конвойира заглушается несколькими мощными взрывами, которые прогремели с тыльной стороны тюрьмы. Обломки кирпича, куски штукатурки и прочий строительный мусор разлетаются в разные стороны.

Не сговариваясь, Христов и я приседаем на месте и прикрываем головы руками. Град обрушивается на нас. Нам везет, мы находимся в стороне от эпицентров взрывов и не внутри темницы.

Я бросаю взгляд в сторону охранника, который только что находился позади нас. Теперь он лежит под грудой обвалившихся кирпичей, молчит и вообще не подает признаков жизни.

Мы все еще не понимаем, что происходит. Не меньше нашего озадачены и боевики. Со стороны двора доносится беспорядочная стрельба.

Мы осознаем, что оставаться на месте нельзя, решаем рискнуть и возвращаемся внутрь тюремного здания. Тем более что там раздаются панические крики женщин. Я надеюсь, что мы сумеем помочь выбраться из заточения.

По пути я прихватываю автомат придавленного боевика. Надеюсь, что оружие от завала не пострадало. Впрочем, сейчас автомат мне нужен в первую очередь для того, чтобы сбить замки с дверей комнат, где находятся наши коллеги и другие пленники. Я незамедлительно так и делаю.

Наши женщины и другие освобожденные пленники в растерянности. Мы ничего не можем им объяснить, так как сами толком не знаем, что происходит.

Христов заглядывает в нашу камеру. От вибрации и близкого взрыва глинобитная стена наконец-то рассыпалась. Через образовавшийся проем видны небо, пологие горы и небольшая площадь.

В ночном небе барражируют несколько боевых вертолетов. Их нельзя не заметить. Я вижу, как винтокрылые машины делают круг, чтобы зайти в очередную атаку.

— Это наверняка военные, совершившие переворот, — говорит Христов.

— Теперь понятно, почему так затянулись переговоры по нам, — добавляю я. — Путчисты

выясняли местоположение вражеской базы и вот теперь занимаются ее ликвидацией.

— Как бы они и нас заодно не ликвидировали.

— На самом деле лучшего момента для бегства придумать невозможно, — заявляю я и первым скатываюсь на площадку.

Моему примеру следует Йордан. Он хочет позвать за собой других, однако не успевает этого сделать. Вертолеты производят еще несколько ракетных ударов по базе. Тюрьма складывается, словно карточный домик. Ее стены обрушаиваются и погребают под собой всех тех людей, которые только что были освобождены нами.

Мы едва успеваем отбежать по площадке вдоль склона. Вверху пылает огонь. Слышны крики на арабском языке. Фундаменталисты мечутся, пытаясь спастись от ударов, наносимых вертолетами временного военного правительства. Никому из них нет дела до нас и нашей судьбы. Возможно, боевики даже посчитали, что мы погибли в результате одной из воздушных атак. В любом случае никто не пытается нас найти.

Мы с горечью осознаем тот факт, что сотрудникам нашей миссии так и не удалось бежать.

— Они все погибли? — спрашивает Христов.

— Скорее всего, — отвечаю я.

— Черт! Мы должны были их спасти.

— Мы их спасали, но не могли предугадать, что новый ракетный удар будет произведен так быстро.

— Слабое утешение, Артем.

— Послушай, Йордан, сейчас не время и не место для того, чтобы посыпать голову пеплом. Думаешь, у меня сердце кровью не обливается? Еще как! Но при этом я понимаю, что нахожусь сейчас на войне, где жертвы неизбежны. Мы не должны раскисать. Нам нужно сделать то, ради чего мы, собственно, и затевали побег. Несмотря на войну, на потери, у нас с тобой остается очень важная задача.

Коллега соглашается со мной.

Боевики все еще пытаются оказать сопротивление, стреляют по вертолетам из автоматов, но желаемых результатов не достигают. При очередном заходе винтокрылых машин все они прячутся, куда только могут.

Мы в которой раз решаем рискнуть. Я успеваю приметить микроавтобус, стоящий чуть в стороне от караулки. Странно, что военные еще не уничтожили его с воздуха.

Пока среди фундаменталистов царит паника, мы с Йорданом стороной подбегаем к транспортному средству, оставленному без присмотра, и возле него обнаруживаем пару трупов. Оказывается, боевики все-таки пытались воспользоваться им и удрать отсюда, однако не успели. Их расстреляли то ли свои, то ли пулеметчики с вертолетов. Главное, что у одного из них в руке осталась связка ключей. То, что надо!

Мы усаживаемся в микроавтобус. Опасности со стороны вертолетов пока нет. Но ситуация может поменяться в считанные секунды. Я оглядываюсь

по сторонам и открываю для себя тот факт, что рядом с караулкой находится еще одно здание.

«Так вот где пребывает Лаид и вся его чертова братия!» — осеняет меня.

Я вижу открытую дверь и широкое окно с сорванной москитной сеткой. В комнате горит тусклый желтый свет. Остроты моего зрения хватает на то, чтобы увидеть стол, на котором лежит что-то очень знакомое.

Да это ведь тот самый кейс со спутниковым телефоном! Я едва не вскрикиваю, хватаю трофеиный автомат, оставляю в машине обескураженного коллегу и бегу к зданию. При этом прекрасно слышу, что вертолеты возвращаются, а боевики встречают их автоматным огнем. Я ускоряюсь, выпускаю несколько очередей в дверной проем — все равно в общем шуме на это никто не обратит внимания — и лишь после этого влетаю в помещение и быстро осматриваюсь.

Лаида в комнате нет. На полу и на столе пятна крови. Кто-то был ранен. Может, сам Лаид или его помощник. Впрочем, мне сейчас до этого нет никакого дела.

Я хватаю кейс, выбегаю из здания и изо всех сил мчусь к микроавтобусу. Мое движение засекает кто-то из боевиков. Я слышу ругательства, явно адресованные мне, отвечаю на них вскидыванием автомата и нажатием на курок.

Слава богу, Йордан все это время не зевал, успел завести машину. Мне остается только вско-

Переносчик смерти

чить в приоткрытую дверь, и микроавтобус тут же резко трогается с места.

Позади нас слышатся крики. По нам стреляют. Мы невольно втягиваем головы в плечи и нагибаемся, будто это действительно может спасти нас от пули.

Шум позади усиливается. С вернувшихся вертолетов открыт плотный пулеметный огонь. Это лишний раз подтверждает, что военные решили провести здесь не акцию устрашения, а уничтожить гнездо боевиков подчистую.

Христов гонит машину в направлении Сахары. Я смотрю в зеркало заднего вида. В нем отражается пламя большого пожара, полностью охватившего базу боевиков. Мне хочется думать, что никому из них не удалось покинуть ее пределы. Но я понимаю, что чудес на свете не бывает.

Фундаменталистов в городке много. Не все во время налета находились на базе, например, патрули пребывали на блокпостах. Мы не можем знать, что стало с этими людьми, были ли нанесены удары и по ним. В общем, вероятность того, что многие из фундаменталистов уцелели, весьма велика. И пусть это всего лишь наши предположения, но забывать о вполне реальной опасности все-таки не стоит.

9

Шесть часов в пути. Практически без остановок. Начинает светать. Медленно поднимается солнце.

Это днем здесь будет невыносимо горячо. Но чью же и ранним утром в Сахаре довольно холодно. За время нашей поездки мы успеваем изрядно прогреться. Зуб на зуб не попадает. А обогреватель в микроавтобусе, как назло, не работает. Мы согреваем себя только мыслями о том, что сумеем выполнить свою задачу до конца.

Пейзажи снаружи совершенно однотипные — равнины, пригорки, камни. Ожидать чего-то сверх того почти не приходится.

Мы уже знаем, что ничего особенного, за исключением пещерного города, нас по дороге не ждет. Впрочем, для Каменистой Сахары это не в диковинку. Многие такие города возникли здесь еще во времена берберского царя Югурты, воевавшего с Римом.

Ночью, когда стало ясно, что погони за нами нет, мы решили осмотреть микроавтобус. Эта идея оказалась очень удачной. Нам удалось обнаружить

в нем несколько канистр с топливом и, что немаловажно, исправный навигатор. Так одним разом отпали сразу две важные проблемы. Теперь нам не нужно было искать, где бы заправиться. Дорога переставала быть сплошным темным пятном.

Около часа ночи мы, ориентируясь по навигатору, выскочили на нужное нам шоссе и покатили в направлении Эль-Башара. По всем прикидкам выходило, что оказаться там мы должны были утром. Мы сменяли друг друга за рулем, боясь даже подумать, что по дороге с нами может что-то случиться.

И вот наступает раннее утро. Мы, как уж можем, боремся с ознобом.

За окнами древний пещерный город. Скала с множеством отверстий — окон, дверей, ходов, отдаленно напоминающих пчелиные соты. Это зрелище невольно приковывает наше внимание.

— Интересно, а в этом пещерном городе кто-нибудь живет? — спрашивает у меня коллега.

— Не знаю, — признаюсь я. — Жалко, что боевики не оставили в машине никакой оптики. А то можно было бы рассмотреть эти соты повнимательнее.

Я еще раз бросаю взгляд на этот памятник древних времен в надежде заметить хоть какие-то признаки жизни. Но все тщетно. Ничего такого, что могло бы свидетельствовать об обитаемости пещерного города, не замечается. Мы едем дальше.

Я сверяюсь по навигатору и говорю коллеге:

— Добро пожаловать в Эль-Башар! До оазиса осталось всего пять километров.

— Если поднажать, то в считаные минуты будем там. Надеюсь, мы все-таки успеем встретить самолет с группой Карского и вакциной.

— Хочется надеяться... — начинаю говорить я, но тут же замираю, так как замечаю в ясном утреннем небе самолет, заходящий на посадку.

— Это наверняка они, — говорит Христов, прибавляя скорости. — Все сходится. Как раз там, судя по навигатору, расположен небольшой аэродром. Да и по времени совпадает. Эх, встретить уже не получится. Но быть там одними из первых мы все-таки сумеем.

Йордан старается не отвлекаться и смотрит на дорогу. Я же провожаю самолет взглядом. Он идет на высоте нескольких сотен метров над грядой пологих гор и вскоре скрывается за нею.

— Погоди, — говорю я, внезапно осознав одно существенное обстоятельство.

— Что-то не так? — Напарник моментально улавливает перемену моего настроения.

— Кажется, самолет пролетел мимо аэродрома, — объясняю я.

— То есть как это мимо? — недоумевает Христов.

— Я смотрел на него, пока он был виден, и понял, что курс не тот.

— Но он же снижался. Значит, заходил на посадку. Логично?

— Логично. Однако реально у него было другое направление. Мне трудно сказать точно, но на

глазок выходит, что самолет отклонился от курса градусов на шестьдесят-семьдесят. А это значит, что он продолжил лететь над шоссе, идущим там. Карта подтверждает такое предположение, — говорю я и тычу в план местности.

— Черт. Видимо, что-то не так там, — соглашается коллега и спрашивает в растерянности: — Что мы будем делать?

— Нам нужно в любом случае ехать к самолету, — твердо заявляю я. — Что бы там ни случилось, мы должны быть рядом с ним.

Йордан полностью со мной согласен. Он давит на газ. Машина увеличивает скорость. Расстояние до Эль-Башара быстро сокращается. Я посматриваю на данные навигатора. Хочу заранее определить, где нам нужно будет свернуть, чтобы попасть к аэродрому.

В километре от нас над пустыней появляется вертолет. Я не уверен на все сто, но мне кажется, что это одна из тех боевых машин, которые ночью проутюжили базу фундаменталистов Лаида. Спрашиваю мнение коллеги. Он даже и не сомневается в том, кому принадлежит вертолет. Его заботит другое — куда эта винтокрылая машина направляется?

Несколько секунд наблюдения позволяют нам сделать вывод, что вертушка держит курс в сторону места вероятного падения самолета. Мы не спорим, понимаем друг друга без слов, как это было в пленау у боевиков. Я еще раз сверяюсь с навигатором и киваю Христову. Тот сворачивает на

смежную дорогу, то самое шоссе, над которым недавно пролетел самолет. Наш микроавтобус мчится вдоль оазиса в сторону летного поля. Христов старается выдавить из двигателя максимальную скорость.

Это не остается без внимания пилотов вертолета, несмотря на изрядную дистанцию, разделяющую нас. Они довольно резко меняют направление полета, разворачиваются и берут курс на нас. Мы особо не удивляемся, так как риск изначально был очевидным. Микроавтобус продолжает нестись по той же дороге.

По нам ударяют пулеметы. Я хватаюсь за автомат. Йордан говорит, что это вряд ли поможет, просит меня держаться покрепче и вдавливает педаль газа до предела. Резервов для увеличения скорости почти не остается.

«Птичка», продолжая плеваться свинцом, пролетает над дорогой. Нам удается проскочить, избежать попадания пуль. Теперь преследователям необходимо развернуться. У нас есть небольшой запас времени на то, чтобы попытаться оторваться от них.

В том, что они снова вернутся и продолжат охоту, у нас не возникает никаких сомнений. Нам приходится радоваться тому факту, что на борту вертолета нет ракет. В противном случае наша машина, скорее всего, была бы уже подбита.

Йордан продолжает творить чудеса, но нам становится очевидно, что в противоборстве с боевым вертолетом у нас очень мало шансов. По

крайней мере до тех самых пор, пока мы будем находиться на открытой местности.

Однако наше положение не представляется мне совершенно безысходным. Если бы вертолет стал преследовать нас час назад, то вариантов спасения практически не нашлось бы. В пустыне мы вряд ли сумели бы оторваться от него и скрыться. Но сейчас мыходимся на краю оазиса.

Я уже успел с помощью навигатора выяснить, что впереди, в нескольких километрах от аэродрома, находится пальмовая роща. Главная интрига ближайшего времени состоит в том, успеем ли мы добраться до нее прежде, чем военные превратят наш микроавтобус в дуршлаг, а нас самих нашпигуют пулями.

— Возвращается, — говорю я, видя приближающийся вертолет. — Какого черта они вообще к нам привязались? Разве здесь запрещено ездить на машинах?

— Я не удивлюсь, если путчисты издали подобный закон, — отзыается Христов, поглядывая в зеркало заднего вида. — Но, скорее всего, дело обстоит куда проще. Видимо, нас с тобою приняли за недобитых фундаменталистов, бежавших с базы Лайда. Вот и вся загадка.

Не предупреждая, он резко берет вправо. Я едва успеваю схватиться за сиденье.

В это самое время с приближающегося вертолета возобновляется пулеметный обстрел. Он идет предельно низко. Мы отчетливо слышим не только рев его моторов и шум стреляющего пуле-

мета, но и скрежет нескольких пуль об обшивку микроавтобуса.

Мой коллега продолжает маневрировать. Он постоянно петляет из стороны в сторону, чтобы не позволить пулеметчику хорошо прицелиться. Мне снова неймется, рука сама тянется к автомата. Но Христов убеждает меня отказаться от этих намерений.

— Тебе стоило бы избавиться от него еще ночью, — говорит он. — Так мы с тобой врачи, представители нейтральной гуманитарной организации. А с оружием любая сторона конфликта посчитает нас чьими-то наемниками и уничтожит.

— Можно подумать, были бы мы без оружия, они бы нас по голове гладить стали, — скептически реагирую я на это, но автомат убираю.

Вертолет тем временем проносится над микроавтобусом и оказывается впереди нас. Йордан не спешит сбрасывать скорость и мчится следом за «птичкой». Я догадываюсь, почему он поступает именно так. Коллега хочет подгадать, чтобы при очередном развороте вертолета мы находились максимально близко к нему. Так нам удастся разминуться с ним в считанные секунды, а ему придется пойти на еще один круг. Мы выгадаем время. До рохи ведь рукой подать.

— Ты гений, — кричу я коллеге.

Он хладнокровно ведет машину, стараясь нагнать вертолет, летящий над дорогой.

Когда мне начинает казаться, что затея Христова вот-вот сработает, внезапно происходит не-

предвиденное. Вопреки всем нашим ожиданиям вертушка разворачивается буквально в одной точке. Получается, что микроавтобус мчится прямо под пулеметные стволы.

— Сворачивай на обочину! — кричу я в ожидании новой порции пулеметного огня.

Христов успевает увести микроавтобус в сторону. Пули разбивают боковое стекло. Одна из них проходит в нескольких сантиметрах от меня, но не задевает. Это не может не радовать. Уж сколько раз за последнее время смерть ходила за мной буквально по пятам. А я все еще живой и умирать не собираюсь!

Христов резко давит на тормоза и вписывается головой в лобовое стекло. Вид у него такой, что мне сразу становится ясным весьма неприятный факт — он не может находиться за рулем. Я ухитряюсь быстро занять его место и беру управление машиной на себя.

«Птичка» пролетает над дорогой, оставляя нас позади. Я выруливаю с обочины. Мне приходится маневрировать. Проходит с десяток секунд. За это недолгое время я успеваю вернуть микроавтобус на трассу и тут же набрать скорость.

Пальмовая роща уже как на ладони. Если поднажать, то мы окажемся там раньше, чем вертолет успеет нагнать микроавтобус. Пилоты наверняка это понимают. Они не мешкают и быстро разворачиваются.

Я прибавляю скорость, знаю, что сейчас возобновится стрельба, начинаю петлять, но стараюсь

при этом не копировать маневров моего коллеги. С вертолета ударяет лишь один пулемет. Я предполагаю, что у второго могли закончиться патроны, однако слишком серьезно свое соображение не воспринимаю. Ведь стрельба из одного пулемета может быть всего лишь хитростью со стороны противника.

Я пытаюсь проверить это, имитирую резкий уход к правой стороне дороги, как раз под ствол молчащего пулемета. Когда микроавтобус оказывается на середине трассы, стрельба возобновляется из двух пулеметов одновременно. Пули разбивают задние стекла, добавляют несколько новых отверстий в дверях и обшивке.

Я тут же довожу скорость до максимума, резко вырываюсь вперед и опять начинаю маневрировать. Иного способа избежать расстрела в упор у нас попросту нет. Я уверен, что преследователи просто так не оставят нас в покое, нарочно петляю, делаю это как можно быстрее.

Вверх вздымается целое облако дорожной пыли. Это не самая надежная преграда, которая могла бы возникнуть на пути боевого вертолета. Однако я пытаюсь воспользоваться ею по полной программе, понимая, что видимость из кабины пилота изрядно ухудшилась.

Пулеметчик замолкает. Я догадываюсь, что это дело временное. Скорее всего, он экономит патроны, которые явно не бесконечны. Я выруливаю на смежную дорогу, ведущую прямо к роще. Сердце мое сжимается от нетерпения.

Переносчик смерти

Я не сдерживаюсь и вслух подгоняю микроавтобус:

— Ну, давай же, милый, гони! Остается совсем немножко.

Йордан сидит на полу и молчит, никак не комментирует происходящее. Мне это не нравится, тут же возникают тревожные предчувствия. Я поворачиваю голову к нему, а пулеметчик опять открывает огонь.

Я жму на газ и вдруг понимаю, что топливо в баке на исходе. Пулеметы бьют без передышки.

Мне приходится радоваться хотя бы тому, что канистры с запасом топлива спрятаны в специальном бронированном ящике. Боевики в свое время позаботились.

Вертолет не отстает. У меня складывается такое впечатление, что вот-вот он придадит микроавтобус всей своей тушей. Происходящее становится для меня чем-то нереальным. Пули свистят и стучат. Топливо в баке неумолимо исчезает. Коллега по-прежнему молчит, а я даже не могу взглянуть на него, дабы убедиться, что с ним все в порядке.

Я нервничаю и ору во все горло, будто это может мне чем-то помочь. Под непрекращающимся огнем с вертушки наш микроавтобус на последнем глотке топлива успевает въехать в густую пальмовую рощу.

10

Эль-Башар переполнен беженцами. Их тут уже несколько тысяч. Но прибывают все новые и новые люди. Это при том, что сам городок совсем небольшой. В нем всего-то две с половиной тысячи жителей. Если дело и далее будет идти такими же темпами, то в один прекрасный момент беженцев здесь окажется больше, чем местных.

Причины, по которым люди бегут именно сюда, вполне очевидны. Следует учитывать, что Эль-Башар находится вдали от зоны активных военных действий, и ситуация здесь отличается относительным спокойствием. Да, инцидент с тем, как нас преследовал военный вертолет, скорее свидетельствует об обратном. Однако на фоне того, что творится в Хардузе и других боевых точках разгорающейся гражданской войны, оазис воистину выглядит островком мира и спокойствия.

Кроме того, здесь имеются артезианские скважины и хранилища с уже добытой водой. Большинство населенных пунктов в радиусе не-

скольких сотен километров такими запасами похвастаться не может.

Есть здесь и финиковые рощи. Не знаю, привлекают ли они внимание беженцев, но нас с Йорданом одна такая роща смогла спасти. Там я, кстати, избавился от автомата.

В остальном же это типичный оазис Каменистой Сахары — мечеть, пара базаров, корабли пустыни, то бишь верблюды, какие-то развалины, оставшиеся то ли от финикийцев, то ли от древних римлян. Судя по всему, в мирное время сюда постоянно привозили туристов на экскурсии. Правда, фешенебельного отеля здесь нет, а то, что в этих местах принято называть гостиницей, производит весьма удручающее впечатление.

Впрочем, для беженцев, стекающихся сюда, вопрос о гостиницах малоактуален. Люди готовы жить хоть под открытым небом, лишь бы находиться подальше от очагов военного конфликта. Кто-то на машинах и автобусах, а кто-то на верблюдах или даже на своих двоих. Так сильно народ напуган переворотом в Хардзуре.

Однако нельзя считать военный переворот единственной силой, заставившей людей сняться со своих мест и бежать в Эль-Башар. В шуме-гаме, порожденном многочисленными беженцами, при желании можно уловить слова о надвигающейся заразе.

Если послушать их дальше, то становится понятным, что заразой они называют не граждан-

скую войну со всеми ее прелестями, а лихорадку Эбола. Слухи об ужасах, творящихся в некоторых городах страны, расползаются среди них очень быстро. Я сразу это беру на заметку, чтобы позже сравнить со сведениями, добытыми из средств массовой информации.

Мне интересно, не говорят ли чего люди о самолете, пролетевшем рядом с оазисом. Я скоро убеждаюсь в том, что если они об этом и упоминают, то очень редко, и не придают данному событию должного значения. Только в нескольких случаях слышатся предположения, что самолет рухнул где-то далеко в стороне от здешнего аэродрома. При этом люди отмечают, что сам аэродром практически не функционирует.

Я задаюсь простым вопросом: неужели никому из здешнего народа не интересна судьба самолета? Если уж не для спасения экипажа и пассажиров, то хотя бы ради своей собственной наживы.

Я говорю об этом Йордану, уже более-менее оклемавшемуся от гоночных перипетий. Тот пожимает плечами.

Мы опять прислушиваемся к людской молве. Выясняется, что большинство здешнего народа не поддерживает ни военных, ни фундаменталистов. За пределы оазиса люди выходить опасаются. Эль-Башар пока еще остается нейтральной территорией. Но надолго ли?

Мне и моему коллеге везет. Хоть и с трудом, но мы все-таки ушли от вертолета, а потом довольно быстро нашли место, где можно остано-

виться, прийти в себя и восстановить силы. Это домик местного врача, британки Джуллии Раst. Корпоративная солидарность в действии. К тому же выясняется, что у нее и Христова есть общие знакомые. Она любезно разрешает нам остаться в доме, а сама отправляется в больницу.

Мы приводим себя в порядок после всего пережитого. Обедаем.

После этого я сразу же включаю телевизор. Не меньше, чем еды и питья, мне не хватает информации. Все сведения о недавних событиях в этой стране я получил из личного опыта, сторонних домыслов и слухов. У меня до сих пор нет цельной картины происходящего. Поэтому мое желание «промониторить» основные мировые новостные каналы не выглядит чем-то фантастическим.

— Мне трудно передать то ощущение, которое у меня было, когда ты ударился головой, потом сидел на полу машины и молчал, — говорю я Христову, переключая каналы.

— Хватит об этом, — с неохотой реагирует он. — Я же тебе сказал, что отключился не от удара, а от недосыпа и нервов, измотанных этой гонкой.

— А я-то думал, что ты...

— Береженого бог бережет. Кажется, так у вас в России говорят?

— Да, — подтверждаю я, останавливаясь на одном из каналов, где как раз ведется репортаж из Хардзуза и соседних с ним регионов.

На экране сменяются кадры, которые без преувеличения можно назвать апокалиптическими. Волосы встают дыбом от того, что приходится слышать от диктора. События, освещаемые им, просто ужасны.

Счет умерших по всей стране уже идет на тысячи. На экране появляется предупреждение, что особо впечатлительным людям ряд следующих сцен смотреть не рекомендуется. Далее в режиме слайд-шоу демонстрируются фотографии, на которых запечатлены жертвы эпидемии. Трупы и люди, пока еще живые, валяются прямо на улицах города.

Затем следует короткий ролик, снятый неустановленным автором на мобильный телефон. Изображение расплывчатое, но суть понятна и при таком качестве. По опустевшей улице, еле волоча ноги, бредет человек, укутанный в какое-то тряпье. Впереди появляются несколько мужчин в военной форме, защитных масках и при оружии. Без какого-либо предупреждения они открывают огонь по бедолаге. Тот сразу же валится с ног.

«По нашим сведениям, с людьми, больными лихорадкой Эбола, таким вот образом поступают бойцы, верные временному военному правительству, заявившему о себе после недавнего государственного переворота, — комментирует диктор. — Пресс-служба правительства отрицает причастность верных ему сил к подобным действиям, называет их провокационными, возлагает ответственность на группировки фундаментали-

стов. Кстати, эксперты сомневаются в подлинности многих материалов, которые якобы поступают из Хардзуза и других городов страны. Между тем получить какие-либо новые сведения оттуда становится почти невозможным. Военное правительство взяло курс на изоляцию страны. К настоящему времени оттуда выдворено большинство журналистов иностранных информационных агентств. Кроме этого, врачи из организации Красного Креста и Полумесяца, действовавшие там до недавнего времени, обвинены в подрывной деятельности и депортированы. В частности, представитель службы безопасности временного военного правительства заявил, что иностранные врачи занимались преднамеренным искажением фактов, сознательно преувеличивали опасность эпидемии лихорадки Эбола».

— Ты слышишь, Йордан, — не сдерживаюсь я от возмущения. — Оказывается, нас с тобой уже депортировали за то, что мы придумали сказочку про Эболу.

— Да уж. Военные оказались не такими глупыми, как можно было себе представить, — спокойно замечает мой коллега. — В данном случае самоизоляция — самое выгодное для них решение. Всех иностранцев, которые могут наболтать лишнего, из страны выгоняют. Не исключаю, что некоторых журналистов и медиков с активной позицией по этому вопросу объявили пропавшими без вести. Военные делают все, чтобы избежать иностранной интервенции. Ради этого они созна-

тельно сужают информационное поле. Мировое сообщество теперь будет знать о событиях, происходящих в этой стране, только по официальным заявлениям путчистов. А уж в них-то точно не будет места для ужасающих картинок. Мировые лидеры выразят некоторую озабоченность по этому поводу, а потом все забудется. Ведь никакой альтернативной информации из страны не поступит.

— Но ведь двадцать первый век на дворе! — восклицаю я. — Какая к черту изоляция! Разве сейчас возможна информационная блокада? С развитием Интернета, спутниковой связи и социальных сетей ни то ни другое не представляется мне реальным. Пусть военные выгонят всех журналистов, врачей, дипломатов, но ведь останутся свои же граждане, которые будут выкладывать в сеть тысячи фотографий и видеозаписей со всеми ужасами реального положения дел.

— А ты много видел местного люда с мобильными телефонами? Точки бесплатного доступа к Интернету встречал на каждом шагу, не так ли? Здесь все это развито очень слабо. Особенно в провинциях. Вдобавок властям ничего не стоит отключить и то и другое.

Я хочу возразить, но будто бы в подтверждение слов Йордана с экрана звучит очередная новость:

«Из достоверных источников нам стало известно, что нынешний хардзуский режим заблокировал сеть Интернет, мобильная связь отключена, а спутниковая — под запретом. Точное число

спутниковых телефонов, имеющихся у жителей страны, неизвестно. Однако с учетом уровня бедности можно предполагать, что для большинства здешних людей спутниковая связь представляет невероятную роскошь. Сообщается, что по новому закону за хранение аппарата спутниковой связи предусмотрен расстрел на месте».

— Вот черт! — Только на это и хватает меня после всего услышанного.

— Опасную игрушку мы с собой прихватили, — замечает на это Йордан, имея в виду спутниковый телефон.

— А самолет?.. — вырывается вдруг из моих уст.

— Что самолет? — не понимает коллега.

— Если страна объявила о самоизоляции, то он вообще не должен был попасть сюда. Предположим, что мы с тобой видели какой-то другой самолет. Может, на нем не было ни академика Карского, ни передвижной лаборатории, ни запасов вакцины?

— Ты же знаешь Аркадия Федоровича лучше меня, — говорит Христов. — Если решение военных изолировать страну застало его в полете, то он вряд ли так просто подчинился бы. Не исключено, что самолет получил воздушный коридор над территорией соседнего государства, а в какой-то момент нелегально пересек границу в том районе, которым заправляют фундаменталисты.

— Но это колоссальный риск!

— Карского это когда-нибудь останавливало?

Мне нечем крыть. Я продолжаю переключать каналы, пока не натыкаюсь на экстренную новость об исчезновении самолета, на борту которого находилась группа врачей, возглавляемая академиком Карским. Накануне этому борту было отказано в посадке в Хардузе. Сообщается, что самолет планировал приземлиться в одном из государств северо-западной Африки, но ранним утром исчез с радаров. Высказываются предположения, что могли отказаться бортовые приборы, из-за чего крылатая машина сбилась с курса и потерпела крушение где-то между Эль-Шадуфом и Эль-Башаром. Никаких других подробностей не озвучивается. Достоверных сведений из страны, охваченной гражданской войной, не поступает.

Обозреватель тем временем высказывает следующее предположение:

«Если самолет действительно разбился на указанной территории, то существует вероятность обострения конфликта в данном районе. Ведь та политическая сила, которая первой доберется до вакцины Карского, наверняка выставит себя в гражданской войне спасителем миллионов людей, привлечет на свою сторону абсолютное большинство населения страны. Таким образом, вакцина становится не только панацеей от жуткой лихорадки Эбола, но и средством, позволяющим добиться победы в войне».

Диктор благодарит обозревателя и напоминает, что, по официальной версии, ситуация с лихорадкой Эбола в этой стране вполне спокойная.

Из прихожей доносятся щелчки отпираемого замка. Мы смолкаем. Я ставлю звук телевизора на минимум.

— Привет! — слышим мы голос хозяйки домика и дружно ей отвечаем.

Джулия Раст вернулась из больницы. Она приветливо улыбается и не забывает спрашивать о том, как идут наши дела. Нам роптать нечего. Мы благодарим ее.

— Вы на моем месте сделали бы то же самое, — скромно замечает она в ответ на нашу признательность.

Мне хочется узнать о ней побольше. Я задаю ей вопросы, стараюсь делать это так, чтобы не показаться бес tactным или чересчур любопытным. Однако эта молодая женщина воспринимает мой интерес вполне адекватно и охотно рассказывает о себе.

В отличие от нас Джулия никогда не была сотрудникой миссии Красного Креста и Полумесяца. В этой стране она оказалась по другой линии.

Президент Мухаммед, недавно свергнутый военными, в свое время делал ставку на приглашение сюда иностранных специалистов разных сфер. Не были исключением и врачи. С многими зарубежными медиками тогда были заключены контракты, очень выгодные для них в материальном плане. Это касалось и оплаты труда, и жилищных условий.

Среди врачей-контрактников была и мисс Раст. Кроме непосредственно врачебной деятельности

она занимается еще и написанием научной работы. Ее исследования посвящены влиянию климата Каменистой Сахары на дыхательные заболевания. Джулия признается, что ради возможности сделать научную карьеру она согласилась перетерпеть неудобства в течение несколько лет.

Я хочу сказать, что многие врачи мира живут и трудятся в куда более неприглядных условиях, но сдерживаю себя, чтобы не обидеть хозяйку этого уютного домика. Тем более что мне она кажется вполне симпатичным и очень доброжелательным человеком.

Кратко, без лишних подробностей, мы рассказываем ей свою историю. Даём пояснения насчет пулевых отверстий и отсутствия стекол в нашем микроавтобусе.

О самолете Джулия уже наслышана — как из местных пересудов, так и из выпуска новостей. Она удивляется, почему военные до сих пор не запретили спутниковое телевидение.

Мне хочется узнать ее мнение об обстановке в Хардузе. Возможно, она знает некоторые подробности.

— На первых порах там не было никакого порядка, — рассказывает Джулия. — Водоснабжение остановлено. Электричества в большинстве районов не было. Трупы лежали даже на центральных улицах. Местные медицинские службы не справлялись не только с вирусом Эбола, но и со вспышкой кишечных заболеваний. Позже военные стали действовать куда более решительно. Всех больных

начали изолировать в нескольких кварталах, расположенных на окраине столицы. Эту территорию окружили несколькими рядами заграждений из колючей проволоки. В общем, устроили что-то вроде гетто.

— А как же иностранные дипломаты? Неужели они никак на это не отреагировали? — уточняю я.

— К тому моменту все дипломатические миссии и большинство прочих иностранных структур были эвакуированы из Хардуза, — поясняет женщина. — Все это делалось под благовидным предлогом обеспечения безопасности сотрудников. Речь шла вовсе не о лихорадке Эбола, которая там официально считается побежденной, а об угрозе терактов со стороны фундаменталистов.

— То есть в реальности лихорадка Эбола там не уничтожена?

— В лучшем случае она локализована, но угроза эпидемии по-прежнему остается актуальной, — делает вывод Джуллия.

— Значит, военные все-таки нуждаются в вакцине Карского, — замечает Христов.

— Они или религиозные фанатики могут добраться до самолета. Нам нужно оказаться там первыми. Это очень срочно, — заявляю я.

Собеседница внимательно смотрит на меня. Мои слова ее явно впечатляют. Ничуть не колеблясь, она подтверждает свою готовность отправиться с нами на поиски самолета.

11

Медлить с поисковыми работами никак нельзя. Администрация в Эль-Башаре более-менее вменяемая. Здешние управленцы стараются придерживаться нейтралитета в разгоревшемся конфликте. Но ведь никто не знает, как долго такая ситуация будет сохраняться.

Равновесие довольно зыбкое. Пока политический маятник здесь не качнулся в какую-то определенную сторону, нам стоит поторопиться.

Тем более что у Джуллии в Эль-Башаре имеются кое-какие связи. Она без труда организует несколько машин с охраной, договаривается о быстром развертывании палаточного городка для размещения людей, больных лихорадкой Эбола.

Мы решаем не пользоваться «трофейным» микроавтобусом, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, которого и без того хоть отбавляй, вместе с нашей новой знакомой садимся в небольшой грузовичок. Она устраивается за рулем. Меня данное обстоятельство не столько удивляет, сколько восхищает. Я еще раз отмечаю

для себя, какая же смелая и хваткая женщина эта Джуллия.

— Ты хоть рот закрывай, когда глазеешь на нее, — с улыбкой шепчет мне Йордан, намекая на то, что я неровно дышу в отношении британки.

Я тут же отмечую эти инсинуации и даже говорю, что он неудачно шутит. Коллега пожимает плечами. Он явно не верит мне.

Мисс Раст поглядывает на наши отражения в зеркале заднего вида. Кажется, еще немного, и она задаст вопрос, поинтересуется, о чем мы перешепываемся.

Однако вместо этого женщина вдруг выкладывает собственный план действий, чем изумляет меня еще больше.

— Каменистая Сахара, несмотря на свою мнимую необитаемость, место отнюдь не безлюдное, — начинает она издалека. — По ее бескрайним просторам постоянно кочуют берberы. Пустыню они отлично знают. У вождей их кланов, как правило, есть спутниковые телефоны, теперь запрещенные. С их помощью берберы поддерживают связь между собой. Эти люди вездесущи. Они наверняка могли быть свидетелями беды, случившейся с самолетом. Я уже связалась с вождем одного из берберских кланов. Когда-то я очень его выручила, и он теперь в долгу передо мной. Этот человек вместе с соплеменниками встретит нас в нескольких километрах от Эль-Башара. Возможно, что к тому моменту у него будут какие-то новости. Вас устраивает такой план?

— Более чем, — говорю я.

Христов утвердительно кивает.

— Вот и отлично! — восклицает женщина и прибавляет скорость.

Охрана следует ее примеру. Наша небольшая автоколонна выезжает за пределы оазиса и движется по пустынному шоссе. Машины поднимают с дороги целые облака пыли. Все окна в грузовичке закрыты. Работает кондиционер. Несмотря на это, присутствие пылевых частиц в кабине все равно ощущается.

Мисс Раств, наверняка с оглядкой на свой профессиональный интерес, справляется, не страдаем ли мы заболеваниями дыхательных путей. Мы отвечаем, что бог миловал.

— Очень жаль, — замечает она на это и тяжело вздыхает. — А мне как раз не хватает несколько примеров для моей работы.

— Это наш врачебный черный юмор? — вклинивается Йордан, прежде чем я успеваю задать тот же самый вопрос.

— Он самый, — с усмешкой говорит Джуллия. — Рада, что вы оценили.

Слева виден пещерный город. Наше внимание само по себе переключается на него. Я спрашиваю у нашей коллеги, что ей известно об этом месте. Она тут же заявляет, что пещерный город пользуется у местных жителей дурной славой. Поэтому туда даже туристов почти никогда не привозят и контролируют каждый их шаг. А все потому, что там находится древний лабиринт, в ходах которого можно в два счета заблудиться.

Потом женщина кивает направо и объясняет, что там находится летное поле. Мы смотрим в указанном направлении, но ничего толком не видим. Аэродром от шоссе отделяет гряда невысоких гор.

Наша спутница уверяет, что самолет там сегодня точно не приземлялся. Она это выяснила лично, используя опять-таки свои здешние связи.

Условленные несколько километров остаются позади. Мисс Раст осторожно притормаживает, затем останавливает машину. Она тут же открывает дверцу и выходит наружу. За ней следую я, а потом, немного помедлив, и Христов. Наши охранники остаются в машинах.

Мы осматриваемся. Пещерный город, горная гряда и оазис остались позади. Впереди раскинулась бескрайняя Каменистая Сахара. Это зрелище для меня давно не ново, но все-таки вызывает необъяснимую оторопь.

В какой-то момент я чувствую жуткое сомнение в целесообразности наших поисков. Мне кажется, что ни самолет, ни вакцину мы найти не сумеем. Наша теперешняя вылазка бессмысленна. Эти мысли становятся для меня едва ли не наложением.

Мне приходится приложить немало усилий, чтобы выбросить их из головы. Ведь мы должны отыскать самолет! И наплевать на то, что пустыня такая огромная и безбрежная!

Самолет — это ведь не иголка в стоге сена. Мы просто обязаны действовать. От этого зависят

жизни многих людей как в этой стране, так и за ее пределами. Если мы не остановим заразу здесь, то она перекинется на соседние страны. Ее триумфальное шествие по всему миру будет означать лишь одно — настоящий апокалипсис, в результате которого человечество рискует исчезнуть.

Нет, я не мню себя спасителем всего рода людского, не ряжуясь в костюм супергероя, просто трезво смотрю на вещи. Мне совершенно ясно, что вакцина, находившаяся на борту самолета, является тем средством, которое не позволит реализоваться самому худшему из вероятных сценариев будущего.

— Берберы!.. — словно смакуя это слово, произносит мисс Раст и окончательно вырывает меня из объятий моих размышлений.

Мы с Христовым обращаем свои взоры в том направлении, куда кивком указывает женщина. В километре от нас со стороны пустыни движется караван. Я напрягаю зрение, пытаясь сосчитать верблюдов. Джуллия поступает куда проще. Она достает из кабинки бинокль и прикладывает его к глазам.

— Восемь человек. Десять верблюдов. Они, как и всегда, чем-то нагружены, — комментирует женщина то, что видит.

— Вы же сказали, что берберы будут ждать нас здесь, — замечает Йордан. — А они идут караваном. Может, это не ваши знакомые?

— По идее, это должны быть они, — говорит Джуллия, продолжая смотреть в бинокль. — Оп-

тика мощная, но на таком расстоянии разглядеть лица людей трудно. Да и повязки мешают. Берберские мужчины обычно наматывают на голову белый или синий платок, который закрывает все лицо, не считая глаз.

— Так, может, стоит подъехать к ним, чтобы не тянуть время? — предлагаю я.

— Нет, — возражает женщина.

— Но почему? — искренне не понимаю я.

— А вы представьте себя на их месте, особенно если это действительно не те, кого мы ждем, — объясняет она. — Едете вы с приятелями на верблюдах, никого не трогаете, и вдруг ни с того ни с сего в вашу сторону мчатся целых три автомобиля. Что вы подумали бы при этом? Как стали бы вести себя, мистер Артем?

— Наверное, я заподозрил бы неладное. — Мне не очень хочется отвечать, так как своими репликами Джуллия выставляет меня чуть ли не глупцом.

— Вот! Неладное! — как ни в чем не бывало заявляет она. — Поэтому мы остаемся здесь и ждем. Если есть желание, то можно закурить.

— Уж простите великодушно, но мы не страдаем никотиновой зависимостью, — замечает на это Христов, и я вижу, что он готов прочесть нашей новой знакомой целую лекцию о вреде курения.

Однако Йордан не успевает и рта открыть, как мисс Расти достает пачку сигарет, выуживает одну и уже через несколько мгновений затягивается табачным дымом.

Проходит минут двадцать. Караван теперь в нескольких десятках метров от нас. Джулия что-то кричит по-берберски. Ей отвечают.

Я с восторгом наблюдаю за происходящим. Язык берберов мне практически не знаком, не считая от силы десятка слов. Караванщик на ходу корректирует маршрут.

Проходит еще немного времени, и мы можем лицезреть берберов в нескольких метрах от машины. Одеты они однотипно. Кроме платка, упомянутого Джулией, на каждом накидка синего цвета, надетая поверх рубахи. Широкие штаны. На груди перекрещиваются две ленты, сплетенные из разноцветных шелковых шнурочков, на концах которых висят кисти. На ногах закрытые сандалии из кожи.

Мисс Раств продолжает беседу. Судя по тону, взятыму обеими сторонами, это как раз те кочевники, с которыми женщина договорилась встретиться здесь. Ее собеседник, скорее всего, и есть тот самый вождь, о котором она упоминала. Время от времени Джулия кивает в нашу сторону. Заметно, что берberы относятся к ней с уважением.

Вождь что-то отвечает, сдержанно жестикулируя. Лишь одно его движение оказывается выразительным и понятным. Он резко оборачивается и рукой указывает направление.

Через несколько минут Джулия подходит к нам.

— Они слышали о самолете и утверждают, что он приземлился прямо на шоссе километрах в де-

сяти отсюда, — поясняет она. — Исул, так зовут вождя, готов помочь нам вместе со всеми соплеменниками, ехавшими караваном. Вот только груз с верблюдов придется переместить в наши машины. Сейчас охране скажу. Пусть займутся. А вам не стоит так открыто глазеть на берберов. Они этого не любят. Я сказала, что вы мои друзья и очень хорошие люди. Но для них вы пока чужаки. Свое мнение о вас они составят сами, когда увидят в деле. Как говорится, встречают по одежке, провожают по уму.

— Мне кажется, что и по одежке они нас встречают, мягко говоря, не очень, — хмуро реагирую я, отводя взгляд от вождя.

— Мистер Артем, не накаляйте атмосферу. У нас сейчас другая задача — самолет. Берберы действительно могут нам помочь, — пытается Джулия урезонить меня, ссылаясь на здравый смысл.

Я и сам понимаю, что помощь нам нужна. Мы должны оказаться возле самолета первыми. Если наши поиски затянутся, то это будет только на руку всем группировкам, участвующим в гражданской войне.

— Хорошо, — спокойно говорю я и тут же интересуюсь: — А кого именно берберы поддерживают в здешнем конфликте?

В течение нескольких секунд женщина смотрит на меня как на сумасшедшего, затем ее прорывает.

— Прежде всего они на стороне самих себя. История научила их этому. Они давным-давно отказались от своих традиционных верований, приняли ислам. Однако берберы в этой стране до сих пор являются неполноправным этническим меньшинством. Такое пояснение вас удовлетворяет?

— Вполне, — говорю я. — Ничего личного. Просто хотелось знать. Давайте я помогу перегрузить их добро в машины.

Я присоединяюсь к парням из охраны и кочевникам, которые уже успели начать погрузку. Джул lia смотрит на меня и улыбается. Напряженность быстро исчезает из ее взгляда.

Вскоре мы рассаживаемся по машинам, а берberы вскаивают на верблюдов. Кочевники отправляются в путь первыми, причем не по шоссе, а по каменистому грунту пустыни. Я не в первый раз наблюдаю «скоростную езду» на верблюдах. Однако теперь это зрелище выглядит особенно впечатляющим.

— Если самолет находится там, где сказал вождь, то не могли ли его к этому времени отыскать другие люди? — спрашивает Христов.

— Сматывая какие, — не задумываясь отвечает женщина. — Сейчас по этому шоссе мало кто ездит. Вероятность того, что на самолет могли наткнуться случайные автомобилисты, крайне мала. Населенных пунктов в том районе нет. Значит, местных жителей, захотевших прилизиться к самолету из праздного любопытства, тоже быть не должно. Ни один из берберских кланов, кроме этих

Переносчик смерти

вот моих знакомых, туда не поспешил. Если кто-то и мог направиться в те места, то это должны быть фундаменталисты либо военные. Ни тех ни других в районе оазиса сегодня никто не видел. Если, конечно, не считать вертолета, который преследовал вас утром. Так что у нас есть все шансы оказаться там первыми.

Я не могу определиться с тем, насколько правдоподобно то, что говорит Джулия. Но мне однозначно хочется верить в то, что мы найдем самолет раньше, чем кто бы то ни был еще.

12

Автоколонна преодолевает небольшой подъем, и нашим взорам открывается воистину впечатляющее зрелище. Вдали, километрах в двух от подъема, прямо на шоссе стоит грузовой самолет.

Я невольно вздыхаю, не в силах сдержать эмоции, обуревающие меня. Нечто подобное переживает и Йордан. Лишь Джулия держится хладнокровно, продолжает спокойно управлять грузовиком.

Чем меньшим становится расстояние до крылатой машины, тем отчетливее колеи и колдобины на дороге, и без того не самой идеальной. Я догадываюсь, что многие из этих повреждений недавнего происхождения. Самолет заходил на вынужденную посадку, но шоссе ведь на это не рассчитано. Отсюда все эти следы.

Мисс Раст сбрасывает скорость. Мы едем довольно медленно, высматриваем выбоины на дороге и другие вероятные опасности. Впрочем, впереди нас уже успевают оказаться берберы. Судя по их поведению, явной угрозы поблизости не на-

блюдается. Несмотря на это, мы останавливаемся в нескольких десятках метров от цели.

Пара охранников остается возле машин. Остальные направляются к самолету вместе с нами.

Солнце печет безжалостно. Мои мозги буквально плавятся. Сердце бьется в учащенном ритме. Еще немного, и все прояснится.

Подойдя к самолету, я почти сразу отмечаю тот факт, что безаварийной посадки пилотам произвести все же не удалось. Шасси сломаны. Крылатая машина лежит на пузе, развалившись на несколько разновеликих частей. При этом никаких следов взрыва или пожара здесь не наблюдается.

На данном же моменте сосредоточивает внимание и Йордан.

— Наверное, когда они шли на посадку, горючее уже было на исходе, — говорит он.

— Скорее всего, — соглашаюсь я. — В противном случае картина была бы совершенно другой.

Еще на подходе к самолету мы замечаем, что на несколько десятков метров вокруг него разбросаны коробки, ящики, контейнеры, до крушения находившиеся на борту. Со всем этим нам еще предстоит разобраться. Пока же следует проверить внутренности самолета. Ведь основная часть груза наверняка осталась там. Впрочем, нас интересует не только он. В первую очередь меня и Йордана заботит судьба пилотов и группы академика Карского, включая его самого. Однако чем ближе мы подходим к месту неудачной посадки, тем силь-

нее тают наши надежды на благополучный исход для них.

Берберы тут же указывают нам на несколько неподвижных тел, лежащих за пределами шоссе, неподалеку от места крушения. Мы проверяем каждое из них. Ведь может так статься, что кто-то из недавних пассажиров жив, но находится в бессознательном состоянии. Наши надежды рушатся. Все, кого мы осматриваем, мертвые.

Кроме того, выясняется, что каждый труп имеет пулевые ранения. Получается, что после катастрофы эти бедолаги спаслись, но кто-то целенаправленно их уничтожил.

Данное открытие не прибавляет нам оптимизма. Вместо ответов на уже имеющиеся вопросы мы получили уйму новых.

Возле самолета мы обнаруживаем труп пилота. По всей видимости, он сумел после посадки покинуть кабину и пытался оказать помощь пострадавшим, несмотря на полученные травмы. Однако и его кто-то пристрелил.

Оторопь берет от всего этого, но мы продолжаем поиски выживших, осматриваем еще одно тело. Покойник лежит на животе. Лица не видно. Наверняка кто-то из медиков. Немолодой. Точнее, был таковым. Признаков жизни никаких.

Внутри у меня все сжимается. Ведь это может быть труп самого академика Аркадия Карского. Мы с Йорданом переворачиваем его и убеждаемся, что это не Карский. Следов огнестрела на сей

раз не заметно. Этот пожилой мужчина скончался от травм, полученных при крушении.

Берберы тоже осматривают место катастрофы, подзывают нас. По левую сторону от дороги в пределах видимости еще с десяток тел, преимущественно мужских. Такое впечатление, что пассажиры пытались бежать куда глаза глядят.

Тревожное предчувствие не отпускает меня ни на секунду. Мы подходим к каждому телу, которое сумели заметить. Все мертвые. Причина — огнестрельные ранения. У меня не исчезает такое ощущение, словно этих людей кто-то планомерно расстреливал в спину.

Немного поколебавшись, мы направляемся внутрь самолета, пробираемся туда прямо через один из разломов в корпусе. Там царит полнейший хаос. Куски обшивки, вырванные кресла, разбросанные коробки, контейнеры и тюки с гуманитарным грузом. И опять-таки трупы. Правда, теперь без огнестрелов.

Тела Аркадия Федоровича мы снова не находим. Однако при таком раскладе надежд на то, что кто-то из экипажа и пассажиров выжил, у нас почти нет. Значит, обнаружение трупа Карского является лишь вопросом времени.

Мы продолжаем осматривать найденные тела, при этом не забываем, что нам необходимо отыскать и вакцину.

При проверке уцелевших частей салона наши охранники дважды хватаются за оружие. Прямо

под ногами, испугавшись людей, пробегают какие-то зверки. То ли пустынные лисицы, то ли и вовсе гиены. Мы не успеваем их толком разглядеть.

Парням из охраны хватает выдержки, чтобы не пальнуть по животным. Любой выстрел здесь опасен. Мы еще не знаем, была ли утечка горючего, не скопились ли в корпусе самолета керосиновые пары.

Если ответ на этот вопрос положителен, то одной искры может оказаться достаточным, чтобы здесь все запылало. Естественно, что такой поворот никого из нас не устраивает. Поэтому мисс Раст напоминает охранникам об осторожности в обращении с оружием.

Вскоре один из них что-то замечает и подзывает нас.

— Вон в той куче кто-то шевелится, — говорит он, указывая на несколько огромных упаковок гуманитарной помощи.

— Может, снова зверь? — предполагает Йордан.

— Надо бы проверить, — заявляю я и в сопровождении двух охранников приближаюсь к упаковкам, сваленным в кучу.

— Что там? — нетерпеливо интересуется Джуллия.

— Два или три тюка с одеялами, — отвечаю я, продолжая осматривать эту кучу.

— Наверняка зверек, — делает поспешный вывод Христов, словно желая подтвердить свое недавнее предположение. — Видимо, он успел устроить себе норку в одеялах.

— Не факт, — говорю я, вдруг слышу, что из кучи одеял доносится какой-то приглушенный звук, и тут же замираю на месте.

Все остальные видят мою застывшую фигуру, и мисс Раст спрашивает:

— Что-то случилось?

— Тише! Кажется, там кто-то есть, — сообщаю я.

— И что будем делать?

— Думаю, нам придется стащить верхний тюк.
Но делать это надо очень осторожно.

Мы втроем — я, Йордан и Джуллия — дружно хватаемся за края огромной упаковки, лежащей сверху, и медленно оттаскиваем ее в сторону. После этого нам становится ясно, что ни о какой звериной норе здесь не может идти и речи.

Нашим изумленным взорам открывается иное зрелище. На одеялах лежит человек.

— Еще один труп? — вырывается из уст Джуллии.

Однако мы видим, что мужчина, найденный нами, подает явные признаки жизни. Он шевелит руками и ногами, пытается заговорить. Правда, вместо слов у него получается какое-то мычание. Видимо, этот звук и привлек внимание охранников, а затем и мое.

— Тише! Не делаем резких движений, — предупреждаю я всех, после чего обращаюсь к мужчине по-английски: — С вами все в порядке? Вы можете двигаться?

— Да, Артем, английское произношение у тебя всегда хромало, — слышится ответ по-русски.

После секундного замешательства я понимаю, что это за мужчина, откуда он знает мой голос и почему критикует мое английское произношение. Это академик Аркадий Федорович Карский, тот самый человек, которого я почтительно называю моим наставником. Впрочем, пафосных сантиментов со стороны своих учеников он никогда не приветствовал, а вот подтрунивать над нами любил так же сильно, как и науку.

Мы выясняем, что Карский во время крушения не был даже ранен. Когда самолет зашел на вынужденную посадку, моему наставнику нескажанно повезло. Он вылетел из кресла и упал на огромную упаковку. Потом на него свалился другой такой же тюк. Аркадий Федорович, зажатый между ними, не получил ни одного удара ящиками и прочими тяжестями, разлетавшимися по салону.

Если бы я не был убежденным материалистом, то назвал бы его спасение чудом. Вскоре мы выясняем, что он оказался единственным человеком, выжившим после крушения.

В топливных баках оставался керосин. Он мог бы взорваться при ударе о землю. Но этого как раз и не произошло.

Мне хочется сказать моему наставнику, что он в рубашке родился. Однако я не делаю этого, понимая, каким именно образом он отреагирует на мои слова.

Мы помогаем Карскому спуститься с тюка. Я предлагаю ему воду. Он не отказывается. Тут уж не до шуток.

Джулия быстро осматривает его на предмет ушибов, переломов и прочего. Ничего серьезного она не обнаруживает. Академик цел и невредим.

Я представляю ему своих коллег и кратко обрисовываю ситуацию. Он, в свою очередь, делится впечатлениями о пережитом кошмаре. Сообщение о гибели всей его группы Аркадий Федорович пытается принять стойко. Но я все-таки замечаю, как начинает подрагивать его нижняя губа. Старик явно хочет заплакать, но образ, когда-то избранный им для себя, не позволяет ему это сделать.

— Аркадий Федорович, что вообще произошло с самолетом? — спрашиваю я.

— После отказа военного правительства впустить нашу миссию в эту страну мы решили совершить посадку в соседнем государстве, — рассказывает Карский. — Разрешение на это было получено. Власти там здравомыслящие. Мы планировали устроить на границе двух государств лагерь для вакцинации инфицированных. На тот случай, чтобы можно было принять и беженцев отсюда, куда нам путь заказан. Но пилоты, к сожалению, ошиблись в расчетах. Топливо стало заканчиваться раньше времени. Пришлось идти на риск. Мы подали сигнал бедствия и запросили разрешение на экстренную посадку. Нам никто не ответил. По стечению обстоятельств мы пролетали в сотне километров от Эль-Башара. Посоветовавшись между собой и с пилотами, мы решили пересечь границу, продолжая подавать сигналы бедствия. Оказалось, что местные ВВС и ПВО без-

действуют, или же их вообще здесь нет. Пилоты отключили все приборы, которые могли бы выдать наше местоположение. Самолет должен был исчезнуть со всех радаров. Радист настроился на местную волну, чтобы предупредить аэродром в Эль-Башаре, но ему никто не ответил. Летчики попытались вывести туда машину самостоятельно. Однако едва они начали это делать, самолет был атакован...

— Что? — недоумеваю я. — Вы хотите сказать, что это произошло после вынужденной посадки на шоссе?

— Нет же, Артем! — напрочь отмел мое предположение академик. — Самолет был подбит. По-моему, кто-то выстрелил по нему из мощного гранатомета. Пилотам с трудом удалось сохранить управление. Они сделали все возможное, чтобы машина не вошла в штопор, сумели посадить его на шоссе. Однако вскоре после приземления стало твориться что-то странное, даже страшное. Я был зажат между тюками с одеялами, пытался выбраться, но понял, что не смогу этого сделать. Мне было слышно, как к самолету подкатили несколько автомобилей. Я так понимаю, что это были не грузовики, а внедорожники. После их появления раздались выстрелы. Мои коллеги кричали, просили их пощадить. Но в ответ на это стрельба лишь усиливалась.

— К сожалению, все пассажиры и члены экипажа, выжившие после посадки, были расстреляны, — говорю я. — Мы можем лишь пред-

полагать, что это сделали представители одной из сторон, участвующих в здешней гражданской войне.

— Я в какой-то момент отключился и не могу сказать, какие сволочи виноваты в этом и куда они подевались, — признается академик и мгновенно спохватывается: — Вакцина! Они наверняка охотятся за ней!

— В таком случае преступники должны были знать, что вакцина находится на борту этого самолета. А откуда у них могла взяться такая информация? — вполне резонно замечает Джулия.

— Скорее всего, злоумышленники поймали ваш сигнал на местной частоте и... — предполагает Йордан, но Аркадий Федорович его перебивает:

— Проверьте срочно все контейнеры! Нужно выяснить, все ли на месте. Если эти гады ее не забрали, то вакцина должна была уцелеть. Она находится в специальных контейнерах, которые должны сохраниться и в различных неподходящих ситуациях вроде этой.

Он описывает, как выглядят контейнеры. Наши охранники тут же выражают готовность отыскать их среди разбросанного груза.

Академик просит их немного подождать и говорит:

— Кроме самой вакцины и сопутствующего инструментария, в самолете находилась и небольшая передвижная лаборатория. Если она уцелела, то мы можем наладить производство вакцины едва ли не в любом месте. Хоть прямо здесь.

— Отлично. Думаю, что такая лаборатория нам не помешает, — выражаю я свое мнение и уточняю: — Лаборатория, надеюсь, транспортировалась в разобранном состоянии?

— За кого ты меня принимаешь, Артем? Конечно же, в разобранном! — укоряет он меня, тут же рассказывает, как выглядят соответствующие ящики, и добавляет: — Остается лишь собрать лабораторию, и можно производить вакцину из концентрата, который тоже тут есть. Точнее, должен быть.

Мы все, включая охранников и берберов, принимаемся за поиски контейнеров и ящиков, описанных Карским, и стараемся делать это быстро. Нас подгоняет неопределенность с теми негодяями, которые расстреляли членов экипажа и медиков из группы Карского. Меня донимает мысль о том, что убийцы могут вот-вот вернуться с подкреплением.

Едва мы успеваем справиться с поставленной задачей, раздается сигнал спутникового телефона вождя Исула. Он вежливо извиняется, принимает вызов и через несколько секунд передает трубку Джуллии. Я смотрю на нее и вижу, как она стремительно меняется в лице, становится мрачнее тучи. Наверняка плохие новости. Но в чем их суть?

Вскоре женщина нажимает на кнопку сброса и поднимает глаза на всех нас. Мы с нетерпением ждем, что же она скажет.

— Мне звонили из больницы Эль-Башара, — сообщает Джуллия. — В оазисе зафиксирована

вспышка эпидемии лихорадки Эбола. Судя по всему, очень масштабная. Господи, сколько раз я им говорила об угрозе этого! Скученность, антисанитария, множество беженцев из Хардуза — это все не могло не повлиять на эпидемиологическую обстановку в оазисе.

— Сейчас главное — не паниковать, а делать дальше свое дело, — замечает на это Аркадий Федорович.

Под его руководством мы загружаем комплектиующие передвижной лаборатории и контейнеры с вакциной в грузовик. В остальные машины нам приходится поместить тела погибших. Нам ясно, что оставлять их здесь нельзя.

Из гуманитарной помощи мы берем лишь только то, что оказывается транспортабельным, например, большой ящик с консервами. Все увезти за один раз, к сожалению, никак нельзя. А второго может и не случиться.

Заодно выясняется, что пропало несколько контейнеров с гуманитарной помощью. Видимо, злоумышленники сильно торопились и взяли с собой первое, что попалось им под руку. Да и на джипах много не увезешь.

Мы быстро уезжаем с места аварийной посадки. Ведь неизвестные преступники могут вернуться сюда в любой момент, чтобы завладеть оставшимся грузом.

13

Нельзя сказать, что вспышка эпидемии застает Эль-Башар врасплох. Многие и ранее подозревали, что такое возможно. Кое-какие меры пытались принять и здешняя администрация под влиянием независимой медицинской организации, действовавшей в населенном пункте.

Однако средств, как я понимаю, хватило не на многое. На окраине оазиса в считанные часы был возведен огромный палаточный городок для людей, подвергшихся заражению. Безусловно, это не гарантия локализации эпидемии. Но без устройства такого вот изолятора ситуация с болезнью может оказаться куда более плачевной.

Городок занимает территорию в несколько гектаров. Палатки расставлены рядами. В промежутках между ними может проехать грузовой автомобиль. Ни о какой скученности или хаотичности не может быть и речи.

Неясность ситуации и предполагаемое возрастание опасности заставило здешние власти пойти и на другие меры. Городок практически сразу был

обнесен колючей проволокой, выставлена охрана. То и другое скорее для того, чтобы не допустить проникновения посторонних извне, а не с целью удержать больных в карантине.

На тот момент, когда мы приступаем к активной работе, в палаточном городке скопилось уже около двух тысяч человек. Большинство из них — беженцы. Однако этим числом дело не ограничивается. Каждый час сюда привозят десятки новых зараженных, размещают их в свободных палатках. Таковых становится все меньше и меньше. Если, конечно, не считать те, которые освобождаются после смерти людей, размещенных там.

Все без исключения больные страдают свето-боязнью. Над палаточным городком стоит нескончаемый шум, ни на минуту не смолкают жуткие крики зараженных и умирающих людей. Одни воят, прося убрать свет, другие хрипят, требуя, чтобы их умертвили. Такие крики и стоны доносятся буквально из каждой палатки.

Инфицированные люди изнемогают от ужасной боли. Ее трудно даже представить себе. Их тела покрываются волдырями. Некоторые из них раздуваются, словно мыльные пузыри, достигают в диаметре двух-трех сантиметров. Кожа лопается и отслаивается. Это причиняет каждому больному немыслимые физические страдания.

Аномальные изменения кожи сопровождаются внутренними кровоизлияниями и диареей. Лица людей приобретают красно-черный цвет. Смерть

после таких вот адских мук может показаться избавлением.

Но мы-то знаем, что настояще избавление заключается в вакцине, разработанной академиком Карским и его помощниками. К нашему большому сожалению, мы не в состоянии ввести ее всем больным сразу. Мы и хотели бы это сделать, однако есть объективные причины, препятствующие немедленному осуществлению наших планов. Хронически не хватает сотрудников и волонтеров. Да и количество вакцины пока не такое большое. На всех ее не хватает.

Насколько палаточный городок идеален в смысле расположения и планировки, настолько же он жуток во многих других отношениях. В палатках, как правило, царит страшная антисанитария. К каждой из них, даже к десятку таковых нельзя приставить отдельного человека.

Кровавые зудящие раны больных облеплены мухами. Еще больше их слетается на тела умерших.

Летальных исходов безумно много. Трупы грузят в машины и отвозят в пустыню, где сбрасывают в углубление природного происхождения и едва-едва засыпают песком и камнями. Землеройная техника в Эль-Башаре есть, а вот топлива для нее нет. В условиях эпидемии местные власти не желают тратить бензин или солярку на экскаваторы и бульдозеры. Это представляется им безрассудным расточительством.

Чем дальше, тем труднее становится удержать охрану. Она попросту разбегается, боясь заразиться.

ся. Да и как тут не пугаться, если ты видишь, что люди мрут и мрут. Всем кажется, что вот-вот эта чертова болезнь доберется и до них. Человек понимает это, решает плюнуть на все и унести отсюда ноги как можно быстрее.

Логику таких беглецов понять легко. Но принять ее как свою из нас никто не возьмется. По крайней мере, я на это надеюсь.

Слухи, порожденные последствиями вспышки эпидемии, будоражат весь оазис. Люди, которым посчастливилось не заболеть, готовы бежать из этих мест и не оглядываться. Некоторые так и сделали. Однако большинству некуда и не на чем удирать. Вокруг пустыня, да и топлива в оазисе почти нет.

А для того его запаса, который все-таки имеется, власти объявили режим строгой экономии. На практике это означает, что купить горючего для своих нужд в Эль-Башаре сейчас никто не может. Такой вот факт дополнительно наэлектризует здешнюю атмосферу.

Я не знаю, о чем в данный момент думают здоровые люди, проживающие здесь. Но я уверен, что буквально каждый из них страшно недоволен своим безвыходным положением. Возможно, они даже чувствуют себя заложниками, обреченными на верную смерть.

Мы действуем, несмотря на сплошной кошмар, царящий вокруг нас, и ощущение всеобщей безысходности, витающее в воздухе. Основной массив работы по вакцинации пришлось взять на

себя мне и Йордану. Джулия нам помогает. Мы делаем то, чем должна была заниматься большая группа специалистов под руководством академика Карского. К сожалению, все они погибли.

Сам же Аркадий Федорович пока не может присоединиться к нам. Он говорит, что готов взяться за дело, но еще не в состоянии приступить к своим обязанностям. Серьезных травм у него нет, но отойти от шока мой наставник пока не в силах. Хочется надеяться, что вскоре его самочувствие улучшится и ему не будет стыдно за работу, проделанную мной.

Грузовик с передвижной лабораторией находится в черте палаточного городка. Все необходимое для ее полноценной работы уцелело после катастрофы. Поэтому монтаж лаборатории прошел без особых проблем.

Здесь имеется достаточный комплект оборудования для индикации и идентификации микроорганизмов в полевых условиях. Благодаря этому мы можем проводить бактериологический анализ и осуществлять при необходимости микроскопию мазков. Есть в лаборатории и приборы для постановки различных реакций, автоклавирования и стерилизации, ламинарный бокс и стерильная камера.

На всех нас имеются противовирусные костюмы и бахилы. Запасы вакцины помещены в ламинарный бокс биологической безопасности третьего класса. Его рабочая зона полностью изолирована от внешней среды.

Оператор — в данном случае это я или Христов, периодически сменяющий меня, — может проводить манипуляции в рабочей камере только через перчатки, механически соединенные с боксом. Туда постоянно подается профильтрованный воздух, а удаляемый выводится во внешнюю среду через собственную вытяжную систему. При этом он очищается двойными фильтрами. Все меры безопасности соблюдены. Если, конечно, не считать того, что сразу же за пределами лабораторного помещения находятся тысячи больных.

Мы отдаем себе отчет в том, что сумеем спасти лишь часть из них, осознаем, что сами рискуем заразиться. Да, безусловно, костюмы, защита и все такое. Однако нам приходится перемещаться от одной палатки к другой. Нет никаких гарантий, что по пути никто из нас не повредит костюм. Надрез, прокол, трещинка — и вероятность заражения моментально увеличивается.

Мы не можем себя обезопасить, введя вакцину. Она действует исключительно на тех, кто уже заболел. У людей, которые сумели избежать заражения, вакцина иммунитет не прививает. Мы все это знаем и уповаляем лишь на свою осмотрительность.

Больные на наше появление реагируют по-разному. Одни кричат: «Уберите свет!» Другие настолько обессилены от боли и страха, что вообще не обращают на нас никакого внимания. Третьи же ведут себя крайне агрессивно и пытаются наброситься на нас.

Таких буйных пациентов мало, но они все же есть. Мы вынуждены быть готовы к тому, что в каждой палатке нас может ожидать подобная встреча. Это опять-таки увеличивает степень нашего риска. Ведь защищать себя приходится нам самим.

Никто из охранников, оставшихся здесь, не согласился сопровождать нас в палаточном городке. Несколько комплектов защитных костюмов для них у нас имеется. Но пока они остаются невостребованными. Местные жители, как и беженцы, не верят, что костюмы способны уберечь от заражения.

Я уже слышал, что некоторые туземцы считают вирус Эбола карой, ниспосланной Всевышним. Эти набожные люди отказываются верить в существование действенных средств защиты от Божьей кары.

И все же мы работаем. Делаем прививки всем, кого успеваем застать в палатах живыми, даже если на нас бросаются с кулаками и говорят, что Всевышнего этими уколами не обманешь.

Мы все время напряжены. Нам хочется охватить вакцинацией как можно большее количество людей. Однако при этом едва ли не каждую минуту мы осознаем, что нельзя объять необъятное. Три доктора и несколько смельчаков-волонтеров никак не успеют сделать прививку каждому, кто в этом нуждается.

Мы работаем часы напролет, почти без остановки, после чего буквально валимся с ног от

усталости. Короткий перерыв тратим на обработку наших костюмов и скромный обед далеко за пределами городка. Благо что Джулия за рулем и в состоянии отвезти нас в больничную столовую.

Сама больница за эти дни превратилась в некое подобие общежития для тех здоровых беженцев, которые вовремя успели покинуть здешние очаги эпидемии.

Тут же находится и академик Карский. Мы рассказываем ему о состоянии дел с вакцинацией. Он выражает уверенность в том, что положительный результат не заставит себя долго ждать. Мы пытаемся разделить с ним эту уверенность, возвращаемся в палаточный городок. Снова облачаемся в защитные костюмы, чтобы продолжить работу.

— А это еще что такое? — вырывается у меня, когда я смотрю на костюм Христова.

— Где? Что? — удивленно уточняет он, оглядываясь по сторонам.

— Да вот. На плече, — указываю я. — Это трещина?

— Похоже, что она самая, — печальным голосом говорит коллега, получше рассмотрев поврежденный участок костюма. — Это значит, что я подхватил заразу?

— Еще не факт, — озвучиваю я одну из своих любимых фраз. — Какие-нибудь первичные симптомы проявляют себя?

— Нет. Пока все как обычно. Но ты же сам прекрасно знаешь, насколько коварен вирус Эбола. Можно отлично себя чувствовать, а потом

резко слечь с пузырящейся кожей и черно-синим лицом.

— Только не паникуй. Ты же знаешь, что пока не будет полной уверенности в том, заразился ты или нет, вакцину мы ввести не можем. Как только что-нибудь почувствуешь, дай знать. Сразу же сделаем тебе прививку.

— Если буду в состоянии сказать что-либо, кроме просьбы убрать свет. — Оптимизма в его словах и интонациях не прибавилось.

Я стараюсь его поддержать. Он надевает другой защитный костюм. Мы снова приступаем к работе.

Я делаю прививки больным, а сам постоянно думаю о коллеге. Регулярно посматриваю на него, пытаясь на глаз определить, нет ли в его поведении чего-нибудь подозрительного. Естественно, он это замечает. Понимает причину моего внимания, пытается отшучиваться. Получается не смешно, но я делаю вид, что по достоинству оцениваю его мрачноватый юмор.

С другой стороны, способность шутить, пусть и по-черному, свидетельствует о том, что Йордан все еще здоров. Мы в своей практике еще ни разу не встречали людей, инфицированных вирусом Эбола, которые пытались бы хоть как-то проявить чувство юмора.

Мы едва успеваем сделать прививки одним больным, как в палаточный городок привозят других. Охватить сразу всех, как и прежде, мы не в состоянии. Поэтому новые смерти неизбежны.

Число трупов никак не уменьшается. Поводов для радости практически никаких.

Мы устаем как собаки. Спим по три-четыре часа в сутки. Почти все время проводим в лаборатории и палаточном городке. Запасы вакцины, с учетом того объема, который мы уже произвели сами на основе концентрата, не бесконечны. Их хватит только на несколько дней. Это по самым оптимистичным расчетам.

Исходя из имеющейся информации о положении дел в оазисе, академик Карский делает неутешительный вывод: число больных будет увеличиваться. Пока мы можем порадоваться лишь тому, что все люди, прошедшие вакцинацию, живы. Правда, явных признаков выздоровления пока не наблюдается.

Это отслеживает преимущественно Джулия. Состояние больных как бы консервируется на том уровне, который был на момент прививки. То есть хуже им не становится, но и улучшения тоже не наблюдается.

Аркадий Федорович комментирует данную особенность в том ключе, что так и должно быть. Явные признаки улучшения обязательно проявятся через пару дней. Не доверять опыту моего наставника не приходится. Но даже он не сможет нам помочь, когда вакцины не останется.

Я беру на себя инициативу и связываюсь по спутниковому телефону с центральным офисом нашей медицинской организации, расположенным в Швейцарии. Быстрота развития событий

последних дней, особенно после вспышки эпидемии в оазисе, изрядно замотала нас. Выйти на связь раньше я просто не мог, не было времени. Теперь я вынужден выкраивать его за счет сна, и без того крайне непродолжительного. Ведь, кроме меня, никто этого не сделает.

Звоню. Пытаюсь объясниться. Меня долго переключают с одного чиновника на другого. Наконец-то находится какой-то тип, который изволит меня выслушать.

Я сообщаю ему все свои данные, чтобы меня не считали шутником, поясняю ситуацию со сбитым самолетом, гибелью врачей, вспышкой эпидемии Эбола, заканчивающимися запасами вакцины. Прошу, чтобы прислали новую партию лекарства и концентраты, а также группу специалистов, которые помогли бы нам завершить вакцинацию. Замолкаю и ожидаю реакции представителя центра.

В трубке слышится звук, напоминающий недовольное фырканье.

— Послушайте, — говорит чиновник. — Временное военное правительство официально заявило, что лихорадка Эбола в стране побеждена. По этой причине самолету с экспериментальной вакциной господина Карского было отказано в пересечении границы и посадке в Хардузе.

— Но это всего лишь пропаганда с их стороны! — пытаюсь я вразумить собеседника. — Только здесь, в Эль-Башаре, скопилось несколько тысяч беженцев! Большая часть из них уже инфи-

цирована. О победе над болезнью пока не может быть и речи.

— Вы не горячитесь и не забывайте, с кем разговариваете. — Чиновнику явно не нравится тон, взятый мной. — Возможно, вы и правы. Мировые лидеры тоже не до конца склонны верить заявлениям нового режима, пришедшего к власти в Хардзузе. Но у нас действительно не хватает достоверной информации о реальном положении дел с лихорадкой Эбола в этой стране. Даже если там сейчас все так, как вы описываете, мы не в силах принять какие-то меры. Понимаете, мы бы с удовольствием вам помогли. Но страну, по сути, захватили военные. Наши представительства там закрыты. Сейчас на разных уровнях идут переговоры, чтобы как-то исправить ситуацию. Но пока безрезультатно. Международные структуры пытаются найти какой-то выход. Думают, что делать дальше. Потерпите там еще немножечко. Надеюсь, что в течение месяца или двух в этом вопросе наметятся подвижки.

— Да за это время здесь все вымрут! — не сдерживаюсь я.

— С этим я ничего поделать не могу. Страна в изоляции. Раз народ позволил военным это сделать, значит, так ему жить лучше. Это и есть демократия в чистом виде, — отстраненно говорит бюрократ.

В подтексте его реплики мне слышится лишь одно: «Отстань ты от меня, чертов русский. Мне

плевать на этих дикарей. Пусть они все там сдохнут».

Я ошарашен. Мне не хватает слов. Прежде чем я успеваю сформулировать свою мысль, мой собеседник прощается и сбрасывает вызов. Несколько минут я молчаливо сижу, держу в руках трубку и стараюсь прийти в себя. Я не нахожу слов, подходящих для выражения эмоций, обуревающих меня, и цежу сквозь зубы несколько нецензурных фраз на великом и могучем русском языке, которые заочно адресую бюрократам, управляющим нашей организацией.

14

Два дня проходят незаметно. Дела и обстоятельства все те же, хотя есть и перемены к лучшему. Больные, прошедшие вакцинацию, уже начали давать признаки выздоровления. Мы едва скрываем радость по этому поводу. Сдвигов с прибытием новых запасов вакцины нет никаких, но обнадеживает сам факт выхода наших пациентов на поправку. В случае полного выздоровления они приобретут устойчивый иммунитет к вирусу Эбола. По крайней мере, так полагает академик Карский. Если мой наставник прав, то порочный круг смертей наконец-то прервется.

Мы с Йорданом с утра возимся в лаборатории, готовим все необходимое для очередной серии вакцинаций. Настроение в связи с последними новостями у нас приподнятое. К тому же наши опасения по поводу вероятного заражения Йордана оказались напрасными.

Мисс Раств обществе нескольких волонтеров совершает обход палаток с больными, прошедшиими вакцинацию. Мы ожидаем очередной порции

хороших новостей. По нашим прикидкам, где-то с десяток человек должны полностью выздороветь.

Раздается стук в дверь будки грузовика, где размещена наша лаборатория. Слышится голос Джулии. Я не могу в одночасье прекратить работу в ламинарном боксе, говорю Христову, чтобы подошел и спросил, что ее заставило вернуться так рано.

— Чем обрадуете нас, Джулия? — спрашивает Йордан через дверь, которую нельзя открывать, пока я работаю с боксом.

— К сожалению, хороших вестей у меня нет, — говорит она.

— Что это означает? — растерянно уточняет коллега.

— Все, кто позавчера пошел на поправку, умерли сегодня под утро, — сообщает Джулия раздосадованным голосом.

Вместо новой серии вакцинации половину дня мы посвящаем исследованию тел. Понять, почему люди, вроде бы шедшие на поправку, вдруг умерли, не так-то просто. Мы пытаемся сделать некоторые анализы, хоть и осознаем, что мощностей мобильной лаборатории для выяснения полной картины будет недостаточно.

Предварительная моя версия такова: вакцина, изобретенная академиком Карским, не дает желаемых результатов. Однако эти соображения кажутся мне такими фантастическими, что я едва берусь озвучить их. Я хорошо знаю своего наставника, методы его исследований и привычку ста-

рательно все проверять, прежде чем заявлять на весь мир об открытии. Поэтому у меня не укладывается в голове мысль о неэффективности его вакцины против вируса Эбола.

Смерти больных, уже шедших на поправку, повергают меня в отчаяние. Я теряю веру в возможность спасти кого бы то ни было с помощью этих прививок, если что-то и делаю, то лишь по инерции, без того рвения и энтузиазма, которые были присущи мне совсем недавно.

Я просто не могу вот так взять и бросить все. Это было бы неправильно, означало бы предательство с моей стороны. В этом случае я наплевал бы на своих коллег, да и на тех заразившихся бедолаг, которым мы вряд ли теперь сумеем помочь. Разве что отсрочим их кончину еще на несколько дней. Я невольно вспомнил пилотов самолета, которые старались отсрочить момент крушения.

Йордан считает, что мое отчаяние напрасно. Нужно быть всесторонне объективным, не делать поспешных выводов на основе единичного, статистически не выверенного явления.

— Возможно, эти люди получили прививку слишком поздно, чтобы их можно было спасти, — говорит он мне. — При такой спешке и нехватке специалистов мы физически не имели возможности досконально обследовать каждого из них. Согласись, что нам ничего не было известно о том, насколько далеко зашел патогенез в их организмах.

— Возможно, — бормочу я, чтобы не выглядеть чересчур упрямым, хотя на самом деле категоричность из меня так и прет.

— Так в чем же дело?

— А дело в той же статистике, — не усмиряюсь я. — Десять человек — это все-таки показатель. Если бы речь шла об одном-двух случаях, я мог бы поверить, что это связано с запущенностью болезни. Но здесь десять смертей! Все эти люди вот-вот должны были подняться с лежанок, перестать бояться света и сделаться неуязвимыми перед чертовой лихорадкой Эбола. А они вдруг взяли и умерли! Ты считаешь, что это ничего не значит?

— Погоди-погоди, — пытается урезонить меня коллега. — Вспомни, сколько людей мы обслужили в тот день, когда прививали и этих десятерых. Много?

— Если учесть, что на каждую палатку уходит от восьми до десяти минут, то мы, наверное, вакцинировали где-то под сотню больных. С поправкой на работу в лаборатории, обеденный перерыв и ночной отдых.

— Да тут и прикидывать не надо! Все зафиксировано. Джул lia может подтвердить, что в тот день мы сделали девяносто девять прививок. Безусловно, людей жалко. Но ведь мы не бездействовали, изо всех сил старались спасти каждого, при этом подвергали себя смертельному риску.

Мне хочется верить товарищу, разделить с ним его боевитый настрой. Однако не получается.

Следующие сутки подтверждают, что прав скорее я. Больные, прошедшие вакцинацию, продолжают умирать. Резкое ухудшение, наступающее после кратковременного намека на выздоровление, выбивает почву из-под ног наших пациентов. Они полностью срываются с катушек, орут, что не хотят больше жить, пытаются наложить на себя руки или просят, чтобы их убили. Столько страданий приносит им невыносимая боль!

Мне кажется, что подтверждение неэффективности вакцины Карского становится более чем очевидным. Но Христов и сейчас остается при своем мнении, продолжает работать и снова призывает меня не раскисать.

Формально он прав. Ведь, исходя из статистики, нельзя сказать, что во всех этих смертях имеется определенная закономерность. Люди умирают вразнобой, а отнюдь не в той очередности, в которой получили вакцину.

За этот факт цепляется и мой наставник. Аркадий Федорович не признает свое поражение, ссылается на отсутствие полного перечня факторов, оказавших губительное влияние на наших подопечных.

— Артем, поверь, я не мню себя гением, который не может ошибаться, — обращается он ко мне непривычным для себя тоном. — Если я бываю не прав, то всегда признаю это. Но в данном конкретном случае я не вижу никакой ошибки. Вакцина должна действовать.

— Но люди, получившие прививки, продолжают умирать! — не выдерживаю я.

— Одни продолжают умирать, а другие — идти на поправку. Ведь так?

— Пока так. Но еще неизвестно, как дело повернется завтра.

— Завтра тоже могут быть смерти. К сожалению. Но я уверен, что это никак не связано с уровнем эффективности вакцины.

— А с чем же тогда?

Я готов выслушать любые объяснения наставника, но при этом уже настроен так, что все слова Карского для меня будут звучать как оправдания. Однако наш разговор прерывается. Появляется один из немногочисленных волонтеров и передает мне записку от Джулии. Я читаю ее и мрачнею.

— Стряслось что-то еще? — спрашивает мой наставник.

— Да. Исул, вождь берберов, который помогал нам искать ваш самолет, инфицирован.

— Я готов помочь ему, — заявляет Карский. — Хватит уже мне отсиживаться. Я лично сделаю ему прививку и буду отслеживать его самочувствие.

Отговаривать его бессмысленно. Мы срочно отправляемся в палаточный городок и облачаемся в защитные костюмы. Мисс Раst проводит нас в палатку, где находится больной вождь.

Я, конечно, профессиональный медик, видел всякое, но с ужасом смотрю на то, во что так бы-

стро успел превратиться крепкий и здоровый мужчина, благодаря которому мы так быстро нашли самолет. Все его тело покрыто нарывами и пузырями. Некоторые из них уже успели лопнуть, дав тем самым сигнал к отслаиванию кожи. Как и остальные больные, берберский вождь не переносит света. Однако, в отличие от всех, он из последних сил старается держаться и не кричать.

Я смотрю на него и не могу понять, как это ему удается. Ведь боль, одолевающая его, воистину адская! Но он терпит, закусывает губы и молчит! Собственные представления о мужестве и чести не позволяют ему даже в такие мгновения давать слабину. Это при том, что на данной стадии болезни люди в большинстве случаев перестают контролировать себя.

Карский осматривает Исула.

— Когда его доставили сюда? — уточняет он у Джуллии.

— Сегодня и доставили, — отвечает женщина.

— Почему же его родственники не обратились к нам в самом начале болезни? Зачем они ждали до последнего? — скорее посетовал, а не спросил академик.

— Да он только утром прибыл в Эль-Башар после очередного двухдневного перехода по пустыне. Там признаки заражения и дали о себе знать. Соплеменники пытались вызвать подмогу. Благо спутниковый телефон у них имеется. Однако из оазиса никто не приехал. Вы и сами знаете, какая суматоха здесь творится.

Аркадий Федорович утвердительно кивает и дает нам знак о готовности сделать больному прививку. Йордан к этому моменту уже подготовил шприц с вакциной. Академик берет его, смотрит на тяжело дышащего вождя и собирается сделать укол. Он приближает руку со шприцом к телу больного.

Тут Исул резко поднимается, усаживается на лежанке, хватает Карского за руку и пытается вышибить шприц. Болезнь все-таки взяла верх, и бербер утратил всякий контроль над собой.

Мой наставник отпрыгивает в сторону. Я успеваю перехватить шприц. Йордан тоже не теряется. Он удерживает бушующего больного, а я делаю инъекцию вакцины.

Несколько секунд вождь продолжает бушевать, пытается вырваться. Однако его движения с каждым мгновением становятся все слабее. Вскоре он успокаивается и засыпает.

— Думаете, у него есть шанс выздороветь? — обращается к академику мисс Раст. — У Исула жена на девятом месяце беременности, а старшему сыну семнадцать лет. Можем ли мы как-то обнадежить их?

— Больной, конечно, в запущенном состоянии. Однако вероятность выздоровления все-таки довольно велика.

— А он не умрет, как и те люди, которые уже начинали идти на поправку? — напрямую спрашивает Джулия.

— Ничего гарантировать я не могу. Мы еще не знаем, от чего именно они умерли.

— То есть вы думаете, что лихорадка Эбола тут ни при чем?

— Есть у меня такое подозрение. Ближайшие дни я посвящу исследованию этого вопроса, — сообщает Аркадий Федорович, затем кивает на бербера и говорит: — Пожалуйста, держите его на особом контроле. Если появятся хотя бы малейшие признаки ухудшения, сообщайте мне.

Я в очередной раз убеждаюсь в том, что мой наставник твердо верит в эффективность своей вакцины и готов опытным путем искать доказательства этому. Несмотря на нехватку нужного оборудования и реактивов, он берется проводить анализы крови, мокроты и прочего. Аркадий Федорович говорит, что займется этим завтра.

Больной вождь за ночь приходит в себя. Его раны постепенно начинают заживать. Он ведет себя вполне адекватно, может говорить, описывать словами свои ощущения.

Карский проводит весь день то в лаборатории, то в палатке, где лежит Исул. Анализы вождя в норме. Это не просто слова, вылетевшие из уст светила медицинской науки. Мы с Йорданом получаем возможность лично проверить данные.

Судя по всему, вождь окажется первым, кто действительно выздоровеет. Но Карскому этого мало. После ужина он возвращается в лабораторию, чтобы исследовать анализы, взятые у умер-

ших пациентов, продемонстрировавших перед смертью явные признаки выздоровления.

Ума не приложу, что именно Аркадий Федорович хочет в них найти. Оставаться с ним на ночь в лаборатории у меня попросту нет сил. Впрочем, он и не настаивает на чьей-либо помощи, прекрасно понимает, что за все эти дни мы измотались до невозможности.

Утром мы застаем Аркадия Федоровича весьма омраченным.

— Что случилось? — спешит узнать Джуллия.

— Исул умер, — отвечает мой наставник довольно спокойно, но мне ясно, что он едва сдерживает себя.

— То есть как умер? — недоумевает женщина, посматривая округленными от изумления глазами то на академика, то на меня и Христова.

— Вчера весь день все было в норме. Даже более того. Да вы это и сами знаете. Ночью я был у него в палатке. Мы даже разговаривали. Нашелся волонтер, который переводил с берберского на английский. Исул рассказывал о своей жене и о том, с каким трепетом они ждут ребенка. Он благодарил меня и вас за то, что мы вытащили его из могилы. Получается, что вождь и сам был уверен, что худшее осталось позади. Он чувствовал, что ему становится лучше. Да это и так было видно по нему. Нарывы начали сходить. В глазах ясность. И вот под утро его не стало.

Причина смерти этого человека для нас пока остается загадкой. Ведь мы знаем результаты по-

следних анализов Исула. Они свидетельствуют об одном: от лихорадки Эбола вождь умереть не мог.

Нам приходится сообщить о смерти вождя его родственникам и соплеменникам. В этой ситуации最难的 всего приходится Джуллии. Ведь она многих из них знала лично и старалась вселить в них веру в лучший исход. И вот сейчас эта женщина вынуждена подбирать слова, чтобы не просто адекватно описать ситуацию, но и успокоить скорбящих людей.

Ближе к вечеру в палаточном городке появляется сын умершего вождя. Семнадцатилетний Агизур очень горяч. Он крайне враждебно настроен по отношению к нам.

«Слава богу, что этот парень не прихватил с собой отцовское ружье», — мысленно отмечаю я, глядя на него и Джуллию, стоящую рядом с ним.

Мисс Раст лишь пожимает плечами и мимикой дает нам понять, что никак не могла удержать паренька.

— Вы убили моего отца! — безапелляционно обвиняет он нас.

— Погоди-погоди, парень, — пытается образумить его Карский, слова которого переводит Джуллия. — Никто из нас не убивал твоего отца. На-против, каждый старался сделать все возможное, чтобы он как можно быстрее вернулся к нормальной жизни.

— Если это так, то почему мой отец сейчас в могиле? Я думаю, что вы мошенники! Вы всем говорите, что у вас есть средство от этой поганой

заразы. Но на самом деле у вас ничего нет. Вы нагло врете!

— Если мы обманываем людей, то почему же тогда изо дня в день находимся здесь, среди тысяч зараженных, и сами рискуем заболеть? Ты об этом не думал? — тут же парирует академик.

Агизур осекается. Лицо его быстро изменяется. Вместо гнева и обиды на нем читается беспомощность. Из его глаз брызгают слезы.

— Но почему же он умер? — не спрашивает, а причитает парень.

— Точного ответа на этот вопрос я тебе пока дать не могу, — заявляет Карский. — Я убежден, что твой отец умер не от какой-то разновидности лихорадки Эбола. Он уже пошел на поправку. Все говорило о том, что Исул вот-вот полностью излечится от этой напасти. Другие врачи могут подтвердить, что все так и было. — Тут мы с Христовым машинально киваем. — Смерть наступила от какой-то другой инфекции. — Мой наставник молчит несколько секунд, потом хочет сказать парню что-то ее.

Но тут в нашем шатре появляются двое берберов среднего возраста. Они взволнованно говорят что-то, обращаясь то к Агизуру, то к Джуллии. Парень выслушивает их, хватается за голову, пытается бежать, но валится с ног буквально через два-три шага. Никто из присутствующих не успевает подхватить бедолагу.

Мы с Йорданом хотим помочь ему подняться, однако Джуллия резко останавливает нас.

— Стойте! Скорее всего, он заражен! — заявляет она.

— С чего такой вывод? И что здесь вообще происходит? — не могу я удержаться от парочки вопросов.

— Его соплеменники только-только сообщили, что заболела Каина, жена умершего вождя. Нельзя исключать, что парень тоже инфицирован, — растолковывает мисс Раст. — Я полагаю, что парня и его мать следует срочно вакцинировать, а это место подвергнуть дезинфекции. Иначе я буду сильно волноваться за нас.

Я неожиданно для себя впадаю в ступор.

«А может, я тоже успел подхватить заразу?» — крутится в голове шальная мысль.

Аркадий Федорович берет инициативу на себя. Он просит берберов отнести парня в ближайшую свободную палатку. Они, ничуть не колеблясь, выполняют эту просьбу. Волонтеры дезинфицируют наш шатер и территорию вокруг грузовика с мобильной лабораторией.

Академик спешит надеть защитный костюм. То же самое проделывает и Джулия. Они отправляются делать прививки Каине и Агизуру.

Аркадий Федорович ничего не говорит нам перед уходом, но мы с Христовым и сами понимаем ситуацию. Мы столько рисковали здесь, что в какой-то мере успели превратиться в фаталистов. По крайней мере, даже те опасения, которые одолевали нас несколькими днями раньше, теперь почти улетучились.

Это не означает, что мы полностью наплевали на свое здоровье и технику безопасности. Отнюдь нет. Мы принимаем все возможные меры предосторожности, однако уже не позволяем себе дрожать после таких вот инцидентов, как с этим малым. Просто идем в лабораторию и делаем экспресс-анализ так, как нас научил мой наставник.

Мы ждем какое-то время, получаем и тут же исследуем результат. Оба здоровы. Значит, можем сменить Карского и Джулию Раst. Потом наши коллеги проверяют себя.

Я нахожусь в палатке, где лежит Агизур. Парню не придется изведать то, что совсем недавно испытал на себе его отец. Если, конечно, треклятые напасти, о которых говорил Аркадий Федорович, не уморят его и без вируса Эбола.

У Агизура даже светобоязнь не успела проявиться. Не говоря уже о нарывах, кровоподтеках и прочих ужасах, вызываемых этой разновидностью вируса.

Паренек слышит мой вопрос о самочувствии и отвечает с еще большим фатализмом, нежели тот, который присущ нам:

— Я не верю в свое спасение, смирился с тем, что умру точно так же, как и мой отец. Совершенно неважно, от какой заразы.

Эти слова он говорит, глядя в никуда.

15

Не проходит и недели, как предположения Карского об инфекциях, убивающих людей в оазисе параллельно с вирусом Эбола, находят свое подтверждение. Выявляется и кишечная зараза вроде бактериальной дизентерии, и целый букет заболеваний дыхательных путей.

В большей части оазиса царит антисанитария. Трупы гниют. Убирать их практически некому. В отдельных районах Эль-Башара ощущается стойкая вонь, исходящая от разлагающихся тел. У нас самих почти не осталось возможности переправлять покойников из палаточного городка в условленное место временного захоронения. Грузовик с последним здешним водителем, желающим нам помочь, прибывает сюда раз в два дня.

Если бы проблема заключалась только в лихорадке Эбола, то, скорее всего, мы давно решили бы ее. Однако когда человек вместе с вирусом Эбола подхватывает острую кишечную инфекцию под названием шигеллез, а к ним добавляется усложненная форма гриппа или пневмонии, шансов на

спасение фактически не остается. Мы и хотели бы помочь всем больным, но необходимых медикаментов в оазисе нет.

Запасы вакцины неумолимо иссякают. Чтобы хоть частично их восстановить, мой наставник колдует в лаборатории, как уж может. Он сам прекрасно понимает, что это все равно будет лишь капля в море, если сравнивать с реально необходимым объемом, однако работ своих не прекращает даже в условиях полнейшей безнадеги.

А уж она-то постоянно и весьма настырно дает о себе знать! Это не только трупная вонь, которую сюда то и дело приносит ветер. Добавьте к этому шакалов и гиен, воющих по ночам вокруг палаточного городка и чувствующих, что здесь им есть чем поживиться. До последнего времени у нас оставался единственный охранник, который вдруг исчезает после очередной ночи вместе с автоматом и несколькими снаряженными магазинами к нему. Больные постоянно пытаются бежать из своих палаток. На последней вспышке сил. От невозможности больше терпеть запредельную боль.

Я никак не пойму, как мы справляемся со всеми этими проблемами, до сих пор не утратили веру в то, что делаем. Почему мы, чего уж тут таить, живы до этого времени? Логичных и исчерпывающих ответов на эти вопросы нет не только у меня. И вряд ли они появятся у кого-то в обозримом будущем.

Когда несколько десятков новых больных лихорадкой Эбола начинают идти на поправку, мы

невольно скрещиваем пальцы на удачу. Не самый действенный способ, но все же... Недавних примеров, когда улучшение состояния здоровья пациентов резко заканчивалось летальным исходом, у нас хоть отбавляй.

Поэтому к людям, подающим надежду на выздоровление, приковано все наше внимание. Мы регулярно осматриваем их, делаем разные анализы. Стаемся не позволить, чтобы наших подопечных затронули другие заболевания. Создать для них нормальные условия содержания почти невозможно, но эти палатки постоянно дезинфицируются. Доступ туда строго ограничен.

Аркадий Федорович требует неукоснительно соблюдать режим. Я понимаю, что он хочет не только спасти этих больных, но еще и показать на реальном примере возможность излечения от вируса Эбола при условии отсутствия других инфекций.

Кажется, нам удается сработать так, чтобы все шло согласно плану Карского. Люди, начавшие поправляться, демонстрируют весьма быстрое выздоровление. Академик замечает, что при прочих равных условиях, быстрее поправляются молодые пациенты.

В числе последних оказывается и Агизур. В этом случае, кроме собственно лечения и профилактики новых заболеваний, нам приходится выступать еще и в качестве психологов. С юным бербером очень часто беседует кто-то из нас. Чаще, конечно, через переводчика, а иногда и просто так.

Порой мне кажется, будто парнишка улавливает и смысл моих фраз, произнесенных по-русски.

Для нас с самого начала важно было вернуть ему веру в себя. Зачастую люди погибают просто потому, что отрицают саму возможность лучшего исхода дела или какого-то испытания. Так и здесь. Того факта, что кто-то настойчиво борется за твою жизнь, не всегда достаточно. Нужно и самому быть настроенным на положительный результат.

Агизур меняется буквально на глазах. Недавнего пессимизма и чувства безысходности уже не наблюдается. Он по-прежнему скорбит по отцу, но сам умирать не собирается.

— Как там моя мама? — интересуется парень.

— Она тоже, как и ты, пошла на поправку, — честно отвечаю я, выслушав от Джуллии перевод его слов.

— Но я себя чувствую прекрасно. Уже даже способен ходить по палатке. Мог бы и ее навестить, — говорит он, радуясь своему состоянию.

— Нет. Пока тебе нельзя выходить отсюда. Но думаю, что очень скоро ты увидишь свою маму.

— Она же ждет ребенка. Ей труднее переносить болезнь, — вслух размышляет юноша, замолкает на несколько секунд, после чего с прищуром смотрит на нас с мисс Раст и уточняет важный для себя момент: — С моей мамой точно все в порядке? Или это вы хотите меня успокоить?

— Поверь, ей гораздо лучше, чем было сначала, — стараюсь убедить его я. — Да, она ждет ре-

бенка. Он тоже в норме. Так что скоро у тебя будет братик.

— Братик? Вы просвечивали маму своими врачебными приборами?

— Или сестричка. Ничем мы твою маму не просвечивали. У нас и техники-то такой здесь нет.

Возле палатки появляется один из волонтеров и просит нас выйти, не уточняя причину. Мы желаем Агизуру полного выздоровления и покида-ем его.

Волонтер выглядит очень взволнованным, но ничего толком не говорит, только сообщает, что с нами хотят побеседовать два бербера. Мы спешим к нашему шатру. Не знаю, как Джулию, но меня начинают терзать тревожные предчувствия. Кажется, находясь здесь, я разучился получать хорошие новости.

Так оно и выходит. То, что рассказывают нам двое гостей, даже плохой новостью назвать трудно. Все это воистину чудовищно!

Информация среди берберов распространяется очень быстро. Едва ли не в режиме реального времени. От одной из кочующих групп к нашим собеседникам поступили сведения, что с востока в сторону Эль-Башара движется колонна военной техники. Бербера нисколько не сомневались в ее принадлежности.

— Фундаменталисты? — пытаюсь отгадать я.

— Нет. Мятежники, свергшие президента, — звучит в ответ. — Наши братья сказали, что техника из самого Хардуза идет.

— А какая именно?

— Братья сказали, что много разной. Есть бронетранспортеры, военные внедорожники с пулеметами, несколько грузовиков с солдатами.

— Известно что-нибудь о цели их перемещения?

— Ничего. Но наши братья думают, что мятежники хотят взять оазис под свой контроль.

— А где были раньше эти чертовы контролеры?! Что они сейчас здесь будут контролировать? Нас с вами да тысячу разлагающихся трупов?

Джулия переводит им эти мои реплики. При этом она наверняка сглаживает их излишнюю резкость.

— Мы сами не в восторге от них, — реагирует один из берберов. — Нам и президент не особо нравился. Но как бы эти вояки не оказались еще хуже, чем он.

Я хочу отпустить еще несколько колких замечаний по поводу гражданской войны в этой стране, однако ничего сказать не успеваю.

Раздается сигнал спутникового телефона, имеющегося у берберов. Один из них принимает вызов, слушает то, что ему кто-то говорит, и в считанные секунды меняется в лице. В его мимике причудливо переплетаются удивление и ужас. Он явно ошарашен.

— Вы-то сами где? — спрашивает этот человек, а Джулия переводит мне его слова.

Ему что-то начинают отвечать, но связь обрывается на полуслове. Бербер пытается перезвонить, но все безрезультатно.

Ни мне, ни Джулии не приходится просить его рассказать об услышанном.

— В ста милях отсюда есть один поселок... — пряча телефон, начал объяснять нам наш гость. — Точнее сказать, он там был. Но сейчас его не стало. Понимаете?

— Эбола?.. — спрашивает женщина.

— Больные там были, но не все жители поголовно.

— Так что же стало с поселком?

Рассказчик напряжен. Слова застряли у него в горле. Мой разум пронзает страшная догадка. Буквально через мгновение я услышал ее подтверждение.

— Военные уничтожили поселок вместе со всеми жителями, — говорит бербер, едва сдерживаясь от крика.

Мы переглядываемся. Несмотря на все ужасы, которые довелось нам пережить к этому моменту, такая весть выглядит по-настоящему кошмарной.

— Это точно? Твои братья не ошиблись? — спрашивает мисс Раств.

— Нет, не ошиблись. Они видели все своими глазами. А связь прервалась потому, что военные их заметили и начали обстрел.

Сказать, что такого не может быть, мы с Йорданом не способны. После наших гонок с военным вертолетом мы готовы поверить и в куда более страшные вещи.

Я понимаю, что рассказ берберов достоверен, и лишь уточняю на всякий случай:

— Может быть, в этом поселке находилась база или перевалочный пункт фундаменталистов?

Джулия начинает переводить и на секунду задумывается над тем, как передать понятие «перевалочный пункт». По крайней мере, я догадываюсь, что именно на этом понятии она и споткнулась. Впрочем, женщина очень быстро выходит из положения, подбирает какую-то более-менее адекватную замену этому словосочетанию.

Гости отвечают, что в уничтоженном поселке никогда не было фундаменталистов.

— В том месте, откуда мы ушли, судя по всему, их тоже изначально не водилось, — говорит Христов, подхватив мою мысль. — Однако база приверженцев фундаментализма там все-таки появилась. Может быть, войска нового правительства выкуривали из этого поселка именно их? Или же там окопались ярые сторонники свергнутого президента?

— Нет-нет, — отвечает бербер, едва сохраняя самообладание. — Ничего такого там не было ни раньше, ни после вспышки этой заразы. Я уверен, что войска прибыли туда из Хардуза именно для того, чтобы уничтожить поселок и его жителей.

— Но зачем им понадобилось это? Обычный населенный пункт. Ничем не примечательный. Стратегического значения, в отличие от Эль-Башара, он не имеет. Базы религиозных фанатиков там не было. Рьяных приверженцев президента Мухаммеда, свергнутого и сбежавшего из страны, — тоже. Какая-то странная неувязка

получается, — громко рассуждаю я, обращаясь в большей степени к своим коллегам, а не к гостям.

— Возможно, произошла какая-то ошибка, — вклинивается в мои рассуждения Джулия.

— Промахнулись городом? Или как? — горько иронизирую я.

— Вы же образованные современные люди, — продолжает женщина. — Любая теперешняя война — это не только боевые столкновения противоборствующих сторон, но еще и особое их сопровождение. Я говорю о том, что называется информационной войной. Войска временного правительства кто-то мог сознательно ввести в заблуждение. Например, сделать по авторитетным каналамброс о том, что в таком-то населенном пункте засели террористы и готовят масштабную вылазку в один из важных городов страны. Не так уж и трудно подкинуть парочку фальшивых доказательств этого. У военных нет времени, им никогда разбираться. Они уничтожают городок, считая, что там засели их заклятые враги. А те сидят и потирают руки от радости. Они разом выполнили две задачи. Это как минимум. С одной стороны, есть веский повод выставить войска, верные новому правительству, исключительно как душегубов-каратегей. С другой же — весьма велика вероятность того, что немалая часть этих солдат подхватит вирус Эбола.

— Вы рассуждаете, будто какой-то политический аналитик, — замечаю я.

— Я просто пытаюсь докопаться до реальных причин того, о чем мы сейчас услышали, — скромно парирует она.

— И что же нам теперь делать? — Я просто не могу не задать этот резонный вопрос.

— Уж точно не бездействовать, — заявляет в ответ мисс Раст. — Этим мы сейчас можем только навредить. Как себе, так и людям, живущим здесь. — Джулия что-то уточняет у берберов, после чего обращается к нам: — Скорее всего, колонна военных сейчас движется в сторону Эль-Башара. Думаю, что их необходимо предупредить об опасности нахождения в этих местах.

— А то они не знают, — с ухмылкой заявляю я.

— Если военные стали жертвой информационного заговора, то могут и не знать о вспышке эпидемии в Эль-Башаре, — находит Джулия аргумент в пользу собственной версии.

— И что же вы предлагаете? — интересуется Йордан.

— Я беру нескольких знакомых берберов, сажусь на джип и еду навстречу военным, — выдает она идею, от которой у нас отвисают челюсти.

— Но это риск! — восклицаю я. — Мы же не знаем их истинных намерений!

— А две сотни человек, которые могут заразиться лихорадкой Эбола, — это не риск? — вместо ответа спрашивает мисс Раст и тут же добавляет: — Я попытаюсь объяснить им, что в оазисе находиться опасно. Побывав здесь, они сами вскоре могут превратиться в разносчиков ужасной болезни.

Переносчик смерти

Да уж, женщина настроена весьма решительно. Я предлагаю ей поехать вместе. Она не соглашается, ссылается на то, что у меня и в палаточном городке дел много. Услышав этот аргумент, я лишь развожу руками. Джулию не удержать.

Мы выходим из шатра и застаем неподалеку Агизура, который не успевает скрыться с наших глаз.

— Ты что, подслушивал нас? — строго спрашиваю я через посредничество мисс Раст, не понимая, какого черта парень делает здесь.

— Я не нарочно. Да и не все понял, — оправдывается он.

— Но главное ведь уловил? — интересуется женщина.

— Да, — подтверждает паренек.

— Ну что ж, тогда поехали со мной, — внезапно предлагает Джулия. — Вижу, что ты уже полностью поправился.

Сын покойного берберского вождя, ни секунды не колеблясь, дает свое согласие.

Не проходит и четверти часа, как джип с Джулией, Агизуром и двумя берберами уносится в восточном направлении. Нам в очередной раз приходится ждать новостей и продолжать работать с больными.

16

К следующему утру никаких новостей от Джуллии так и не поступает. Я укоряю себя за то, что из-за спешки не выяснил, как можно связаться с берберами, сопровождающими ее. У них и у нас схожие модели спутниковых телефонов.

«Хорошая мысля приходит опосля», — думаю я, тяжело вздыхаю и включаю телевизор.

До отъезда в палаточный городок еще есть время, и я решаю совместить завтрак с просмотром новостей. Благо, несмотря на хаос, телевизионные антенны-тарелки здесь все еще продолжают работать, а солнечные батареи дают электричество, необходимое для этого.

Я переключаю каналы, пытаюсь отыскать хоть какую-то информацию о ситуации в этой стране, и наконец-то попадаю на какой-то местный, где идет экстренный выпуск новостей. На экране нарезка с пометкой «Срочно!». Мелькают кадры с узнаваемыми ландшафтами Каменистой Сахары и каркасом обгоревшего внедорожника.

Я прибавляю звук.

«Несколько часов назад в семидесяти милях на восток от оазиса Эль-Башар солдатами правительственные войск был обнаружен сгоревший гражданский автомобиль, — комментирует картинку голос ведущего, остающегося за кадром. — Судя по всему, он был уничтожен накануне вечером в результате попадания заряда из портативного гранатомета. О жертвах трагедии пока не сообщается. Кому принадлежит этот автомобиль, в данный момент тоже неизвестно. Один из командиров предполагает, что он был уничтожен какой-то недобитой группой фундаменталистов. Напомню, что ранее временное военное правительство заявило об очередной успешно проведенной масштабной операции против них».

Внедорожник несколько раз показывают крупным планом, но с характерными искажениями. Они вполне объяснимы. Оператору пришлось снимать исключительно с точек, которые были указаны военными. Поэтому он был вынужден воспользоваться зумом.

Впрочем, и с ним, и без него картинка очень даже настораживает меня. Сердце начинает биться сильней. Ячущу невероятную тревогу. Мне хочется списать ее на расстроенные нервы, считать проявлением панической атаки, однако зрение обмануть невозможно.

Я вижу на экране обгоревший внедорожник и понимаю, что это тот самый джип, на котором Джулия Раств Агизуром и еще двумя берберами отправилась навстречу военным. Мне очень хо-

чется оказаться неправым. Однако я в очередной раз вспоминаю всю информацию, известную мне, и прихожу к печальному выводу. Вероятность ошибки в данном случае крайне мала.

Йордан со мной не соглашается.

— Ну, джип это, и что же? — говорит он. — Ты думаешь, что в том районе мог оказаться только один джип?

— При теперешней заварухе там вообще никого не должно быть, кроме представителей враждующих группировок, — реагирую я на его слова. — Поток беженцев уже почти иссяк. Да и много ли у них внедорожников?

— Не много, конечно, но все же есть. Не исключено, что пассажиры этой машины тоже были беженцами. Такой вариант никак нельзя исключать, — продолжает коллега гнуть свою линию.

— Но вопросы все равно остаются. Хотя бы по тем же военным. Как они там так своевременно оказались?

— Ты забываешь о том, что нам рассказал бербер со слов своего соплеменника, вышедшего вчера на связь. Войска уже тогда двигались на запад.

— Зачем они это делают?

— Судя по всему, продолжается спецоперация против фундаменталистов. Заодно временное правительство спешит установить свою власть не только в столице, но и в регионах страны.

Я снова переключаю каналы в надежде найти хоть какую-нибудь информацию о передвижении военной колонны на запад. Местные телевизион-

щики дружно рапортуют об успехах военного правительства в работе по выходу из кризиса. Вот как это, оказывается, называется! О движении колонны бронетехники и солдат на запад страны — ни слова. О положении дел с лихорадкой Эбола — полнейшее молчание.

На иностранных каналах я не нахожу даже этого. Похоже, что интерес мирового сообщества к здешним событиям начинает угасать.

Я выключаю телевизор и возвращаюсь в палаточный городок.

Целый день мы находимся среди пациентов. Некоторые из них идут на поправку, другие откровенно слабеют и могут умереть в ближайшее время. Мы настолько поглощены своим делом, что забываем вовремя пообедать.

В этом плане нас выручают волонтеры. Ближе к вечеру они подвозят в наш шатер термосы с горячей едой.

Я, Христов и академик Карский обедаем и обсуждаем результаты дня. Кажется, нам есть чем похвалиться. Ведь именно сегодня в палаточном городке впервые никто не умер. Кроме того, еще человек десять пошли на поправку. Безусловно, это успех, который хотелось бы закрепить.

— От Джулии какие-нибудь новости поступали? — за чаем меняет тему Аркадий Федорович.

— Абсолютно ничего, — отвечаю я.

— Почти целые сутки прошли. Что-то уже могло бы и проясниться за это время, — говорит мой наставник.

Ни я, и Йордан не рассказывали ему о новостном сюжете, который видели утром. Нам не хочется, чтобы пожилой человек лишний раз волновался, принимая близко к сердцу то, что не имеет пока однозначной трактовки.

— Джулия — женщина пробивная, — напоминает Христов. — Не удивлюсь, если у нее состоялась аудиенция с командиром этих военных, и она... — Он вдруг замолкает.

В шатре появляется запыхавшийся Агизур в сопровождении одного из волонтеров. В глазах парнишки стоит нескрываемый ужас. Никто из нас еще не знает, что он сейчас расскажет. Однако у меня появляются весьма недобрые предчувствия на этот счет.

— Где твои соплеменники и Джулия? — спрашиваю я через переводчика, в роли которого выступает волонтер.

— Приключилась страшная беда, — спешит юноша поделиться с нами пережитым.

— Рассказывай!

— Вчера мы ехали на восток, пока нас не остановили военные, — начинает свое повествование Агизур. — Джулия показала им свои документы и хотела что-то спросить. Но они не стали ее даже слушать. Солдаты наставили на машину автоматы, открыли дверцу, вытащили Джулию и куда-то поволокли. Я хотел заступиться. Но один солдат пригрозил мне оружием. Наверное, он выстрелил бы в меня, если бы не его дружок. Тот сказал: «Не трать патроны. Они тебе еще в Эль-Башаре пригодятся».

— Что? Вот так и сказал? — ошеломленно переспрашиваю я.

Мои коллеги ошеломлены не меньше меня.

— Да, так и сказал, — подтвердил парень. — После этого они отошли от джипа на приличное расстояние. Я не мог понять, что солдаты собираются с нами делать, пока в руках у одного из них товарищей не появился гранатомет. Тогда я пожалел, что не умею водить машину. Иначе не удержался бы и дал бы задний ход. Может, и вырвались бы тогда. Хотя это вряд ли. Мы все равно не смогли бы удрать.

— Но ты ведь как-то сумел спастись, — резонно замечает Йордан.

— Я спасся чудом, — уверяет юноша. — За несколько мгновений до выстрела гранатометчика я смог выпрыгнуть из внедорожника. За машиной военных не было, свет фар туда почти не попадал. Я упал на землю, кувыркнулся, нырнул в темноту и спрятался за камнями. И тут сразу взрыв! Джип подбросило, и он немедленно загорелся. Я смотрел, сжимал кулаки от злости и еле сдерживал себя от крика. Джип сгорел очень быстро. Военные не спешили уезжать.

— А как же твои соплеменники, сопровождавшие мисс Джулию? — вклинился академик. — Они же поехали с вами. У них было оружие?

— Не было у них оружия. Когда мы уезжали из Эль-Башара, мисс Растворила им, что это лишнее. Мол, с оружием в руках мы обязательно вызовем подозрения военных. Поэтому мои со-

племенники не взяли с собой даже ножей, хотя и собирались прихватить хорошие охотничьи ружья. Если бы они сделали это, то гранатометчика точно подстрелили бы, — говорит Агизур и смотрит куда-то вдаль, будто и в самом деле видит альтернативный вариант развязки трагической встречи с военными.

Мы несколько обескуражены тем фактом, что мисс Раст настояла на поездке без оружия, но парнишке на этот счет, разумеется, ничего не говорим. Аркадий Федорович советует ему не терзать себя попытками представить себе другие варианты развития событий той ночи.

— Что случилось, то уже не исправить, — говорит академик. — Ты лучше расскажи, что дальше было.

— Я затаился за камнями, почти не шевелился. Боялся, что военные услышат или заметят меня. Когда джип догорел, два или три солдата подошли поближе, хотели осмотреть его дымящиеся остатки. Тогда я даже дышать не осмеливался. Мне казалось, что они вот-вот увидят меня. Но солдаты только прошлись вокруг сгоревшей машины, а в сторону моего нечаянного убежища даже не смотрели. И вот, когда они возвращались к своим остальным, один из них кое-что сказал. — Агизур сделал паузу, то ли подбирая нужные слова, то ли дразня наше беспокойное любопытство.

— Ну и что сказал тот солдат? Не томи, парень, рассказывай, — не выдерживаю я и потопропливаю его.

— Сперва его товарищ заявил: «Джип сгорел, как свечка». А тот в ответ ему говорит: «Скоро весь Эль-Башар сгорит, как свечка! Вместе со всеми больными. Он должен быть уничтожен как очаг заразы, ниспосланной Всевышним в наказание за грехи отступников!»

Такая вот новость на какое-то время вгоняет нас в ступор. Мы сидим и молчим. Каждый что-то думает, пытаясь прийти в себя.

Наконец я обращаюсь к волонтеру и уточняю, правильно ли он перевел последнюю часть рассказа юного бербера. Тот, ничуть не колеблясь, уверяет, что постарался передать все максимально близко к оригиналу. У нас нет причин ему не верить.

Да и мальчишка, по всей видимости, ничего не выдумывает. Я смотрю на него и лишний раз убеждаюсь в этом. Он на самом деле взволнован и сильно испуган, хотя и прилагает немало усилий для того, чтобы скрыть это от нас.

Мы просим волонтера накормить Агизура, дать ему отдохнуть, остаемся втроем и задумчиво переглядываемся.

— Что делать-то будем? — прерываю я молчание.

— Хороший вопрос, — понуро говорит Карский. — Вариантов у нас немного. Но не думаю, что нам нужно идти навстречу колонне военной техники. Ни с хлебом-солью, ни для того, чтобы преградить своими телами путь в оазис. То и другое, как вы наверняка понимаете, бессмысленно.

Если эти вояки идут сюда выполнять приказ, то любое препятствие на своем пути они попросту уничтожат, а затем возьмутся за главное.

— Но мы ведь знаем, что всем жителям оазиса грозит гибель. Нельзя просто сидеть и бездействовать, — не совсем соглашаюсь с ним я.

— Да, это было бы неправильно, — поддерживает меня Йордан.

— Полностью бездействовать мы, безусловно, не будем, — говорит нам академик. — Этого я и сам не приемлю. Ты, Артем, мой ученик, хорошо меня знаешь. Однако я считаю, что нам нельзя выходить за пределы своей компетенции. Мы врачи, а не участники здешней гражданской войны. Нам не пристало принимать в ней чью-то сторону. Мы должны спасать людей от страшной болезни.

— Так что же получается, Аркадий Федорович? — Я не выдерживаю тона моего наставника и немного завожусь. — Вы предлагаете продолжать спасать одних в то самое время, когда другим будет угрожать смертельная опасность?! Всем, кто находится в оазисе! Не важно, в какой его части! Как в палаточном городке, так и вне его. Из слов этого парнишки следует одно: на Эль-Башар движутся не просто военные, а каратели! Судя по всему, они не намерены разбираться в ситуации и вникать в детали. Им приказано зачистить территорию. Вы осознаете смысл этого слова?

Карский одаривает меня пронзительным испытывающим взглядом. Он часто делал так еще

в те времена, когда я был его студентом и аспирантом.

— Ой, Артем, порой мне кажется, что ты совсем не меняешься, — говорит Аркадий Федорович. — Ты можешь хотя бы выслушать меня до конца? Я ведь не все еще сказал, а ты меня уже прерываешь.

— Извините, — несколько смущенно говорю. — Просто от всего этого кошмара у меня начинают сдавать нервы.

— Побереги их, — спокойным тоном советует академик. — Ты нужен больным, как и все мы. Пусть нам удастся продлить жизни многих из них всего на несколько часов, но делать это все равно необходимо. Невзирая ни на карателей, ни даже на марсиан, если бы те вдруг здесь объявились. Естественно, все то, что нам рассказал Агизур, мы должны сообщить здешним властям. Худо-бедно, но администрация в Эль-Башаре продолжает существовать. Пусть не в полном составе — кто-то умер, кто-то убежал. Здесь нет достаточного количества силовиков. Но даже в этом хаосе остаются люди, которые выполняют свои обязанности до конца. То же горячее питание, душ и вполне сносный ночлег с крышей над головой для нас с вами — это заслуга не только мисс Раст, но и представителей здешних властей. Сообщим им об угрозе, и пусть думают, какие меры можно принять.

В резонности его слов трудно усомниться. Мы сообщаем властям Эль-Башара о всех подробно-

стях ночной трагедии, предупреждаем о подходе карателей.

После этого мы продолжаем делать то, что является нашим призванием, — помогаем больным людям. Делаем новые прививки. Следим за самочувствием наших давних пациентов.

Кахина, мать Агизура, практически выздоровела. Наконец-то мы можем разрешить им встречу. Они не скрывают своих чувств. Им есть что сказать друг другу. Мы хотим оставить их наедине, чтобы они смогли поговорить без помех. Однако парнишка просит нас не уходить.

Я говорю ему, что у нас много дел, надо идти к больным. Тогда он просит остаться только меня и волонтера, который выступает в роли переводчика. Коллеги понимающие кивают и дают знать, что не возражают.

Юноша рассказывает матери обо всем том, что ему пришлось пережить после смерти отца. Он с нескрываемым восторгом произносит наши имена. Видно, что парень проникся к нам небывалым уважением. Мне немного неловко это слышать.

А он тем временем озвучивает идею бегства из Эль-Башара. Агизур твердо уверен в том, что через несколько часов оазис будет подвергнут атаке военных. Он предлагает нам — всем врачам — собраться и вместе покинуть его пределы.

Я не успеваю отреагировать на это. Парень упреждает все вопросы, готовые последовать с моей стороны, просит не беспокоиться о том, куда

Переносчик смерти

отправляясь и где жить. Он туманно намекает на влиятельность своего рода.

— Есть хорошие люди, которые обязательно помогут нам, — заключает Агизур и ожидает моей реакции.

Мне понятно его вполне естественное стремление спасти свою семью. Но в том, что паренек пытается вытащить из Эль-Башара и нас, я усматриваю лишь юношеский максимализм и желание непременно отплатить за нашу помощь.

Я не хочу его обидеть, поэтому говорю, что без обсуждения вопроса с коллегами однозначно ответить не могу. Вместе с тем мне уже сейчас очевидно, как именно они, особенно Карский, отреагируют на это предложение.

17

Проходят еще одни сутки. Мы по-прежнему тружимся в палаточном лагере. Карскому удается понемногу восстанавливать запас вакцины. Я помогаю ему в этом, насколько могу. Йордан почти безвылазно находится среди пациентов.

Предложение Агизура, как я и догадывался, коллеги дружно отмели. Вестей от Джулии никаких. Военные в районе Эль-Башара так и не появляются, хотя, по всем прикидкам, они давно должны были прибыть сюда.

У нас возникает робкая надежда на то, что вторжение не состоится. Нам некогда следить за новостями. Поэтому мы можем лишь предполагать, что командование срочно перебросило этих военных в какой-нибудь другой район страны, охваченной гражданской войной.

Да и вообще мало ли что могло произойти за это время. Колонну вполне могли разгромить фундаменталисты или еще кто-то. Ведь при таком развитии событий здешний конфликт стремительно превращается в войну всех против всех.

Ближе к вечеру выясняется, что мы заблуждались. С колонной военной техники ничего не произошло. Никуда ее не перебросили, и никто на нее не нападал. По крайней мере, об этом свидетельствует появление солдат в десяти милях на восток от оазиса.

Весть о том, что к Эль-Башару приближаются войска, верные новому правительству, разлетается по оазису мгновенно. Танки, бронетранспортеры, грузовики с солдатами — все в точности так, как несколькими днями ранее сообщали своим собратьям берберы.

Власти пытаются собрать остатки полиции для организации хоть какой-то обороны. Одновременно они призывают жителей оазиса и беженцев сохранять спокойствие и не создавать панических настроений.

Это заявление оказывает неоднозначное воздействие на людей. Одни действительно надеются, что все может обойтись. Другие спешат собрать свои вещи и срочно выехать отсюда. Третьи же требуют вооружить добровольцев, чтобы в случае чего оказать сопротивление карателям.

Слово «каратели» просто витает в воздухе. Но власти не спешат вооружать людей. Ведь неизвестно, против кого это оружие может быть впоследствии повернуто. Вдобавок здешние управляемы до конца не верят в то, что военные прибыли сюда именно с карательной миссией.

Но это их заблуждение моментально разбивается вдребезги. Военные без всякого предупреждения

расстреливают гражданский автомобиль, замеченный на окраине оазиса. Люди пытались покинуть Эль-Башар, выехали на объездную дорогу и тут же оказались мишенью для солдат.

После этого инцидента скорость передвижения военной техники серьезно увеличивается. Колонна стремительно приближается к оазису. Никто из армейских чинов явно не собирается вести переговоры с кем бы то ни было. Несколько полицейских автомобилей, выехавших на окраину, обстреливаются из танка. Каратели беспрепятственно вступают в оазис.

Об этом нам рассказывает один из волонтеров. Он не побоялся забраться на вышку возле лагеря и лично наблюдал за происходящим через мощный бинокль.

Мы готовимся к самому худшему. Ведь один БТР и два грузовика с солдатами направляются в сторону палаточного городка. Техника останавливается в нескольких метрах от ограждения. Орудие на башне бронетранспортера наводится на ворота.

Из крытых грузовиков один за другим быстро выпрыгивают солдаты, вооруженные автоматами. Звучат команды офицеров, и бойцы распределяются так, чтобы полностью оцепить периметр городка.

Нам остается лишь в ужасе наблюдать за тем, насколько слаженно они это делают. Бросаться под дула автоматов бессмысленно. Мы остаемся возле ворот и ждем, что будет дальше.

«Если они не начали стрелять сразу, то и сейчас вряд ли откроют огонь. Наверняка хотят что-то сказать», — предполагаю я и через минуту понимаю, что не ошибся.

В сопровождении двух бойцов к воротам подходит офицер. Он держится весьма вальяжно, явно считает себя без пяти минут победителем, думает, что держит ситуацию под контролем. Этот субъект твердо уверен в том, что одного его кивка будет достаточно для того, чтобы уничтожить здесь все живое.

Убедившись, что ворота не заперты, а даже приоткрыты, он останавливается. Его глумливый взгляд скользит по каждому из нас. Расстояние между нами не такое уж и большое. Я вижу, как на мгновение расширяются его зрачки, когда он смотрит на Аркадия Федоровича. У этого офицера наверняка есть ориентировка с фотографией Карского.

Молчание, повисшее где-то на полминуты, обрывается.

— Мы знаем, что у вас имеется запас вакцины против вируса Эбола и передвижная лаборатория, где ее можно производить, — громко говорит офицер по-английски, замолкает и ожидает от нас ответной реакции.

— Что вы хотите услышать в ответ? — спрашивает на это Карский.

— Вы прекрасно понимаете, что я хочу от вас услышать, — с едва скрываемым раздражением

заявляет военный. — Вы должны немедленно передать нам запасы вакцины и лабораторию со всем оборудованием и образцами. Надеюсь, вы понимаете, о чем я?

— Понимаем, — отвечает академик. — Но смею вас огорчить. Запасы вакцины на исходе, а произвести новую в походных условиях не представляется возможным.

Эти слова Аркадия Федоровича явно обескураживают офицера. Он даже не находит сразу, что сказать. Под прикрытием охраны этот фрукт становится к нам вплоть до борта и связывается с кем-то по радио.

— По всей видимости, пешка, которая не до конца осведомлена, что к чему, — шепчу я коллегам.

— Советуется с шефом, — поддерживает меня мой наставник.

— С Михаилом Ивановичем, — демонстрирует Йордан свое знание фильма «Бриллиантовая рука», чем вызывает наши невольные улыбки.

Я представляю, как наши расплывшиеся физиономии выглядят со стороны, и едва сдерживаю смех. Этих улыбок не понимают не только военные, но и волонтеры, да и Агизур, только что прибившийся к нам.

— Помирать, так с музыкой? — замечает офицер, завершив переговоры по радио. — Сейчас я отдам команду, и вас всех уложат за пять секунд. А потом мы войдем в ваш лагерь и сами заберем то, с чем вы не хотите расстаться добровольно. Ка-

кой смысл упорствовать? Сдайте нам запасы вакцины и свою мобильную лабораторию.

В это самое время бойцы, стоящие по периметру палаточного городка, вскидывают автоматы. Причем делают это не одновременно, а как-то волнобразно, сначала крайние от ворот, затем все остальные. Наверняка командир, обращаясь к нам, незаметно подал им какой-то условный знак, оговоренный заранее.

Это лишний раз доказывает, что в их операции все спланировано до мелочей. Да и тот факт, что они так быстро прибыли к нам, тоже наводит меня на определенные мысли.

Скорее всего, военные заранее выяснили, где именно расположен палаточный городок и как сюда можно добраться. Без проведения разведки знать этого они никак не могли. А коли так, то возможны как минимум два варианта действий для получения ими такой информации.

Во-первых, сюда действительно могли быть присланы разведчики, а сама колонна находилась вне пределов видимости жителей оазиса. Это объясняет, почему прибытие военных произошло, вопреки нашим расчетам, с таким вот опозданием. Во-вторых, нельзя исключать, что сведения о размещении палаточного лагеря им передал кто-то из местных жителей или беженцев. Это могло быть сделано как злонамеренно, так и по принуждению, под дулами автоматов.

Такие вот мысли в моей голове проносятся практически мгновенно. Я даже удивляюсь сам

себе, что в столь сложной ситуации пытаюсь размышлять о чем-то другом, кроме автоматов, наставленных на нас.

— Запасов вакцины действительно очень мало, — продолжает вполне серьезно объяснять Аркадий Федорович, хотя мы с Йорданом точно знаем, что он блефует. — Их хватит на восемьдесят прививок. Да и то по самым оптимистическим прикидкам. Лаборатории у нас как таковой нет. Большая часть оборудования погибла при аварийной посадке самолета, на котором сюда добиралась миссия, возглавляемая мной. Вы наверняка знаете об этой катастрофе. Если мы и пытаемся здесь что-то сделать, то только на свой страх и риск. Ведь мы имеем дело с вирусами. Думаю, вам не нужно объяснять, что это значит. Но, несмотря на все проблемы, связанные со смертельно опасными микроорганизмами, нам никак нельзя бездействовать. Мы давали клятву Гиппократа и готовы следовать ей до конца. Именно по этой причине мы до сих пор находимся в Эль-Башаре и не пытались его покинуть даже тогда, когда стало известно о приближении вашей колонны.

Академик говорит очень убедительно. Я замечаю, как в глазах офицера мелькает тень сомнения в собственной правоте.

«Неужели они отступятся?» — мысленно спрашиваю я самого себя в шаткой надежде на то, что все исчерпается лишь этими переговорами.

Однако офицер оскаливается в снисходительной ухмылке и выдает:

— Оставьте свои сказки для доверчивых простачков. У нас есть точная информации насчет вакцины и лаборатории. Она нисколько не совпадает с тем, что вы сейчас пытаетесь вбить нам в головы.

Офицер снова берет рацию и на этот раз демонстративно громко вызывает по ней кого-то из своих подчиненных.

Когда ему отвечают, он, опять-таки во всеуслышание, отдает приказ:

— Отправляйте ко мне огнеметчиков!

Мы это слышим и понимаем, что угроза лагерю обретает все более и более реальные очертания. Вероятность того, что это лишь ответный блеф военных, крайне мала. Если эти ребята в форме военных на самом деле знакомы с условием хранения вакцины, то понимают, что в огнеупорных боксах она запросто уцелеет даже после очень сильного пожара.

Вскоре возле ворот появляются несколько солдат с огнеметами.

— Отдавайте то, что нам нужно, и мы сохраним вам жизнь! — кричит в нашу сторону командир.

— То есть за десять доз вакцины вы оставите наш лагерь в покое? — Карский не отступает от своей линии в разговоре.

— Не за десять доз. Кроме того, речь идет только о медицинском персонале, — звучит в ответ.

— А как же больные?

— На все воля Всевышнего, милостивого и милосердного, — говорит офицер и снова ухмыляется.

Бойцы прямо через зазоры в ограждении направили огнеметы на палатки, ближайшие от ворот. Они явно ждут приказа, чтобы пустить огненные струи. Мы напряжены, хотя и стараемся не подавать вида. Никто из нас не верит, что в случае передачи вакцины и лаборатории военные оставят в покое и нас, и больных.

В этот миг неожиданно срабатывает рация, которую офицер забыл отключить.

— Из штаба поступил приказ начать зачистку немедленно! Повторяю, из штаба поступил приказ начать зачистку немедленно! Как поняли меня? Как поняли меня? — доносится чей-то голос, громкий ровно настолько, чтобы каждый из нас мог разобрать смысл всех произнесенных слов.

Офицер берет радио, отворачивается от нас, как и в первый раз, и что-то отвечает.

Нам становится понятным, что уничтожения палаточного городка вместе со всеми, кто в нем находится, не избежать. Неужели конец?

Мы, как врачам и положено, делали все возможное, чтобы вылечить людей от страшного вируса и заболеваний, которые сопутствовали эпидемии. Мы не оставили своих пациентов даже тогда, когда ситуация казалась совершенно безнадежной. Мы каждый день рисковали подхватить эту чертову заразу. Так неужели теперь станем бояться

Переносчик смерти

огня и свинца карателей, прибывших из Хардуза?
Да ни за что!

Вот только людей жалко. Многие из них едва успели обрести надежду на то, что все у них будет хорошо. Взять хотя бы того же Агизура.

Я невольно поворачиваюсь к нему и замечаю, что он ничуть не расстроен. Бедный парень. Он до конца не понимает, что сейчас со всеми нами произойдет.

Хотя... Куда это он смотрит? В сторону пустыни. Что Агизур там увидел?

Я гляжу в том же направлении. Вдалеке видно желтое, едва различимое облачко. Я пожимаю плечами. Агизур кивает мне с подбадривающей улыбкой, в которой читается одно: «Еще не все потеряно!»

18

Погода меняется в считанные минуты. Поднимается сильный шквальный ветер. Мы едва стоим на ногах, изумленные происходящим. Первая мысль — разбегаться. Однако близость вооруженных людей сдерживает нас от поспешных действий.

Тем временем часть неба резко темнеет. Я отчетливо вижу, как на нас надвигается огромное пыльное облако. Оно напоминает высокую морскую волну, готовую накрыть побережье. Вот только его-то как раз здесь и нет. Есть оазис Эль-Башар, палаточный городок, мы и наши пациенты, окруженные военными.

Люди в форме обескуражены не меньше нашего. Командир тщетно пытается оглянуться, будто это может что-то изменить. Более трех-четырех секунд продержать лицо под ветром невозможно, так как поток воздуха не позволяет нормально дышать. Солдаты растерянно переглядываются и недовольно бурчат. Ни рядовые, ни этот офицер явно не готовы к такому повороту событий.

Командир пытается связаться с кем-то по радио, однако без всякого результата. Боец с огнеметом понимает, что ситуация резко изменилась, и о чем-то спрашивает старшего. По обрывкам фраз я догадываюсь, что солдата заботит опасность утраты контроля над пламенем.

Он прав. В случае поджога лагеря огонь под воздействием ветра запросто способен переброситься на военных и их технику.

Но командир не может сказать ничего внятного. Поэтому солдат пока просто стоит и закрывает лицо ладонями.

В новых порывах ветра выразительно ощущается присутствие частиц песка. Проходит еще несколько секунд, и пыльное облако полностью накрывает палаточный городок. Видимость нулевая. Да и держать глаза открытыми не получается, так как в них мгновенно попадает песок. Приходится заслонять их руками. То же касается и органов дыхания.

Шквалы ветра продолжают сыпать песком. В этих условиях оставаться на месте было бы верхом беспечности. Мы отбегаем в глубь палаточного городка.

Солдаты начинают стрелять, однако не прицельно, а беспорядочно, куда ни попадя. Слышатся крики военных. Несмотря ни на что, командир все-таки пытается выполнить приказ, полученный свыше.

Из палаток, стоящих рядом с воротами и ограждением, слышатся стоны наших пациентов, только

что получивших пулевые ранения. Нам хотелось бы держаться вместе, но это желание оказывается нереальным. Спасаясь от шальных пуль, опускаемся на землю и по прошествии небольшого времени теряем друг друга. Переговариваться с учетом ситуации очень трудно. Держаться же все время за руки тоже оказывается невозможным. И вот так постепенно мы расползаемся в разные стороны.

Лихорадочная стрельба продолжается еще несколько минут. Песчаная буря не прекращается, а нарастает, свирепствует все с большей силой.

Я слышу, как трещат ворота. Через несколько мгновений раздается глухой удар, сопровождающийся испуганными криками. Я догадываюсь, что ворота сорвало ветром и унесло куда-то в сторону. По всей вероятности, несколько военных пострадали от этого.

Я едва различаю голос офицера, но вполне понимаю, что он даже и не пытается организовать спешную эвакуацию своих подчиненных. Наоборот, этот негодяй заставляет бойцов продолжать обстрел палаточного городка. Кто-то из них не подчиняется. Но находится и достаточное количество таких мерзавцев, которые продолжают стрельбу даже в условиях нулевой видимости.

— Не дайте им уйти! — доносится до меня вопль офицера, обезумевшего от всего происходящего.

Я не знаю, связался ли он с начальством еще раз или же продолжает воплощать в жизнь приказ, полученный до начала песчаной бури.

Проходит минут двадцать, а то и все полчаса с момента появления пыльного облака в районе оазиса. Я пытаюсь выудить из своей памяти какие-то сведения о песчаных бурях. Они бывают короткие, длящиеся порядка двадцати минут. Но случаются и долговременные. Такие могут длиться несколько дней, даже недель.

Судя по всему, нас накрыла буря именно второго вида. Я еще не знаю, хорошо это или плохо в смысле дальнейшего развития событий.

Где ползком, где перебежками я продвигаюсь к навесу, под которым стоит машина с передвижной лабораторией. Порой меня охватывают сомнения, туда ли я вообще двигаюсь.

Буря не стихает. Я по-прежнему прикрываю руками глаза, нос и рот. Это помогает мне лишь частично. Глаза все равно засыпаны песком. Он же хрустит и во рту. Удовольствие весьма сомнительное. Да еще с учетом шальных пуль, то и дело пролетающих где-то поблизости.

Но я все равно изо всех сил стараюсь добраться до цели, пытаюсь придерживаться верного направления, которое выбрал изначально. Мне столько раз за эти недели приходилось ходить от палаток до лаборатории, что ноги сами должны вести меня к нужному месту.

Я не берусь предсказывать, окажусь ли правым, но надежды не теряю. Лабораторию следует спасти. Она не должна оказаться в руках нелюдей, готовых уничтожать целые города в угоду чьим-то политическим или религиозным амбициям.

Сам не знаю, каким чудом, но я все-таки добираюсь до цели. Буря по-прежнему не утихает. Она уже успела натворить здесь дел. Навес не выдержал шквального ветра и рухнул. Брезент, укрывавший его, едва не унесло прочь. Он лежит на машине, зацепившись за капот одним из креплений. Наш шатер завален.

Сыплет песок. Сквозь пыльную пелену я пробираюсь к кабине, встаю рядом с ней и погружаюсь в раздумье. Я толком не знаю, что должен делать дальше.

Да, лабораторию нужно спасти. Но мне трудно решиться на бегство в одиночку. Нет, вовсе не потому, что я боюсь. За последние недели чувство страха настолько обесценилось, что его редкие проявления в себе я воспринимаю, мягко говоря, со скептицизмом.

Я не решаюсь бежать не из-за страха, а по той причине, что ничего не знаю о судьбе своих товарищней. Бросить их здесь и пуститься наутек я не могу. Это было бы предательством моих жизненных и профессиональных принципов.

Но как узнать, где сейчас Карский, Христов, Агизур, его мама? Живы ли они вообще? Кричать или подавать звуковой сигнал из кабины машины нельзя. Возвращаться в глубину лагеря и искать коллег в этой густой пыли явно не стоит. Здесь в два счета можно потеряться, разминуться, а то и нарваться на шальная пулю.

Я пытаюсь что-нибудь придумать, однако ничего подходящего в голову не приходит.

«Будь на моем месте Йордан, он наверняка что-нибудь сообразил бы», — укоряю я себя, успеваю почти полностью отчаяться, как вдруг различаю в шуме бури чьи-то голоса.

Кто-то приближается к машине. Я не знаю, кого мне следует ждать, машинально прячусь под брезент, прислушиваюсь к голосам. Несмотря на шум ветра и шорох сыплющегося песка, они становятся все более и более отчетливыми. Хотя разобрать слова я пока не могу. Да и узнать по этим голосам кого-либо из коллег тоже не получается.

Неужели сюда пробрался кто-то из автоматчиков? Но как? Навес, где стоит лаборатория, с внешней стороны рассмотреть трудно даже в условиях стопроцентной видимости. А уж в клубах этой пыли не видно ни зги, в какую сторону ни глянь.

Голоса приближаются. Я жалею, что не успел открыть кабину и достать из-под сиденья монтировку, готовлю себя к тому, что прыгну на первого солдата прямо так, с голыми руками, и попытаюсь завладеть его автоматом. Я замираю под брезентом, посматриваю наружу через небольшой зазор, жду, когда в пыльной кутерьме проявятся силуэты людей, приближающихся ко мне.

И вот наконец-то я вижу фигуру одного из них, затаиваю дыхание, готовясь к прыжку. Но в последний момент, буквально за секунду до атаки, я вполне отчетливо слышу голос Аркадия Федоровича. А вслед за ним что-то говорит и Йордан.

Я понимаю, что ошибся в своих предположениях, появляюсь перед коллегами и интересуюсь:

— Как вы в этом песчаном аду отыскали лабораторию?

— Да нас Агизур привел, — отвечает Карский. — Сначала мы заплутали. Чуть было не подались в противоположную сторону. Однако паренек нас вовремя сориентировал. Мальчишка ведь, как ни крути, сын пустыни. А это о многом говорит. Он на своем недолгом веку повидал немало таких вот жутких бурь. Я нисколько не сомневаюсь в том, что он знает, как нужно вести себя в подобных случаях.

— Кстати, а где он сам?

Коллеги переглядываются и с изумлением по-жимают плечами.

— Буквально только что был здесь и уже исчез, — говорит Христов.

— Этот малый наверняка что-то задумал, — с усмешкой добавляет Карский.

— Я даже догадываюсь, что именно, — говорю я.

— Думаешь, он нас предал? — осторожно интересуется Йордан.

— Если бы Агизур нас предал, то каратели по прибытии к палаточному лагерю не стали бывести переговоры с нами. Они сразу же направились бы сюда. Под навес. К лаборатории, — высказываю я свои соображения. — Скорее всего, парнишка отправился за своей матерью.

Коллеги не успевают отреагировать на мои слова. В доказательство моей правоты из песчаной завесы появляется Агизур, держащий под

руку беременную Каину. С ними идут двое наших волонтеров.

Мой наставник хвалит меня за проницательность, после чего кивает на машину.

— Ну, что? Пора нам отсюда уезжать, — заявляет он, открывая дверцу кабины.

Мужчины помогают женщине забраться в машину, а потом и сами оказываются внутри, радуясь тому, что все могут там поместиться. Мы с Агизуром стаскиваем брезент с машины, на котором уже скопилось изрядное количество песка, и тоже усаживаемся в кабину.

Товарищи по несчастью по умолчанию «назначают» меня водителем. Я сижу за рулем и осознаю, что у нас проблема. У меня, как и у всех остальных, возникает вполне закономерный вопрос: что же нам делать дальше? Никто из нас не представляет, как можно вести автомобиль в условиях практически нулевой видимости.

А вот молодой бербер, как и ранее, нисколько не отчаивается. Парень дает мне понять, что я могу вести машину, а он будет показывать, куда следует ее направлять.

Я вопросительно смотрю на Карского и Христова. Оба дают добро. Я и сам вынужден признать, что других вариантов спасения лаборатории у нас нет.

Мне вроде ясно, что необходимо уезжать отсюда как можно быстрее. Однако при этом я задумываюсь над тем, как завести двигатель и не привлечь внимания военных. Советуюсь с коллегами.

Все сходятся в одном — беззвучно выехать не получится. Нам остается полагаться на удачу, подкрепленную быстротой и фактором внезапности.

Агизур показывает мне, как лучше всего действовать сейчас. Я вынужден ему доверять, завожу двигатель и, не дожидаясь реакции военных, резко делаю задний ход. Машина устремляется в сторону, обратную от места скопления военной техники. Бойцы, стоящие по периметру палаточного городка, не успевают отреагировать на это.

Грузовик ударяется в ограждение и сносит изрядный участок его. Лишь только после этого катарели замечают неладное. Солдаты стреляют наугад, неприцельно, так как из-за плотной пыльной завесы толком ничего разглядеть не могут.

Мы тоже действуем вслепую. Однако у нас есть Агизур.

Воистину этот парнишка чувствует себя в этой густой пыли как рыба в воде. Едва машина оказывается за пределами лагеря, он подсказывает мне, что нужно повернуть направо.

Я резко выкручиваю руль, потом на всех парах мчусь по прямой линии и почти сразу понимаю, что движение происходит максимально близко к линии ограждения.

Солдаты, расставленные там, не успевают ничего предпринять против нас. Ни вскинуть автомат, ни тем более выстрелить. Одни, уловив приближение машины, успевают отпрыгнуть в сторону. Другие не избегают лобового столкновения с грузовиком.

Сожалеть об этом нам не приходится. Мы знаем, зачем они сюда пришли. Никто из них не был невинным ягненком и при удачном для их братии стечении обстоятельств изрешетил бы нас всех пулями.

Мысль об этом моментально проскаивает у меня в голове. Но я не могу, не имею права зацекливаться на ней. Передо мной стоит важная задача. В условиях почти нулевой видимости я должен отогнать автомобиль на безопасное расстояние, спасти друзей от разгневанных карателей.

Юный бербер продолжает помогать мне. Он безошибочно указывает направление движения. Мы не попадаем в ямы и не врезаемся в камни, целенаправленно движемся к шоссе.

Буря не утихает. Кабина нашей машины отнюдь не герметична. Свежие слои пыли заметны на приборной панели и одежде каждого пассажира.

— Похоже на долгосрочную бурю, — говорю я. — С ее начала прошло уже немало времени, а она все никак не утихает.

— Остается радоваться, что мы не на Марсе. Там песчаные бури могут на целый год растягиваться, — замечает на это Йордан, явно вспоминая мои сравнения ландшафтов Каменистой Сахары с пейзажами четвертой планеты.

— Это точно, — с ухмылкой говорю я и замолкаю, не желая ни на секунду терять бдительность.

Мы не знаем, как на наше бегство отреагировало командование карателей. По моим прикидкам, колонна их техники осталась приблизительно в двух километрах. Расстояние между нами довольно быстро увеличивается. Разумеется, при условии, что боевые машины и грузовики остаются на месте. Мы очень на это надеемся.

Пыльная буря самым серьезным образом спутала планы военных. Им наверняка очень даже непросто сориентироваться, решить, что же делать в резко изменившихся условиях.

Неизвестно, как после нашего выезда повел себя тот бравый офицеришка, которыйгрозил сжечь палаточный городок вместе с его вынужденными обитателями. Я предполагаю, что он ищет способ найти нас. Однако сделать это теперь довольно трудно, практически невозможно.

Я уверен, что буря породила серьезные перебои со связью. Скорее всего, у этого вояки сейчас нет возможности переговорить не только с координаторами операции, но даже со своими подчиненными, находящимися на периметре городка. Никто не может сообщить ему даже о приближительном направлении нашего движения. А если это у кого-то и получится, то такие сведения будут изобиловать домыслами и натяжками.

Отследить же наше перемещение при помощи каких-то технических средств не представляется возможным. Опять-таки по причине неутихающей бури.

Впрочем, даже если мои предположения и верны, то расслабляться нам не стоит. Несмотря на очевидную неспособность противника засечь нашу машину, недооценивать его все же никак нельзя. Тем более что угроза со стороны командования должна подстегивать того же офицера к поиску способов перехватить нашу лабораторию.

Ведь он сейчас нисколько не сомневается в том, что на кону стоит его собственная жизнь. Не исключено, что он сейчас воет от безысходности, задыхается от пыли, но все же ищет при этом вариант обнаружения нас. Кто знает, может быть, и найдет.

После очередной подсказки Агизура я наконец-то выруливаю на шоссе. Это сразу же ощущается. Теперь машина двигается куда легче. Есть возможность прибавить скорость, что я и делаю.

Все этому очень рады. Мы продолжаем уходить в отрыв. Но вместе с радостными эмоциями возникает логичный вопрос: а куда, собственно, нам теперь ехать?

Едва я успеваю его озвучить, как парнишка упоминает арабское название пещерного города. Того самого, мимо которого довелось ехать нам с Йорданом, прежде чем мы попали под огонь военного вертолета рядом с Эль-Башаром.

Возможно, что при других обстоятельствах идея о пещерном городе как о месте нашего укрытия была бы тут же отметена нами. Во-первых, для нас, двух россиян и болгарина, эта местность —

терра инкогнита, неизведенная земля. Во-вторых, мне почему-то кажется, что роковой выстрел из гранатомета вполне мог быть произведен именно оттуда.

Его результатом стала вынужденная посадка самолета с группой Карского и запасом вакцины на борту. Люди, уцелевшие в катастрофе, были кем-то добиты уже на земле. Уцелел только мой наставник, да и то совершенно случайно.

Однако в нынешней ситуации эти нюансы не являются определяющими. У нас нет выбора, зато имеется вполне конкретная цель — укрыться от бури и вероятного преследования. Пещерный город в этом смысле отличное место.

Агизур готов указать, где лучше всего свернуть к избранному нами пункту назначения. Я веду машину со средней скоростью. Так, чисто на всякий случай. Вероятность появления встречного транспорта минимальна, но все-таки исключать ее полностью нельзя. Не хотелось бы, уйдя из-под носа у карателей, попасть в автокатастрофу.

Едва я успеваю подумать об этом, как замечаю впереди странные просветы. Не дожидаясь их приближения и советов Агизура, я плавно увожу грузовик с шоссе и прячу его за камнями, подвернувшись очень кстати. Через несколько секунд по трассе мимо нас проносится бронетранспортер с прожектором, установленным сверху.

Нам становится ясно, что военные все это время не дремали. Они все-таки пытаются найти

Переносчик смерти

нас вопреки песчаной буре, бушующей с прежней силой.

Я доверяюсь интуиции, решая пока не трогаться с места и выждать какое-то время в довольно надежном убежище.

Не проходит и нескольких минут, как по дороге проносится еще один бронетранспортер. На этот раз без прожектора. Сперва мы слышим характерный шум двигателя, затем видим боевую машину.

— Они могли нас сейчас засечь? — прерывает всеобщее молчание Христов.

— Да кто их знает! — бросаю я в ответ.

— Буря все еще бушует. Песка в воздухе много. Видимость слабая. Да и вряд ли из бронетранспортера открывается хороший обзор, — озвучивает свое суждение академик.

Я не знаю, как реагировать на эти предположения.

Через пару минут позади нас на дороге возобновляется гул. Оба бронетранспортера возвращаются и проскаакивают мимо нас.

Времени для раздумий нет. Я трогаюсь с места, вывожу машину из убежища и стараюсь держаться подальше от шоссе. Начинается тряска. Грузовику приходится ехать по камням. Мне хочется верить, что военные нас не слышат и не видят.

19

Пещерный город оказывается куда большим, чем мне представлялось. Он огромен, состоит из нескольких уровней, уходящих в глубину горы. Достаточно только одного беглого взгляда, чтобы голова закружилась от ощущения нереальности здешних картин.

Все привычные представления о жилище, о градостроительстве, о том, каким, в конце концов, должен быть населенный пункт, здесь разбиваются вдребезги. Все твои стереотипы ломаются в одночасье, стоит лишь посмотреть на здешние галереи, осознать их бесконечность и запутанность, будто в лабиринте.

При этом ты подспудно понимаешь, что древние строители создавали такую планировку вполне осознанно. Сами-то они хорошо знали, как можно здесь передвигаться и не заблудиться. Чужакам вроде нас так вот сразу вникнуть в эти секреты практически невозможно. Тут великое множество переходов, коридоров, комнат!

Без соответствующего оборудования пещерный город, отличающийся такой сложной планировкой, можно изучать месяцами. Впрочем, не факт, что это удастся сделать и за такое время.

У нас нет ни спецоборудования, ни времени, ни даже особого желания заниматься чем-то подобным. Этот день, кажущийся бесконечным, наконец-то завершается, приближается вечер. Мы радуемся, что добрались до пещерного города, а военные нас при этом все-таки не заметили.

Я загоняю машину в один из больших проходов и ставлю там так, чтобы снаружи, особенно со стороны шоссе, ее нельзя было заметить. Конечно, в условиях бури она и так не видна, однако такое ненастье не будет продолжаться вечно. А рисковать лабораторией мне нисколько не хочется. Тем более после всего того, что уже произошло за сегодняшний день.

Если бы у нас имелась такая возможность, то мы постарались бы понадежнее замаскировать этот проход, чтобы снизить вероятность проникновения сюда кого бы то ни было. Но нам приходится оставлять все так, как оно есть, и уповать то ли на Бога, то ли на чудо.

Мы решаемся произвести разведывательный обход хотя бы ближайших галерей пещерного города. Надо выяснить, не таится ли там какая-либо опасность. Кахина с Карским и одним из волонтеров остаются рядом с машиной. Я, Йордан, Агизур и второй местный парень отправляемся на

разведку. Мы заранее договариваемся держаться друг от друга не далее чем в двух-трех метрах и не рваться без надобности в глубину бесконечных ходов.

— Стоп! А чем мы будем светить, разведчики? — резонно замечает Йордан.

— По идеи, здесь все устроено так, что сверху должен поступать естественный свет, — говорит на это волонтер.

— Даже если это так, то из-за бури сюда вряд ли пробьется хотя бы один солнечный лучик, — говорю я, включив логику.

Агизур что-то спрашивает у волонтера. Тот ему отвечает. Сын берберского вождя понимающе кивает, на несколько секунд исчезает во тьме близлежащей галереи, затем возвращается с двумя факелами.

Мы и рады этому, и несколько обескуражены. Ведь Агизур только что продемонстрировал нам свидетельство того, что в пещерном городе кто-то обитает.

Юный бербер замечает наше настроение и спешит успокоить. Мол, наличие факелов еще ни о чем не говорит.

— Здесь принято оставлять их на входе. И неважно, вернешься ли ты сюда когда-нибудь еще или нет, — сообщает нам волонтер, переводя слова Агизура.

Мы интересуемся, откуда у парня такие знания. Тот признается, что не раз бывал в пещерном городе. Естественно, тайком от родителей.

Правда, насчет обитаемости здешних пещер и галерей он ничего однозначного сказать не может. По его словам, сюда часто кто-нибудь забирается, но есть ли тут постоянные жильцы, ему неизвестно. В этой части пещерного города Агизур еще не был. Поэтому здешние ходы для него такие же неизведанные, как и для нас. Обговорив еще раз правила поведения в галереях, мы зажигаем факелы и выбираемся в путь.

Агизур пытается идти первым, но я не разрешаю ему это делать и обгоняю его. С каждым новым шагом я все больше ощущаю себя первооткрывателем. Здешние галереи, проходы, развязки не могут не впечатлять. Ведь все это было сотворено людьми многие сотни лет назад.

Я пытаюсь представить себе, каким образом создавались все здешние «коммуникации», сколько сил и времени ушло на это. Ответа на данный вопрос у меня нет. Я не знаю и того, сколько времени понадобиться нам на то, чтобы бегло исследовать хотя бы маленькую часть огромного лабиринта.

Нас особенно интересуют два момента. Во-первых, мы выясняем, нет ли в этой части других «квартирантов», которые могут представлять реальную опасность. Во-вторых, нам хочется отыскать источник воды, пригодной для питья.

По пути мы осматриваем не один десяток комнат и залов. Почти везде встречаются следы пребывания людей. Однако им не день и не два. Если

здесь кто-то и был, то ушел отсюда явно не перед самым нашим приходом.

Мы почти не разговариваем. По галереям разносится эхо наших шагов. Я не нахожу это безопасным. Ведь если кто-то прячется на верхних или нижних ярусах, то определить наше присутствие ему не составит труда.

Мы идем и примечаем путь. Никому из нас не хочется заблудиться. В один прекрасный момент мы оказываемся на развилке нескольких ходов. Делиться на группы или идти далее по одному нам не хочется по вполне понятной причине.

Нам надо как можно скорее найти воду и вернуться обратно к машине. Мы и без того изрядно углубились в пещерный город. По словам Агизура, дальше развилок может быть еще больше. По крайней мере, именно так обстоят дела в тех частях пещерного города, в которых ему удалось побывать.

— Агизур, как ты думаешь, где может быть вода? И есть ли она здесь вообще? — спрашиваю я у парнишки, надеясь, что тот должен обладать особым чутьем на такие вещи, характерным для местных жителей.

Ведь парень как-то сумел указать нам правильный путь в условиях почти нулевой видимости. Память тут вряд ли сыграла главную роль.

— Я не находил воды в тех ходах, где бывал раньше, — отвечает он через переводчика. — Но я знаю, что она здесь обязательно должна быть.

Древние люди ни за что не стали бы долбить скалу под жилище, не имея под рукой воды.

— Да, — соглашаюсь я и сразу же уточняю: — Но ведь за эти тысячелетия вода могла исчезнуть, разве нет?

— Она не исчезла. Я слышал, что вода здесь есть до сих пор.

— Ты можешь определить, где нам ее искать?

— Нет. Вот мой отец наверняка смог бы.

— Хорошо. Тогда просто укажи рукой на одну из галерей, любую. Мы туда и пойдем.

— А если там не будет воды? Вы меня станете обвинять?

— Если там не будет воды, мы вернемся на эту развилку и двинемся по другой галерее.

Юноша не медлит ни секунды и указывает направо. Мы тут же отправляемся в указанном направлении. Сначала ничего не предвещает удачного исхода моей затеи довериться чутью Агизура. Мы идем по галерее, которая напоминает другие, уже пройденные нами. Мне кажется, что еще немного, и нам снова встретится развилка.

Я едва сдерживаю себя от произнесения вслух комментариев на эту тему. Мне категорически не понятно, как здесь ориентировались древние жители. Почему они не путались в этих лабиринтах.

Дорога постепенно уходит под уклон и вскоре выводит нас к площадке, в центре которой находится резервуар с водой. На расстоянии он напоминает колодец. Мы осторожно подходим ближе.

Перед нами кольцо, аккуратно выложенное из камней, внутри которого плещется вода. Но глубокой ямы там нет. Толщина слоя воды составляет от силы полметра.

Источник бьет в самой середине каменного кольца. Сначала мы не понимаем, почему вода не льется через край, потом присматриваемся и замечаем канавку, устремленную в темную глубину очередной галереи.

У нас нет ни малейшего желания выяснять, куда именно уходит течение. Мы берем емкости, благоразумно прихваченные с собою, и наполняем их водой. Как бы нам ни хотелось пить, но пробовать сырую воду мы не стали. Агизур порывался это сделать на радостях от того, что указал нам правильный путь, но нарвался на мой твердый запрет.

Обратно мы вернулись практически без проволочек. Только на одном участке дороги наши мнения о правильности пути разделились. Нам пришлось остановиться и подумать. К счастью, обошлось без пустых блужданий.

Аркадий Федорович, второй волонтер и мать Агизура встретили нас с нескрываемой радостью. Состоялся быстрый обмен новостями. Мы рассказали о добытой воде. Карский отчитался, что ничего особенного за время нашего отсутствия не произошло.

Вместе с тем оказалось, что он не просто сидел и ждал нас. Мой наставник не забыл о том, что

надо бы осмотреть лабораторию и проверить все оборудование, находящееся там.

— И как оно?.. — с неподдельным интересом спрашиваю я.

— Все исправно. Производство вакцины можно продолжить хоть прямо сейчас, — сообщает академик.

— Нам сейчас не мешало бы наладить производство ужина, — полуутя озвучивает Христов весьма насущную проблему.

— Заварка и несколько пачек хлебцев должны быть в машине, — припоминаю я. — Чаю на пару раз нам точно хватит. Хлебцы оставим для женщины. Сами пока обойдемся. Но уже сейчас стоит подумать о поисках съестного. Надеюсь, что Агизур сумеет нам в этом помочь.

— Артем, ты снова такой прыткий, что не дашь мне и слова сказать, — без всякой злобы замечает мой наставник.

Я осекаюсь, несколько секунд пребываю в безмолвии, потом с искренним удивлением уточняю:

— Вы хотите сказать, что в машине имеется еще что-то съестное?

— Да, имеется, — подтверждает он. — Ты забыл, что вместе с оборудованием, уцелевшим после аварийной посадки самолета, вы привезли в Эль-Башар не самый маленький ящик с консервами. Я не знаю, почему так вышло, но он до сих пор находится в будке машины.

Я невольно усмехаюсь. Академик прав. За всей непосильной работой, которую мы выполняли каждодневно, о контейнере я попросту забыл. Тем более что подкрепляться мне приходилось, как правило, вне палаточного лагеря.

Карский демонстрирует нам свою драгоценную находку. При экономном потреблении запасов консервов может хватить на несколько дней. Это кажется мне не таким уж и малым сроком, хотя мы еще толком и не определились с нашими дальнейшими действиями.

Одну из ближайших «комнат» мы приспособливаем под кухню. За разведение костра берется Агизур, обещая, что дыма сами мы почти не почувствуем, а с внешней стороны его никто не заметит.

Запасов воды, принесенных нами, хватает даже на то, чтобы вымыть перед едой руки. Остальное мы кипятим.

Консервы распределяет Аркадий Федорович. Он старается учесть все нюансы, выделяет беременной женщине и молодым парням по целой банке, себе, мне и Христову — две на троих.

Я завариваю чай. Мы наполняем им все кружки и другие подходящие емкости, найденные в машине, усаживаемся вокруг еще не угасшего костра. Пьем горячее. Поглощаем говяжью тушенку. Пытаемся растянуть удовольствие.

Но вот сделать это не так просто. Я замечаю за собой вспышки желания съесть выделенную порцию как можно быстрее. Несколько минут мы

исключительно едим, не говоря друг другу ни слова.

Меня прорывает первым.

— Как нам оценивать то, что случилось сегодня днем? — задаю я коллегам максимально обтекаемый вопрос.

— Как нарушение норм международного права, — схватывает с полуслова Аркадий Федорович.

— Мне кажется, что это и без того понятно, — говорит Йордан.

— Стало понятно, но лишь после того, как мы лично столкнулись со всем этим, — замечаю я. — Но у меня в связи с данными событиями возникает несколько иной вопрос.

— Какой же? — не терпится Христову.

— А ты не догадываешься? — искренне удивляюсь я и продолжаю, не желая щекотать любопытство моих коллег: — Если отвлечься от всего того, что мы пережили и за этот день, и за предыдущее время, и попытаться посмотреть со стороны на появление колонны военной техники в Эль-Башаре, то можно заметить определенные детали, нестыковки...

— По-моему, все логично, — не соглашается мой напарник. — Военные, захватившие власть в Хардузе, не имели возможности держать под контролем ситуацию, связанную с эпидемией, и решили прибегнуть к крайним мерам. Кажется, мы это уже обговаривали.

— Именно поэтому колонна военной техники, едва доехав до оазиса, сразу же направилась в сторону палаточного городка? — иронизирую я. — Откуда военные узнали, что именно здесь находится передвижная лаборатория, в которой можно производить новую вакцину против Эболы? Они наверняка владели этой информацией еще до приближения к Эль-Башару.

— Возможно, у них имелись разведданные, — высказал предположение Аркадий Федорович.

— Погодите-погодите, — развелновался болгарин. — Вы думаете, что все дело в Джулии?

— Да, — говорю я и утвердительно киваю, а мой наставник соглашается со мной.

— Артем, ты всерьез считаешь, что мисс Раств могла нарушить клятву Гиппократа и направить карателей в палаточный городок? — осведомляется Йордан.

— Я считаю, что нужно исходить из того, что мисс Раств — женщина, которую схватили и удерживают военные, — реагирую я. — Еще неизвестно, какие способы воздействия они применяют в отношении ее. В Эль-Башаре она давно зарекомендовала себя с лучшей стороны. Во время вспышки эпидемии всегда была на передовой, вместе с нами делала все возможное и даже невозможное, чтобы помочь инфицированным людям. Каждый день рисковала во имя их спасения. С чего бы ей тогда резко меняться и идти на нарушение клятвы Гиппократа? Не хочу повторяться, но все-таки

Переносчик смерти

я уверен, что нужную информацию каратели из нее выбили.

— При таком раскладе нельзя исключать, что ее к настоящему времени уже и в живых нет, — задумчиво проговорил Карский. — Особенно с учетом того, как эти вояки себя ведут.

— Будем надеяться, что Джуллия жива. — Йордан не хочет верить в ее смерть.

Мне и хотелось бы согласиться с ним, но почему-то предположение Аркадия Федоровича выглядит куда более правдоподобным. В сущности, мой наставник озвучил то, что я боялся произнести вслух.

20

Проходит несколько часов. Наступает ночь. Несмотря на страшную усталость, мы с коллегами не торопимся укладываться спать.

Мне хочется выйти наружу, чтобы посмотреть, как там обстоят дела. Я предупреждаю об этом товарищам. Никто не упорствует. Все желают мне только быть осмотрительным и в случае чего звать на помощь. Я обещаю не отходить слишком далеко от входа в пещеру.

Агизур напрашивается пойти со мной за компанию. Кахина, конечно, волнуется, но отпускает сына со мной.

Мы осторожно идем к выходу. Буря к этому времени заметно стихла. От ее недавнего буйства практически ничего не осталось. Ветер продолжает дуть, но он уже далеко не такой сильный, каким был днем. Да и облака пыли как такового нет. В противном случае я не смог бы увидеть на небе ни звезд, ни луны.

— Явный признак того, что буря пошла на

спад, — говорю я на арабском, указывая на небесные светила.

— А я уже подумал, что она зарядила на целую неделю, — слышится ответная реплика Агизура.

Меня передергивает от неожиданности.

— Ты что, говоришь по-арабски? — удивленно спрашиваю я.

— Говорю. Но не люблю. На нашем родном языке мне лучше мысли выявлять, — признается мальчишка.

— Не выявлять, а выражать, — поправляю его я, продолжая удивляться открытию. — Мог бы и раньше признаться. А то столько суматохи из-за необходимости переводить за тобой и для тебя.

— Я никак не находил придатного случая, — с виноватой улыбкой пояснил парень.

— Не придатного, а подходящего, — вновь поправляю его я.

— Говорю же, на родном языке мне лучше, — с легкой укоризной в голосе напоминает паренек.

Я обещаю больше не исправлять ошибки во всем, что он скажет, и отхожу от пещеры на несколько метров в направлении шоссе. В трехчетырех километрах отсюда находится Эль-Башар. Я останавливаюсь, поворачиваюсь и долго смотрю в сторону оазиса, пытаюсь разглядеть там хоть что-нибудь, что могло бы свидетельствовать о признаках жизни.

Моя попытка оказывается тщетной. Я не вижу там абсолютно ничего. Никаких огней. Полная

темнота. В какое-то мгновение я даже начинаю сомневаться, туда ли вообще смотрю.

— Агизур, послушай, Эль-Башар ведь вон там? — уточняю я у своего юного спутника, махнув рукой в нужном направлении.

— Да, — подтверждает он. — Только не пойму, почему там темнота.

— А это не из-за бури? Не может быть так, что здесь она почти закончилась, а в оазисе еще продолжает бушевать?

— Бушевать может. Но сейчас этого не происходит. Бурю ты сразу разглядел бы.

Я понимающе киваю. У меня появляются весьма тревожные предчувствия, однако я оставляю их при себе, не хочу лишний раз пугать парнишку. Хотя мне кажется, что он и без меня все понимает.

Еще какое-то время смотрю в направлении оазиса, затем разворачиваюсь и собираюсь возвращаться в пещерный город. Нет никакого смысла стоять здесь просто так.

— Пойдем, Агизур. Мать наверняка переживает за тебя и не спит. А ей не мешало бы отдохнуть.

— Артем... — слышу я от него свое имя, произнесенное очень тихо.

— Что такое? — удивленно спрашиваю я, тоже переходя на шепот.

— Там какие-то огни появились, — объясняет он и кивает в сторону Эль-Башара.

Я мгновенно оглядываюсь и сразу же замечаю цепочку дрожащих огней на выезде из оазиса.

О характере их происхождения долго гадать не приходится. Это свет фар машин, идущих одна за другой. Мы слышим шум двигателей. С каждой секундой он все нарастает.

У меня нет никаких сомнений в том, что это та самая колонна военной техники, прибывшая днем в Эль-Башар. Сейчас она его покидает. Мне трудно представить, куда военные отправляются на этот раз.

— Все, Агизур! Быстро уходим отсюда! — настаиваю я.

— Давай посмотрим, куда они поедут.

— Нет. Нам это ничего не даст. А вот засечь нас могут. Поэтому идем.

Прежде чем колонна военной техники успевает промчаться вдоль пещерного города, мы скрываемся внутри него. Там я рассказываю остальным об увиденном. Мы с коллегами планируем завтрашний день.

— Предлагаю разделиться, — говорю я. — Мы с Агизуром отправимся в Эль-Башар. На разведку, так сказать. Посмотрим, что там оставили после себя военные. Может быть, найдем кого-то, кто остался в живых, спасем. А вы тем временем вместе с волонтерами наладите лабораторию.

— Какой ты, Артем, ушлый, — с усмешкой заявляет академик. — С парнишкой будешь без переводчика общаться?

— Мы и так неплохо понимаем друг друга, — отвечаю я и поясняю ситуацию.

— Ну, если так, то лично я не возражаю, — говорит Карский. — Полагаю, что и остальные тоже перечить не будут.

Христов и оба волонтера дают понять, что согласны.

— Я думаю, что мы не будем зацикливаться на будке грузовика, — продолжает мой наставник. — Подберем подходящую пещеру и там наладим работу лаборатории. Вчетвером это сделать будет довольно просто. Более того, я уверен, что со второй половины завтрашнего дня мы возобновим производство вакцины.

— Было бы неплохо, — поддерживаю я его планы.

— А вы там, Артем, во-первых, будьте внимательными. Если что не так, то на рожон не лезьте. Ни головы, ни другого места под удар не представляйте. Риск — дело благородное, но не надо впадать в безрассудство. Вы нам нужны живыми. Поэтому собирайте информацию, ищите выживших людей и отправляйтесь обратно, в пещерный город.

— Да все будет хорошо, Аркадий Федорович! — невольно восклицаю я, напоминая эти возгласы сына, которому пришлось выслушивать нотации отца.

— Если попадется что-то из еды, то не стесняйтесь взять с собой. Желательно, чтобы это тоже были консервы. Неизвестно, сколько еще мы здесь пробудем. А питаться чем-то надо. Наших запасов, как ты сам понимаешь, надолго не хватит.

Я обещаю позаботиться и об этом.

Наконец-то мы укладываемся спать, оставив одного из волонтеров в качестве караульного.

Несмотря на усталость, засыпаю я с трудом. Слишком много мыслей роится в моей голове. Я то и дело прокручиваю в памяти различные эпизоды прошедшего дня. Пытаюсь представить, как все повернулось бы, если бы нами и лично мной были совершены иные действия, а не те, которые оказались произведены в реальности.

Толку от таких размышлений никакого. Но остановить их я не могу. Это похоже на докучливое наваждение, от которого так просто не избавишься. В какой-то момент я все-таки проваливаюсь в дрему. Мне ничего не снится, кроме этой же пещеры, в которой я сейчас нахожусь.

Резкий звук заставляет меня вскочить с места. Я с недоумением смотрю по сторонам, хотя разглядеть что-нибудь не представляется возможным. Сердце бешено стучит, вырывается из груди.

В течение нескольких секунд я пытаюсь сообразить, приснилось ли мне все это или же такова была реальность. Однако вскоре звук повторяется. Теперь он чуть более приглушенный, чем в первый раз. Хотя точно оценить сложно. Ведь я дремал.

Поэтому я не хочу никого тревожить и ожидаю, что же будет дальше. Через какое-то время я слышу целую серию очень странных шумов, среди которых, как мне кажется, есть и отзвуки голосов.

— Ты это слышишь? — спрашивает Йордан, который тоже успел пробудиться.

— Да. Не могу понять, что это такое, — отвечаю я.

— Откуда-то с нижних ярусов. Возможно, там где-то произошел обвал. А звук исказился из-за эха. Тем более что там великое множество галерей и комнат, — находит коллега разумное объяснение.

— А голоса тогда откуда?

— Это не голоса. Все от искажения изначального звука. Думаю, древние строители специально предусмотрели такую планировку, чтобы в случае чего жители могли спрятаться на нижних ярусах и всякими звуками пугать чужаков. Видимо, знали, что нужно делать, чтобы подобный эффект с эхом оказался возможным. Точно так греки исхитрились устроить в дельфийском храме. Они возвели его в такой местности, что одним только эхом можно было доводить простых смертных до священного трепета.

В данное мгновение раздается новый звук. Мне снова кажется, что это чей-то голос. Причем звучит он так, будто где-то там, в глубине, находится кинотеатр, и одна из реплик героя долетает до нас.

— Что-то не похоже все это на падание камней, — замечаю я.

— Насчет камней я сказал просто так, к примеру, — поясняет коллега. — Я уверен в том, что все

эти звуки природного происхождения и человек к ним никакого отношения не имеет.

— Но ведь я, пусть и неотчетливо, но слышал чей-то голос! — Мне трудно согласиться с выводом Йордана.

— Это могла быть летучая мышь или еще какая-нибудь местная живность. Если бы где-то там находились люди, то мы наверняка узнали бы об этом во время нашей вылазки в глубь галерей. Однако мы там ничего подозрительного не слышали.

— И все-таки нам не мешало бы проверить, — не отступаю я.

— Ты горишь желанием идти туда прямо сейчас? Мне вот почему-то не сильно хочется это делать. Может, потому что сейчас ночь. Или причина в том, что я устал за последние сутки хуже некуда. Полагаю, что ты тоже...

Реплику Христова прерывает новый звук, на этот раз клокочущий.

— А это, по-твоему, что? — спрашиваю я.

— Да все, что угодно, — гнет свою линию Йордан. — Это может быть та же вода. Мы же не знаем, куда она уходит из источника. Может, где-то в глубине пещерного города есть целое подземное озеро. Над ним, естественно, каменные своды. Несколько камней могли упасть. Отсюда и этот звук. Словно булькающий.

— Знаешь, разумом мне хочется с тобой согласиться, — признаюсь я. — Однако интуиция под-

сказывает, что все обстоит совершенно не так, как ты сейчас пытаешься обрисовать. Ты говоришь, что там упали камни, а мне кажется, что кто-то идет по воде.

— И что же ты намерен делать? Поднимать всех и идти вниз?

— Нет. Сейчас это было бы безрассудно. Я предупрежу нашего караульного. Завтра во время работы будьте предельно внимательными. Мало ли как может повернуться дело с этими шумами. Мне не хочется после возвращения из Эль-Башара застать здесь какую-нибудь ужасающую картину. Тем более что в оазисе нам с Агизуром наверняка доведется насмотреться всякого, — говорю я, встаю на ноги и иду к волонтеру, сидящему возле выхода.

21

Странные звуки ночью повторялись еще нескользко раз. Сказать, что я выспался, — значит обмануть самого себя. Я поднимаюсь с чугунной головой, гудящей, словно после хорошего перепоя.

Чтобы по-настоящему отдохнуть, мне следовало бы крепко спать хотя бы пять-шесть часов. А в идеале и все девять-десять. Естественно, такого я себе позволить никак не могу. Мне пришлось бы проваляться целый день, ничегошеньки не делая. Такой вариант — слишком большая роскошь.

Мне надо привести себя в порядок и отправляться в Эль-Башар. Вот что на данный момент самое главное. Это занимает почти все мои мысли.

Впрочем, нельзя сказать, что я совершенно перестаю думать оочных шумах. Мы обговариваем эту тему.

Оказывается, что Аркадий Федорович вообще ничего не слышал. Я могу ему только позавидовать.

Йордан, как и ночью, настаивает на версии о природном происхождении звуков. Я опять-таки не соглашаюсь с ним. Заявляю, что нам сильно повезло, поскольку ночью из глубины пещер никто не объявился и не попытался на нас напасть.

Академик внимательно выслушивает нас, но ничью сторону в споре занять не может. В этом весь мой наставник! Ему нужны факты, а не домыслы.

— Пока вы озвучили только один момент. Некие шумы раздавались на самом деле, — говорит он. — Пока мы доподлинно не выясним, что является их источником, все ваши рассуждения гроша ломаного не стоят. Лично я не удивлен, что ночью по пещерам разлетались какие-то звуки. Я сильно удивился бы, если бы их вообще не было.

— Но, Аркадий Федорович... — я пытаюсь продолжить изложение своей аргументации.

— Хватит, — прерывает он меня, не желая слушать. — Кажется, сегодня у нас есть другой факт. Куда более осозаемый и действительно радостный.

Мы с Христовым переглядываемся, не понимая, что конкретно имеет в виду академик. Он не заставляет нас теряться в догадках и рассказывает о том, что дало ему повод для радости.

Оказалось, что Кахина практически выздоровела. Карский в этом даже не сомневается. Безусловно, для полной картины необходимо взять анализы, провести дополнительное обследование.

Однако и внешние признаки говорят о многом. Все мы знали и видели, что раньше женщина не могла сама вставать на ноги. Для этого ей обязательно требовался помощник.

Да что там говорить! Еще вчера не самое лучшее положение дел было очевидным. Буквально накануне вторжения карателей в оазис женщина начала поправляться. Но без помощи сына или кого-то из нас она практически не могла подняться с места и передвигаться.

Но вот сегодня утром Кахина приятно удивила сперва Карского, а затем и нас. Она проснулась, сама поднялась с импровизированной постели и начала ходить без сторонней поддержки. Да, мы ожидали, что это произойдет. Однако выздоровление матери Агизура все же застало нас врасплох. Все последние сутки мы слишком уж сильно были заняты другими мыслями и хлопотами.

Женщина крепко стоит на ногах, смотрит на нас и скромно улыбается. Агизур переживает за мать и старается не отходить от нее. Он все еще не верит, что Кахина окрепла и может обойтись без его поддержки. Поэтому парень всегда начеку, старается не отвлекаться, чтобы в случае чего подстражовать маму.

Мы пытаемся уверить юношу в том, что сейчас матери от него необходима прежде всего моральная помощь. Самое страшное уже позади. Теперь ему и всем нам следует беречь ее от лишних волнений.

Аркадий Федорович спешит осмотреть Каину, чтобы точнее оценить ее состояние. Вскоре мы узнаем подробности.

Академик сообщает, что недавние рецидивы светобоязни полностью исчерпали себя. Теперь женщина реагирует на свет вполне обычным образом. Точно так же, как мы все.

Язвы на ее теле почти полностью зажили. Мой наставник еще не знает, останутся ли шрамы по всему телу, но предполагает, что вряд ли.

Все это в совокупности, а также отличное расположение духа выздоровевшей женщины внушают нам оптимизм. Мы лишний раз убеждаемся в том, что находимся на правильном пути. Появляется очередное подтверждение того отрадного факта, что вакцина академика Карского действует.

Это радует нас и вдохновляет на продолжение работы. Мы осознаем, что в Эль-Башаре, скорее всего, спасать больше некого, однако не забываем, что под ударом вируса Эбола находится вся эта страна.

— Какой общий вывод по вакцине вы сделаете? — спрашивает Йордан у Аркадия Федоровича.

— Вакцина вызвала в организме женщины мощный иммунный ответ, — заявляет тот. — Точно так же, как и в случае с ее сыном и многими другими нашими пациентами. Жаль, что их не удалось уберечь от иной напасти.

— Вы не виноваты в этом! — не сдерживается и восклицает Агизур. — Вы сделали все, что мог-

ли. Но чтобы воевать с кучей солдат, у которых оружия до зубов, нужна большая сила.

Мы оставляем реплику парня без комментариев.

— А тебе, мальчик мой, только бы воевать, — журил его мама, а затем обращается к нам: — Мне и вправду лучше. Если недавно я смотрела в глаза смерти и чувствовала ее приближение, то сейчас все совсем наоборот. Я как будто бы заново родилась. Спасибо вам большое за то, что не оставили в беде ни меня, ни моего сына. — Кахина бросается к Карскому, хватает его за руки и пытается их расцеловать в знак благодарности.

Мы наблюдаем за этим с изрядной долей удивления. Аркадий Федорович воспринимает поток эмоций, исходящий от женщины, как должное. Однако он не позволяет ей переусердствовать, просит ее быть сдержанной сейчас и впредь.

Женщине трудно понять, почему ей так говорят. Ведь она искренне хочет выразить благодарность тем людям, которые избавили ее от страшной хвори! Кахина готова расцеловать руки каждому из нас.

Академик спокойно объясняет ей, что это будет излишним, нам достаточно ее слов. Вместе с тем Карский старается быть как можно более деликатным. Оно и понятно. Ему не хочется расстраивать вдову, которая вот-вот должна родить.

Я даже догадываюсь, кому именно придется принимать роды, и глуповато улыбаюсь. Раньше мне почему-то не доводилась думать об этом. По-

хоже, что время для мыслей на данную тему настало. Естественно, что ни я, ни мой наставник напрямую об этом не говорим.

Когда женщина успокаивает свой порыв, вновь дает о себе знать ее сын.

— Я знаю, что вы скромные люди, — говорит он. — Но мне известно, как много вы работали, старались вылечить больных. Я уверен, что вы смогли бы спасти всех, если бы вам не размешивали.

— Не мешали, — вопреки своему недавнему обещанию поправляю его я.

— Главное, что вы меня понимаете, — парень по-прежнему остается предельно серьезным. — Я видел вашу бескорыстность. Вот что меня потрясло. Вы рисковали жизнью, но все равно делали свою работу. Вам никто не платил денег, а вы продолжали бороться за жизни людей.

— Спасибо за теплые слова, — от имени всех нас проговорил в ответ Аркадий Федорович. — На нашем месте точно так же поступил бы любой другой врач.

— Не скажите, — не соглашается парнишка. — Врачи бывают разные. Почти все здешние доктора убежали, когда разбушевалась эта зараза! А вы вроде и не наши, приехали издалека, но...

— Мы понимаем тебя, — прерывает его академик.

— За то, что вы спасли нас, я в долг перед вами, — не спешит угомониться юный бербер. — Да что там я! Весь наш род вам вечно обязан!..

Мы с коллегами переглядываемся. Нам неловко в который уже раз выслушивать клятвы и обещания парня. Мы до конца не понимаем, что они означают, есть ли за ними хоть какое-то реальное наполнение. Однако осекать юношу не хотим, прекрасно осознаем, что его возрасту присущ максимализм во многих вопросах. Нам остается лишь улыбаться и утвердительно кивать.

Мне кажется, что ему вполне достаточно такой вот нашей реакции, чтобы почувствовать свою воображаемую значимость. Нам и хотелось бы поверить всем его словам, но действительность пока не дает ни единого подтверждения тому, что он говорит.

Проходит еще немного времени. Мы оперативно решаем несколько хозяйственных вопросов, организуем и новый поход за водой.

На этот раз он проходит гораздо быстрее. В связи с ночными шумами нам приходится быть более чем осторожными. Впрочем, ни одного инцидента по пути туда и обратно ни с кем из нас не случается. Следов пребывания посторонних личностей не обнаруживается.

После завтрака, не менее скучного, чем вчерашний ужин, мы делимся на группы, как и было условлено накануне. Мы с Агизуром прощаемся с товарищами по несчастью, покидаем пещерный город и отправляемся в оазис.

22

Оказавшись снаружи, мы сразу же отмечаем для себя, что буря почти улеглась. О том, что она бушевала, свидетельствуют песчаные наносы, которые видны буквально повсюду. Мелкие камни зачастую заметены полностью. На крупных издали виден толстый слой пыли. Шоссе покрыто песком. Легкая желтоватая поземка гуляет то тут, то там.

Наша главная задача — перед тем как попасть в Эль-Башар — не оказаться замеченными кем-либо. Не сговариваясь, мы с парнем одновременно высказываем предположение, что в других частях пещерного города могут находиться люди. Совершенно не важно, кто они такие, на чьей стороне баррикад в здешнем конфликте находятся. Видеть нас не должен никто.

Поэтому мы начинаем быстро двигаться в сторону шоссе, выбирая удобный путь среди больших камней. Делаем это для того, чтобы уменьшить вероятность быть замеченными со стороны пещер. Довольно трудно сказать, насколько это эф-

фективно. Но мы старательно придерживаемся выбранной линии поведения.

Речь ведь идет даже не столько о нашей с Агизуром безопасности. Саму по себе вылазку в оазис никак не назовешь детской игрой. Сложность в том, чтобы не дать вероятным наблюдателям понять, откуда именно мы появились. Тем самым мы хотим отвести опасность от наших пещер, как невзначай стали называть их.

Лично меня одолевает еще и другая мысль, весьма навязчивая. Если в одной из частей пещерного города продолжают находиться те люди, которые подбили самолет, то они могут быть вооружены по последнему слову техники. Среди прочего у них может быть и снайперская винтовка. Агизуру я, разумеется, об этом не говорю.

Мы движемся по намеченной траектории, скрываемся за большими камнями, приближаемся к шоссе и быстренько осматриваемся. Ни с одной, ни с другой стороны не видно никаких транспортных средств. На счет «три» мы стремительно пересекаем проезжую часть и спускаемся по обочине.

Теперь можно свободно вздохнуть. Для любого снайпера, находящегося со стороны пещер, мы находимся вне зоны видимости. Я невольно воздаю хвалу неизвестному проектировщику здешней шоссейной дороги и особенностям местности.

С этого момента наш маршрут выравнивается. Мы движемся вдоль дороги, не забывая осматриваться и прислушиваться. В случае столкновения с карателями или любыми другими агрессивно

настроенными людьми с оружием у нас не будет никакой возможности оказать им сопротивление. Посему нашей главной задачей на нынешнем этапе передвижения становится избежание подобной встречи.

Темп нашего передвижения выше среднего. Я спрашиваю своего спутника, не устал ли он. Парень говорит, что нет, нисколько.

Предсказуемый для меня ответ. Я не знаю, при каких обстоятельствах Агизур заявил бы обратное. Ему хочется выглядеть в моих глазах смелым и выносливым. Он готов совершить марш-бросок на пределе своих возможностей, забывая при этом, что я не спецназовец, а всего лишь врач. Впрочем, в военной заварухе, кипящей в этой стране, мне самому трудно отделаться от мысли, что я давно перестал быть просто медиком.

По пути мы не встречаем абсолютно никого. Вокруг нас нет ни одного намека на то, что в оазисе продолжает бурлить жизнь, как это было до недавнего времени.

Мы подбираемся к Эль-Башару как раз с той стороны, где еще вчера находился палаточный городок. Нашим взорам открывается зрелище не для слабонервных. Ограждения завалены или обожжены. От вышек остались лишь обугленные перекладины. Сама территория представляет собой нечто невообразимое — пепел вперемешку с песком.

Я прекрасно понимаю, откуда взялся этот пепел. Слезы наворачиваются на мои глаза. Агизур изо

всех сил пытается держаться, но вскоре его прорывает, и он плачет навзрыд, не стесняясь меня.

Я рискую подойти поближе и замечаю обугленные трупы наших недавних пациентов, присыпанные песком. Он оказался на них из-за бури, а не потому, что мертвых кто-то пытался захоронить. По крайней мере, у меня складывается именно такое впечатление.

Я врач, многое вытерпел на своем веку. Однако вид палаточного лагеря, сожженного карателями, подрывает мое самообладание. Мне хочется кричать. Я, человек, верный клятве Гиппократа, не способен понять, как кто-то может творить подобные зверства.

Все же я сдерживаюсь. С одной стороны, мне не хочется, чтобы Агизур видел мою слабость. С другой же — до выяснения обстановки по Эль-Башару в целом демаскировать себя криками было бы весьма неразумно.

Агизур тоже берет себя в руки. В его глазах не только остатки слез, но и блеск праведного гнева. Он подходит ко мне. Мы некоторое время стоим неподвижно и молча смотрим на эту страшную братскую могилу.

Вероятности того, что кто-то из больных мог выжить в этом пекле, нет никакой. Несмотря на это, мы отправляемся по периметру бывшего палаточного лагеря.

Ветер продолжает смешивать песок с пеплом. Кое-где еще струится дым. Нигде нет ничего такого, что свидетельствовало бы о жизни.

По пути мы обнаруживаем несколько трупов без признаков обугливания. Люди, шедшие на поправку, явно пытались спастись от ярости карателей. Огня они избежали, но от автоматных очередей уйти не удалось. Их скосили выстрелами в спину.

— Зачем они это сделали? — спрашивает у меня парень, имея в виду военных. — Чем им навредили эти беспомощные люди, которые находились в палатках?

— Агизур, у меня нет ответа на твой вопрос, — честно признаюсь я. — Я могу представить, чем они станут оправдывать свое жуткое преступление, но все это будет лишь частью проблемы.

У нас нет времени продолжать разговор. Нам нужно осмотреть остальную территорию оазиса. Мы огибаем сожженный палаточный лагерь и берем курс на близлежащие фруктовые сады. Точнее сказать, туда, где еще недавно они находились. Идем по дороге, занесенной песком.

Как я и предполагал, садов не видно. Мы подходим ближе. Перед нами предстает пепелище, которое местами еще дымится. Вероятно, каратели были настолько разозлены, что уничтожали все, что попадалось на их пути во время следования к центру Эль-Башара.

Я никогда не был связан с садоводством или земледелием, но отлично понимаю, какого труда здешним жителям стоило вырастить эти сады здесь, посреди пустыни. Но раз уж для военных человеческие жизни ничего не значат, то что уж

тогда говорить о каких-то там деревьях! Их выжгли подчистую!

Я смотрю на Агизура и замечаю, как он дрожит. Не от страха. От негодования. Я подозреваю, что с этим местом у него связаны какие-нибудь особые переживания, но не спрашиваю, чтобы не провоцировать взрыв негативных эмоций. Из уст парнишки то и дело вырываются какие-то берберские слова, звучащие весьма злобно. Я полагаю, что это ругательства и проклятия, адресованные тем негодиям, которые творили здесь бесчинства.

Мы пересекаем пепелище. Ноги так и вязнут в пепле. То по щиколотку, то едва ли не по колено. Иногда у меня складывается впечатление, будто нам приходится идти по болоту.

Когда мы наконец-то завершаем свой переход, нас наповал убивает новая картина. Опять кругом ужасы, устроенные карателями. Вместо аккуратных побеленных домиков мы видим только обугленные руины. По характеру разрушений я предполагаю, что для уничтожения жилья использовались минометы или что-то в этом роде, смотрю на своего спутника и спрашиваю, готов ли он идти через все это. Вопреки ужасу, который отражается в его глазах, юноша не собирается пасовать.

Мы спускаемся к развалинам и идем в сторону рыночной площади. Нам приходится постоянно корректировать путь, обходить воронки, нагромождения остатков разрушенных зданий и прочее. Сплошь и рядом мы видим окровавленные трупы

и части тел. На многих уцелевших стенах буреют засохшие потеки крови.

Скорее всего, военные сначала обстреляли эту часть Эль-Башара из минометов, а потом прошлись здесь, чтобы добить тех, кто чудом избежал смерти. Нас до боли потрясает труп старика с вытянутой рукой. Бедняга явно прикрывался ладонью от автоматов, направленных на него, молил о пощаде.

Выбираемся на рыночную площадь, усеянную телами людей, погибших от рук карателей. Они утопают в песке, нанесенном сюда бурей.

Лавки и магазинчики разгромлены. Часть из них сожжена. Тем не менее мы делаем обход в поисках чего-нибудь съестного.

Вскоре наши запасы пополняются еще не зачерствевшими лепешками, финиками, несколькими головками сыра, кусками вяленого верблюжьего мяса, разными консервами. В лучшие времена мы, безусловно, все это купили бы. Однако сейчас заплатить некому.

После рынка мы заглядываем в больницу. В окнах этого здания нет ни единого целого стекла. Стены покрыты царапинами и дырами. Каратели наверняка обстреливали больницу из крупнокалиберных пулеметов, установленных на бронетранспортерах, но не пытались сжечь ее.

Это дает мне призрачные надежды на то, что внутри мы сможем отыскать хоть что-то из медикаментов. Кое-какие запасы у нас имеются. Они

хранятся в той самой машине, в которой оборудована лаборатория. Но этого мало.

Мы приближаемся к зданию. Я гляжу на него и чувствую, как меня что-то гложет, но не могу понять, что же именно. Подойдя к самому входу, мы останавливаемся и несколько секунд всматриваемся в темный проем, в котором отсутствуют двери. Агизур хочет идти первым.

Я хватаю его за руку, останавливаю и шепчу:

— Погоди!

— Что-то не так? Мы же за лекарствами... — удивленно реагирует парень.

— Тебе не кажется странным, что здание не уничтожено? — спрашиваю я.

— Каратели просто спешили, поэтому и остали все вот так, — не понимая моего волнения, отвечает тот.

— А мне сдается, что все это неспроста, — говорю я, поднимаю кусок кирпича и отхожу вместе с юношей на приличное расстояние от входа.

Мой спутник смотрит на меня недоумевающими глазами. Я размахиваюсь и швыряю кирпич в дверной проем. Нам слышно, как он с грохотом падает на пол. Ничего не происходит.

— И что это доказывает? — спрашивает Агизур и скептически выдыхает.

Я молчу, поднимаю еще несколько кирпичных осколков и один за другим бросаю их в том же направлении. Шума от падения четвертого из них мы не слышим. Вместо него раздается неслабый

взрыв, который разрушает часть здания. Агизур от неожиданности нагибается, втягивает голову в плечи.

Мне ясно, что мы не можем сейчас идти в больницу. Ведь таких вот неприятных сюрпризов там может быть очень много. Вероятность насткнуться на один из них крайне высока.

— А почему бы не попробовать поискать лекарства в администрации? — спрашивает парнишка.

— Если это здание не разрушили, то там, скорее всего, тоже полно таких же растяжек, как и в больнице, — говорю я в ответ и популярно объясняю своему спутнику, что такое растяжка.

— Но если быть внимательным, то можно и не подорваться, — не унимается парень. — Маме скоро рожать. Я бы сам нашел здесь все необходимое. Только скажите, что нужно.

— Вот именно! Твоей маме скоро рожать, а ты пытаешься лезть на рожон, — укоряю его я и продолжаю гнуть свою линию: — Неоправданный риск здесь ни к чему. Продукты мы с тобой нашли. С медикаментами не повезло. Все. На этом точка. Нам нужно возвращаться в пещерный город.

— А вдруг в Эль-Башаре кто-то выжил, комуто сейчас нужна наша помощь, а мы уходим? — переключается на другое мой юный собеседник.

— Ты в это сам веришь? Пока мы с тобой шли, ни единой живой души не видели.

— Да. Но есть же еще другие постройки, водозабор. Мечеть, в конце концов. Уж ее-то военные не должны были трогать.

— Подожди. Ведь твой родной дом находился как раз между мечетью и водозабором, не так ли? — осеняет меня. — Ты хочешь проверить, уцелел ли он после вчерашних событий?

— Да, — тихо выдавливает из себя Агизур.

— Пойдем. Но ты должен быть готовым к худшему, — честно предупреждаю его я.

— Я готов.

Мы идем от больницы к рыночной площади. Мой спутник косится в сторону административного здания.

— Не смей даже думать об этом! — говорю ему я.

Парень пожимает плечами и уверяет меня, что смотрел просто так, безо всяких намерений.

Вскоре мы выходим к водозабору, который разрушен практически полностью. Странно, что вода не фонтанирует. Ведь каратели и такое могли устроить.

Потом мы сворачиваем в жилой сектор. Большинство домов лежит в руинах, в том числе и тот, в котором жил Агизур. Кое-где понуро бродят или недвижимо стоят верблюды, лишившиеся хозяев. Парень смотрит на все это и крепко сжимает кулаки.

— Ты только матери пока не говори, — предупреждаю я.

— Да, конечно, я понимаю, — отвечает он.

Мы направляемся к мечети. Она уцелела, но вокруг нее сплошная выжженная земля. Что это означает, я не знаю. Приближаться к зданию мне почему-то хочется.

Предлагаю Агизуру закончить нашу вылазку, развернуться и через уцелевшую пальмовую рощу направиться к пещерному городу. На этот раз мой спутник не придумывает никаких новых поводов для того, чтобы побывать в Эль-Башаре подольше.

23

Проходит пара дней. За это время мы вполне сносно устраиваемся в пещерном городе. Посторонних личностей здесь вроде бы нет. Хотя подозрительные звуки по ночам по-прежнему слышны.

Мы быстро налаживаем лабораторию и сразу же принимаемся за работу. На данный момент нам уже удалось произвести определенный запас вакцины. Работа ведется дружно и слаженно. Обязанности четко распределены. В отличие от палаточного лагеря здесь мы можем себе позволить сконцентрироваться почти исключительно на производстве лекарства.

По мелочам нам помогает Агизур. Он сам набивался, предлагал свои услуги. Не стоит обижать парня и отказываться. Конечно, поручения, даваемые ему, на самом деле не такие важные, как мы нарочно их преподносим.

В его возрасте остро необходимо ощущать свою полезность и значимость. Поэтому элементарная уборка и вынос мусора обставляются нами чуть ли не как настоящий подвиг. Однако при этом ни-

кто из нас не позволяет себе шуток по этому поводу. Тем более что юноша, кроме всего прочего, оказывается ключевым звеном в осуществлении нашего плана дальнейших действий.

Мы уже неоднократно слышали от Агизура о могуществе того клана, к которому он принадлежит. Во время очередного разговора на эту тему в голову Аркадию Федоровичу пришла отличная идея. Он уточнил у парня некоторые нюансы и изложил нам свой замысел, который лег в основу плана наших действий.

Суть его заключается в следующем. Во-первых, мы должны приложить максимум усилий для того, чтобы произвести как можно больше вакцины. Эта задача выполнима, несмотря на полевые, или как мы шутим — пещерные, условия нашей деятельности.

Карский подсчитал, что достаточное количество вакцины можно изготовить даже при восьмичасовом рабочем дне с перерывом на обед. Хотя мы, конечно же, готовы ежедневно работать дольше.

Второй момент плана касается непосредственно нашего юного друга и его родственников. Именно через них мы планируем собрать в пещерном городе максимально большое количество людей, инфицированных вирусом Эбола. Причем не только из населенных пунктов, расположенных недалеко от оазиса, но и отовсюду, откуда берберы смогут доставить их.

Для связи с родственниками Агизура мы используем спутниковый телефон. Благо что он на момент начала песчаной бури находился в машине.

Парень звонит одному из родственников, номер которого знает наизусть. Он предполагает, что через него можно будет выйти на куда более широкий круг глав пустынных кланов.

Этот самый родственник — дядя по отцовской линии — выслушивает его, но все-таки не склонен верить в то, что племянник жив. Он знает о трагедии, приключившейся в Эль-Башаре, уверен в том, что все жители оазиса погибли. Юноша вынужден довольно долго втолковывать недоверчивому родственнику обратное, приводить доказательства, называть имена, вспоминать самые разные случаи из жизни клана, соглашаться передать трубку матери.

Только после этого дядя проявляет реальный интерес к собеседнику, признает племянника. Кстати, этого человека не стоит обвинять в излишней подозрительности. Ведь в стране идет война. Неизвестно, что с тобой будет в самое ближайшее время, с какой стороны ожидать провокаций. Поэтому осторожность дяди Агизура очень даже можно понять.

Главным же итогом телефонного разговора стало согласие родственника стать посредником в переговорах с лидерами других кланов берберов по вопросу доставки больных в пещерный город.

Однако вместе с этим тот требует личного присутствия племянника хотя бы на начальном этапе таких вот бесед.

Подобное заявление вовсе не кажется нам удивительным. Предводителям берберских родов наверняка понадобятся доказательства того, что сын одного из них жив, а слова о врачебной помощи больным — не блеф. Они имеют под собой реальное основание.

Мы долго спорим, стоит ли отпускать Агизура к родственнику в одиночку. Его путешествие только в одну сторону может занять пару-тройку дней. А сколько времени понадобится на все про все в целом, даже представить трудно.

Если где-то время — это деньги, то в нашем случае оно означает запас вакцины. Поэтому отлучаться на продолжительное время нельзя ни мне, ни Йордану. А уж об Аркадии Федоровиче даже речи в этом смысле не ведется.

Можно было бы отправить с парнишкой одного из волонтеров. Однако мы им не командиры. Наши добровольные помощники вправе самостоятельно решать, соглашаться им на это или нет.

Впрочем, наш юный друг заявляет, что готов справиться со своей миссией в одиночку.

— Пусть волонтеры останутся с вами, — говорит он. — Так вы сможете сделать больше лекарства.

Мы ему не перечим. Кахина, едва скрывая волнение, благословляет сына перед дорогой. Правда,

сначала парню придется наведаться на руины Эль-Башара, чтобы отыскать подходящего верблюда.

Вот тут я начинаю беспокоиться, так как с прошлой нашей вылазки в уничтоженный оазис помню безрассудные идеи юного бербера. Боюсь, что он полезет не туда, куда надо, и скрутит себе голову.

По этой причине, не озвученной при всех, я считаю необходимым сопроводить юношу до оазиса. Повод простой — обновить запасы продовольствия, отыскать какие-нибудь полезные бытовые вещи. Коллеги могут позволить себе отпустить меня на несколько часов ради столь важного дела.

О реальной подоплеке своей вылазки шепотом сообщаю Йордану уже перед самим отправлением. Тот понимающе кивает и желает удачи. Сам же Агизур, похоже, не догадывается, почему я в действительности взялся идти с ним в Эль-Башар. Тем лучше для нас двоих.

Мы выходим из пещер и повторяем наш недавний маршрут. Только в этот раз переход до шоссе происходит куда быстрее, чем в предыдущий. Сказывается опыт, полученный тогда. До оазиса мы добираемся без всяких происшествий.

На окраине Эль-Башара парень пытается попрощаться. Однако я, дружелюбно улыбаясь, заявляю, что помогу ему найти верблюда, а уж потом мы и расстанемся. Парнишка несколько секунд мнется.

«Неужели он и впрямь хотел забраться в больничный корпус или в административное здание?», — думаю я.

Мне не хочется верить в собственное предположение. Однако неловкая пауза вскоре иссякает. Юный бербер благодарит меня, и мы направляемся туда, где в прошлый раз видели верблюдов.

Одного из них, вполне подходящего, мы находим довольно быстро. Загвоздка заключается в том, что животное не спешит идти к нам, а наоборот, стремится убежать. Я не совсем понимаю, какие хитрости использует Агизур, но ему удается не просто остановить верблюда, а еще и расположить его к себе.

Если бы подобная задача стояла передо мной, то я вряд ли сумел бы решить ее. По крайней мере, мне пришлось бы изрядно побегать по оазису. Каким был бы результат моей суеты, сказать однозначно не берусь, но сильно сомневаюсь, что положительным.

Я хвалю парня за умение и ловкость. Тот безумно горд, но не забывает сказать мне «спасибо».

После этого мы прощаемся. Юный бербер садится на верблюда и отправляется в путь. Я сознательно не напоминаю ему о заминированной больнице, дабы лишний раз не будоражить мальчишеский интерес к опасным местам. Некоторое время я провожаю его взглядом и приступаю к своей миссии, как только он теряется из виду.

Выполнить мою задачу оказывается не так-то и просто. Попасть на целые «залежи» продуктов не получается. Иногда я нахожу что-нибудь в единичном виде, не гнушаюсь, подбираю, кладу в рюкзак.

С полезными бытовыми вещами дело обстоит немного проще. Я отыскиваю их быстрее, и многое в достаточном количестве.

Но в этом кроется другая проблема — как все это утащить в пещерный город? Если рассудить здраво, то мне тоже не помешал бы верблюд. Я укоряю себя за то, что не додумался до этого чуть раньше, когда рядом был Агизур. Впрочем, эти угрызения совести по большому счету пусты, так как я едва ли управился бы с верблюдом по причине полного отсутствия необходимых навыков.

Поэтому с приближением вечера мне приходится тащить на себе огромный рюкзак, набитый под завязку консервами, котелками, ковриками, одеялами и прочим добром. Мне тяжело, но я прилагаю все возможные усилия для того, чтобы доставить продукты и вещи в пещерный город. По пути я вынужден довольно часто останавливаться и делать передышку. Однако сама мысль о том, что я несу полезный груз, придает мне сил.

Пока я иду, вечер окончательно берет в свои объятия окрестности. В полутьме я пересекаю шоссе, бреду к входу в пещеры, занятые нами, и предвкушаю, как обрадую коллег, волонтеров

и Кахину своими находками. Я гадаю, сколько вакцины произведено за время моего отсутствия, даже спорю сам с собой на этот счет и усмехаюсь.

Едва я ступаю в пещеру, как тут же понимаю, что здесь что-то не так. Освещения почему-то практически нет. В мертвой тишине догорают несколько факелов. Я не могу понять, что происходит. Дежурный на входе не выставлен. Голосов тех людей, ради которых я тащил из Эль-Башара все это добро, не слышно.

Я спешно сбрасываю с себя рюкзак, хватаю факел и осматриваю все подземные помещения, занятые нами. Никого нигде нет. Вещи оставлены без присмотра. Грузовик на месте.

Вскоре я замечаю на полу следы крови, согибаюсь, освещаю их как можно лучше и трогаю пальцами, несмотря на то, что это может быть опасно. Однако мне нужно знать, насколько свежи эти пятна. Выясняется, что кровь уже запеклась.

Это означает, что здесь что-то произошло несколько часов назад. Быть может, как раз тогда, когда я нагружал рюкзак новыми находками.

Я не могу понять, что у нас приключилось. Больше всего меня удивляет то обстоятельство, что грузовик остался на месте. Если на моих товарищей кто-то напал, то почему же эти люди не угнали его? Они не могли не заметить машину. Неужели все дело в том, что они пришли не снаружи, а из самых глубин пещерного города?

Переносчик смерти

Я теряюсь в догадках, хочу отыскать другие следы крови в надежде на то, что по ним сумею отыскать путь к коллегам и беременной берберской женщине. Я выпрямляюсь, в этот момент слышу за спиной чьи-то шаги, оборачиваюсь и в изумлении замираю.

Передо мной стоят вооруженные люди. Среди них я узнаю фундаменталиста Лайда, уже основательно подзабытого мною за последнее время.

24

Нижние ярусы пещерного города, в глубину которых мы с коллегами так и не решились сходить, оказываются пристанищем кучки фундаменталистов. Я толком не сумел подсчитать, сколько их всего, но догадываюсь, что не менее двух десятков. Ведь только сейчас рядом сидят и сверлят меня глазами человек десять, включая этого чертова Лайда.

Судя по репликам, доносящимся от них, остальные находятся в разных пещерных комнатах. Таковых здесь, как и на нашем ярусе, очень даже немало. Теперь мне доподлинно известно, что являлось источникомочных шумов, так донимавших нас.

Я не знаю, как Лайд и некоторые его приспешники сумели уцелеть после обстрела их лагеря вертолетами вооруженных сил временного военного правительства. Он об этом не рассказывает.

Мне остается лишь удивляться тому, что они остались живы. Ведь до недавнего времени я был уверен в том, что с этой группировкой покончено. Оказывается, нет, не совсем так.

Среди тех людей, которые сейчас окружают меня, нет ни одного с видимыми признаками ранений. Да и заботит их явно что-то другое. Кажется, я даже догадываюсь, что именно.

Степень освоенности здешних пещер впечатляет. Фундаменталисты не просто забились в эти подземелья, но и по максимуму обустроили их для жизни. Здесь есть и керосиновые плитки, и солнечные элементы, выведенные куда-то наружу. Имеются даже работающий телевизор и ноутбук с подключением к Интернету!

Впрочем, мое удивление постепенно угасает. Я понимаю, что все это обустройство происходило постепенно, в довольно спокойных для террористов условиях. Это нам пришлось спешно покидать Эль-Башар, прихватив с собой фактически только грузовик с лабораторией. Они же за время своего пребывания здесь имели возможность настаскать сюда вагон и маленькую тележку всего того, что необходимо для долгосрочного пребывания в тени.

«Пребывание в тени» — это в данном случае не только образное выражение. Такова и суровая реальность для определенной части фундаменталистов, находящихся в пещерах. Они вынуждены жить в темноте. Как и все прочие, кто заразился вирусом Эбола, эти люди боятся света.

— Я знаю, что тебе и твоим друзьям врачам удалось найти способ лечить эту заразу, — демонстрирует Лайд свою осведомленность.

Он в курсе наших успехов в применении вакцины.

— И что же из этого следует? — спрашиваю я, стараясь сохранять спокойствие.

— Ты должен помочь моим людям, — отвечает Лаид, глядя мне в глаза, будто гипнотизируя. — Они страдают от этих ужасных болей, иногда даже кричат. Мы рискуем подхватить заразу, но не можем их бросить. Они — наши братья по оружию. Мы много чего пережили вместе во имя исполнения воли Всевышнего.

Я слышу это, и мне жутко хочется сорваться, вскипеть, припомнить зверства, чинимые группировкой Лаида, плюнуть ему в морду за взятие нас в заложники, сказать: «Да пошел ты к черту, поганый фанатик!»

Однако я сдерживаю порывы праведного гнева, сжимаю кулаки и молчу. Ведь мои крики ничего не изменят. Лаид не станет лучше и уж тем более не провалится в ад. Все эти гневные слова останутся для него пустым звуком. Он вряд ли меня пристрелит, потому как прекрасно понимает, что я ему нужен ничуть не меньше, чем электричество для его компьютера и телевизора.

— Так что? Поможешь? — Главарь фундаменталистов явно устает от моего молчания и подталкивает меня к ответу.

Мое мнение о нем и его людях ничуть не меняется. Однако я врач. Клятва Гиппократа для меня превыше всего. Именно поэтому я готов лечить даже таких подонков, как его дружки. Хотя

для этого мне и приходится приложить изрядное количество усилий.

— Помогу, — кое-как выдавливаю я из себя.

— Хорошо! — радостно вскрикивает боевик.

Я уверен, что он думает, будто сломил меня. Вряд ли ему в голову пришла мысль о врачебной клятве. Кажется, подобные вещи данному субъекту непонятны, так как он живет в совершенно другом мире. С иной системой координат. Со своими собственными представлениями о том, что такое добро и зло.

— Наша лаборатория цела? — спрашиваю я, хотя и уверен в том, что она нисколько не пострадала.

— Да. Мы ничего там не трогали, — говорит Лаид. — Можешь сам в этом убедиться. Только, пожалуйста, без фокусов. Договорились?

— Да какие уж теперь фокусы, — уклончиво мямялю я, ловя себя на мысли о том, что безумно обеспокоен участью своих коллег и беременной берберской женщины.

Мне непонятно, почему главарь боевиков ничего не говорит об их судьбе, не упомянул никого, когда излагал свое требование. Он ведь мог не просто сказать, что я должен лечить боевиков, а выставить в качестве аргумента факт нахождения у него заложников. Но Лаид об этом даже не заикнулся. Ни одного намека. Будто и нет никаких заложников.

А может, фундаменталисты изначально переборчили и сейчас никого из тех, о ком я беспо-

коюсь, уже нет в живых? Если это действительно так, то где же тогда находятся их тела? Впрочем, глупый вопрос. В пещерном городе хватит места на то, чтобы спрятать не одну сотню трупов.

Я тяжело вздыхаю. Руководитель террористов смотрит на меня с нескрываемой издевкой и молчит.

- Где мои коллеги? — не выдерживаю я.
- Неважно, — бросает он в ответ.
- Они живы?
- На все воля Всевышнего.
- А если я скажу, что не смогу без их помощи лечить твоих больных друзей?
- Я знаю, что ты можешь это сделать и в одиночку. Поэтому не задавай больше глупых вопросов и приступай к работе.

25

Несколько боевиков, больных лихорадкой Эбола, явно идут на поправку. Лайд едва скрывает свой восторг. Я догадываюсь, что изначально он не был стопроцентно уверен в единственности вакцины Карского. Но теперь Лайд видит, как улыбаются его подельники. А ведь еще пару дней назад они страдали от ужасающей боли.

Главарь доволен первыми результатами. Он надеется, что полное выздоровление наступит со дня на день, но не благодарит меня и не спешит намекнуть о судьбе моих коллег и Кахины. Хотя я ощущаю, что он немного изменил свое отношение ко мне, заметно подобрел.

Это проявляется в том, что мне стали давать больше еды. Теперь она вкуснее, чем была в самом начале моих работ здесь, на нижних ярусах пещерного города.

Кроме этого, Лайд разрешает мне выходить наружу, чтобы подышать свежим воздухом. Разумеется, мои прогулки за пределами пещер проходят в сопровождении парочки автоматчиков. Но и это

гораздо лучше, чем постоянное нахождение в пещерных комнатах и галереях, которое мне пришлось испытать на первых порах.

На каждой такой прогулке меня преследует одна и та же мысль. Конечно, о бегстве. Я внимательно осматриваю окрестности и прикидываю, как можно унести отсюда ноги и не схлопотать при этом свинца в спину. Всякий раз мой план корректируется.

Впрочем, мои соображения вряд ли можно назвать планом. Это скорее разрозненные наметки, которым не хватает цельности и реалистичности.

Было бы прекрасно, если бы охрана, приставленная ко мне, не обратила внимания на мою прогулку до высоких камней. Тех самых, через которые мы с Агизуром переходили к шоссе. Если бы сейчас мне удалось подойти к одному из них на расстояние хотя бы десяти метров, то можно было бы попытаться быстро скрыться за ним и затем продолжать бег уже под прикрытием.

Однако и в таком случае моя попытка была бы весьма рискованной. Охрана может открыть огонь раньше, чем я добегу до камня.

Надо подумать, как ее нейтрализовать хотя бы на короткий отрезок времени. Можно было бы бросить горсть песка в глаза моих конвоиров. Но, чтобы это сделать, сначала нужно наклониться к земле и опустить руку. А это у меня едва ли получится. Хотя песок можно подготовить заранее, еще в пещере. Например, спрятать его в отвороты закатанных рукавов.

Я пытаюсь прокручивать в голове и альтернативные сценарии моего побега. Например, удрать не во время прогулки, а ночью, прямо из пещерного города. Но и в этой затее риска не меньше. Кроме опасности наткнуться на выставленных часовых, есть и другая. Я запросто могу заблудиться в пещерных галереях.

Лайд будто чувствует, что я готов пойти на нечто подобное. Когда его ребята ведут меня на прогулку, они всякий раз завязывают мне глаза. Боевики снимают с моей головы эту тряпку на выходе из пещерного города. По такой вот причине я до сих пор толком не представляю, где находится логово боевиков относительно пещер, занятых нами. Поэтому вариант ночного побега тоже под большим вопросом.

Думаю, что можно было бы прицепиться к фундаменталистам, которые совершают ежедневные рейды за пределы пещерного города. Прикинуться, что для работы нужно что-нибудь особенное, чего здесь нет. Уговорить их взять меня с собой, к примеру, на руины Эль-Башара, где я мог бы невзначай потеряться.

— Ты чего такой задумчивый? — интересуется Лайд в тот самый момент, когда я размышляю над очередным вариантом побега.

— Вроде все как обычно. Наверное, просто устал, — спокойно отвечаю я.

— Смотри, не надумай дать от нас деру, — предупреждает он. — Такая затея может очень плохо кончиться. И не только для тебя...

— Ты о моих коллегах?

— А ты сам подумай, — заявляет главарь и уходит, оставляя меня в полном смятении духа.

Я никак не могу понять, почему он говорит со мной о судьбе моих коллег лишь полунаемками. Кручу этот факт и так и эдак. Самой логичной мне представляется такая вот невеселая версия: бандиты не оставили в живых никого из них. В противном случае они давно уже устроили бы нам «очную ставку». Да и к работе по вакцинации их тоже привлекли бы. А так... Мне горько это признавать, но, скорее всего, они мертвые.

А коли так, то мое бегство на их судьбе уже никак не отразится. Хуже, чем есть, я им точно своим побегом не сделаю. Значит, нужно немедленно воплощать свой замысел в жизнь.

Мои мысли прерывает громкий стон одного из зараженных боевиков. Отпетые негодяи вроде него страдают от Эболы точно так же, как и ни в чем не повинные люди. Болезнь не разбирает, кто добрый, а кто злой. Ей наплевать, прав ты или виноват. Она подкашивает любого, невзирая на цвет кожи, половую принадлежность, политические взгляды или вероисповедание.

А раз так, то всякий человек, оказавшийся в ее объятиях, нуждается в моей помощи. Я осознаю, что как человек ненавижу каждого из них. Но как врач я не могу их бросить на произвол судьбы. Я лечу их и хочу надеяться на то, что, пройдя через страдания, многие из них изменятся. Хотя в это верится с трудом.

Переносчик смерти

С другой стороны, их лечение — это еще и нейтрализация очередного очага заражения.

В общем, мысли о бегстве постепенно улетучиваются из моей головы. Я продолжаю работать. Ведь никто из фундаменталистов, находящихся здесь, не сумеет самостоятельно воспользоваться мощностями нашей передвижной лаборатории. Они не синтезируют из концентрата новые запасы вакцины. Да и теми, которые уже имеются, тоже вряд ли сумеют воспользоваться. Тут нужен специалист.

К тому же среди зараженных боевиков наблюдается своеобразная ротация. Одни идут на поправку, другие заболевают. Не зря они все смотрят на меня как на какого-то кудесника.

26

После ужина Лаид приглашает меня в свою комнатку. С учетом специфики условий, в которых мы находимся, она выглядит даже роскошно. Здесь есть стол, да и сидеть можно не только на кровати. Благодаря солнечным элементам в комнатушке есть электрический свет.

Я пытаюсь догадаться, по какому поводу грядет разговор. Но то, что в итоге слышу от главаря, в одночасье перечеркивает все мои соображения.

— Я смотрю на тебя, и мне очень жаль, что ты не один из нас, — говорит он.

— И чем это мне мешает? — осторожно спрашиваю я.

— Это порождает определенное недоверие к тебе, — продолжает он. — Да, за это время ты сделал многое, чтобы наши братья встали на ноги. Не пытался бежать. Но все же ты не один из нас, все еще чужак.

— Все еще?.. — повторяю я, не улавливая смысла его слов.

— Ну а что тут таить? Все ведь может измениться, и ты станешь нашим. Стоит тебе только принять истинную веру. Уже сейчас мои бойцы смотрят на тебя как на брата. А если ты откроешь свое сердце Всевышнему, то они за тебя горой стоять будут. Тогда мы могли бы продолжать борьбу вместе. Ты и я во главе огромной армии.

— Армии? Она у тебя есть? — не перестаю удивляться я.

— Есть или нет — сейчас это не так уж и важно, — отмахивается он. — Главное в другом. Имея такое чудодейственное средство, как вакцина, исцеляющая страшную заразу, мы можем собрать под свои знамена тысячи, даже сотни тысяч добровольцев по всему миру! Начнем прямо здесь. Селение за селением! Город за городом! Эта вакцина сейчас значит больше, чем самое крутое оружие. Если страждущие жители любого населенного пункта будут знать, что мы несем им исцеление, то они своими руками расчистят нам путь. Они поднимут на ножи войска хунты и выбросят их на помойку. Это будет наше триумфальное шествие!

— Да, такая картина впечатляет, — без особого энтузиазма говорю я и продолжаю: — Но откуда столько уверенности в том, что тебя станут поддерживать все жители твоей страны?

— Если они не самоубийцы, то должны поддержать, — горделиво отвечает Лайд.

— Что это значит? — спрашиваю я, теряясь в тревожных догадках.

— А то и значит! Каждому придется выбирать. Он с нами либо нет, — заявляет собеседник, выразительно жестикулируя. — Все будет решено крайне просто. Любой человек, который откажется меня поддерживать, будет лишен возможности пройти вакцинацию. То есть сначала клянись мне в верности, признавай мои идеи, становись под знамена, а уже затем получай необходимое лечение. Если кто-то откажется, то пусть подохнет в страшных муках! Жалеть об этом ни я, ни мои соратники точно не будем. Эта эпидемия уже сейчас стала для многих верующих жителей нашего государства моментом истины. С вашей же вакциной у нас есть реальный шанс очистить страну от всякого сбrosa, который сомневается в вере и в силе нашего Всевышнего. В новое царство войдут только крепкие в вере люди. С ними мы и продолжим наше победное шествие по миру. Те люди, которые побывают на краю гибели, но выздоравливают благодаря вакцине, наверняка станут моими самыми верными сподвижниками. Это и есть истинное очищение. Без буйства эпидемии мы еще не скоро смогли бы устроить его сами.

— Звучит фантастически, — говорю я, стараясь не проявлять никаких эмоций, хотя услышанное поражает меня своей отъявленной кровожадностью и людоедством.

— В том-то и дело, что ничего фантастического здесь нет! — восторженно восклицает главарь. — Время сейчас такое, что любой замысел, еще вчера казавшийся совершенно нереальным, сегодня

Переносчик смерти

может быть воплощен в жизнь. — Он замолкает и некоторое время смотрит на меня.

Видимо, ожидает появления в моих глазах такого же восторженного блеска, как и у него.

Однако ничего подобного не происходит, и Лайд, словно торопя меня, говорит:

— Ну так что? Ты готов примкнуть к нам? Подумай только, ведь ты можешь стать великим человеком. Миллионы людей будут припадать к твоим ногам в знак благодарности и смирения.

— Вынужден отказаться, — тут же говорю я. — Я просто врач, а не какой-нибудь религиозный или политический деятель. Покорение мира не входит в мои планы. Я лечу людей и хочу продолжать это делать до тех пор, пока у меня будет хватать сил. Поэтому...

— Ты не спеши с ответом, — прерывает меня фундаменталист, с лица которого в одночасье исчезает улыбка. — У тебя еще есть время обдумать мое предложение и дать взвешенный ответ. Правда, его не так уж и много. Поэтому думай, но не особо затягивай с ответом.

Я слушаю Лайда и отмечаю про себя, что его тон стал несколько зловещим. Он требует подумать, но при этом прямо указывает мне на то, каким должно быть мое решение.

27

Ночь. Я нахожусь в отведенной мне пещерной комнатке. Должен спать, но никак не могу. Слишком много мыслей роится в моей голове.

Я размышляю не только над словами главаря фундаменталистов, но и над ситуацией в целом. Она кажется мне безысходной. Мне сложно решить, что я должен делать далее. Да, я буду помогать здешним больным. Но в один прекрасный момент мне скажут: ты с нами или с пулей во лбу.

Хотя такого может и не случиться. Не исключено, что люди, выздоровевшие с моей помощью, защитят меня в знак благодарности за исцеление. Впрочем, кто их знает. Реальность обещает быть непредсказуемой. Как для меня, так и для них.

Из соседних помещений доносятся стоны больных. Я давно привык к этим звукам. Они ничуть не мешают мне.

Однако в какой-то миг мне удается различить среди них голос Лайда. Я напрягаю слух.

Слова звучат не очень отчетливо. Однако я догадываюсь, что он с кем-то ведет разговор. Исходя

из того, что реплик собеседника вообще не слышно, я делаю вывод: Лайд говорит по телефону.

Меня распирает от любопытства. Я не знаю, о чем идет речь. Но предполагаю, что в разговоре может быть затронута судьба моих коллег и вдовы берберского вождя. Даже если я и ошибаюсь в своем предположении, то все равно не мешало бы послушать, понять хотя бы общий смысл этой беседы.

Комната мою никто не охраняет. Но я рискую наткнуться на кого-нибудь из боевиков рядом с ней, прямо в галереях. Мне приходится быть максимально осторожным. Я стараюсь передвигаться бесшумно, чтобы не привлечь постороннего внимания. Стоны больных сейчас мне на руку.

Я подкрадываюсь к комнате главаря, прячусь сбоку от входа. Теперь голос Лaida слышен вполне отчетливо. К моему счастью, он говорит по арабски. Это значит, что в общем и целом я сумею разобраться, о чем идет речь.

Правда, сначала мне приходится въезжать в контекст — слова понятны, но смысл не улавливается. Я довольно быстро справляюсь с этой трудностью, слушаю и схожу с ума от того, что становится мне известным. Главарь фундаменталистов беседует с кем-то из тех людей, которых он совсем недавно называл прислужниками шайтана.

Естественно, я не могу расслышать, как реагирует на слова Лaida его собеседник. Но общая картина переговоров и без этого вырисовывается весьма выразительно.

Лаид затевает еще одну игру. Беседуя со своими заклятыми врагами, разбомбившими его лагерь, он не предъявляет им никаких обвинений. Стремится говорить спокойным, но при этом уверенным тоном. Предлагает военным объединить усилия и поделить власть.

Я полагаю, что такое заявление вызывает у его собеседника ступор или нечто подобное. Фундаменталист же тем временем продолжает гнуть свою линию. Он соглашается с тем, что на стороне временного правительства сейчас очевидный военный перевес. Но вместе с тем напоминает, что ни один боец правительственных войск не застрахован от опасности подхватить вирус Эбола.

Спасителем главарь боевиков выставляет себя лично. В случае заключения союза с военными он обещает спасти от болезни всех солдат, которые в этом нуждаются.

С ужасом для себя я осознаю, что игра, затеянная Лаидом, очень серьезна. Она смертельно опасна не только для жителей этой страны, но и для человечества в целом. Причем в любом случае, независимо от того, согласятся ли военные на союз с фундаменталистами или нет. Лаид — это абсолютное зло, которое не остановится ни перед чем в стремлении достичь своей сумасшедшей цели.

28

Лайд требует от меня ответа на свое предложение. Я продолжаю упорствовать. Заявляю, что обращаться в его веру не стану. Напоминаю о своей профессии.

— Если бы не верность врачебной клятве, то я не стал бы помогать твоим товарищам, — приходится мне втолковывать ему очевидное. — Отступить от нее я не могу. И в дальнейшем буду помогать всем тем людям, которые в этом нуждаются. Мне нисколько не важно, кто именно передо мной окажется. Мусульманин, христианин, иудей или атеист, бербер или араб, европеец или чернокожий — все для меня одинаковы. Это мое личное убеждение, изменить которое невозможно.

— Изменить можно любое убеждение, — не соглашается со мной главарь. — Если не по доброй воле, то под нажимом обстоятельств. Ты пока подумай еще над моим предложением, а об этих вот самых обстоятельствах поразмысли я. — Он снова не объясняет, что имеет в виду.

У меня в голове опять вспыхивает мысль о моих коллегах.

«Уж не ими он собирается шантажировать меня?» — задаюсь я вопросом, но через некоторое время заверяю себя в том, что ошибаюсь.

К величайшему сожалению, все мои коллеги погибли.

Я продолжаю работать. Лечу боевиков. Надеюсь, что их настигнет справедливая кара в одном из ближайших боев или на суде над военными преступниками, но не прекращаю им помогать. В подобном двусмысленном положении я оказывался и прежде. Однако такая глубина противоречивости моих чувств и мыслей достигнута, пожалуй, в первый раз. Хоть ты разорвись!..

Ко мне подходит один из помощников Лаида и велит подойти в одну из пещер.

— Командир зовет! — добавляет он, видя, что я слишком уж медленно реагирую на его слова.

Я иду вслед за ним. В пещере вижу боевиков и их главаря. Все вооружены. У стены стоят несколько пожилых женщин. Судя по их нарядам, это берберки. Посыльный кивком указывает мне на место, где я должен остановиться. Никто ничего не говорит. Женщины тихо плачут.

Главарь фундаменталистов взмахом руки отдает приказ. Его приспешники вскидывают автоматы и передергивают затворы. Мне кажется, что пройдет еще одна секунда, и они начнут палить по этим несчастным старухам, стоящим у стены.

— Стойте! — вскрикиваю я. — Что вы делаете?!

В чем виноваты эти женщины?

— А тебе какое дело? — спесивым тоном бросает Лаид. — Здесь я главный. Сам решаю, что и как мне делать.

— С этим ведь никто не спорит. Но зачем убивать ни в чем не виноватых женщин?!

— А затем, чтобы ты наконец-то перестал строить из себя недотрогу из султанского гарема и принял мое предложение.

— Что? — недоуменно переспрашиваю я, вспоминая его фразу о вынуждающих обстоятельствах.

— Думаю, ты понял, что шутить я не буду, — реагирует Лаид. — Раз уж ты такой правильный, то я даю тебе еще пару суток на размышление. Но через сорок восемь часов приму только твой положительный ответ. Если и он будет отрицательным или же ты захочешь уклониться, то эти бабы будут расстреляны. Не зря мои люди сегодня захватили их. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — выдавливаю я из себя, ощущая всю тяжесть этого подлого шантажа.

— Так-то лучше, — с ухмылкой говорит гла-варь, дает своим орлам команду опустить оружие и увести женщин, потом добавляет: — Пусть эти старухи по хозяйству что-нибудь сделают. Уборку, например. Чтобы просто так не сидели. А то жалко на них еду просто так расходовать. Пускай отрабатывают. А там на все воля Всевышнего, милостивого и милосердного.

Главарь фундаменталистов поставил меня перед тяжелейшим выбором, ценой которого является чья-то жизнь. И даже не одна. Я, конечно же, не хочу, чтобы эти бабушки погибли, но и согласиться на тесное сотрудничество с Лаидом не могу.

Со стороны может показаться, что я и так на него работаю. Однако на самом деле я просто выполняю свой врачебный долг. Не более того.

Сейчас же меня вынуждают совершить опрометчивый шаг, пересечь невидимую грань и стать таким же, как любой из этих негодяев. Мне не хочется этого делать, но Лаид загоняет меня в угол своим шантажом.

Поэтому я вынужден снова задумываться о бегстве. На этот раз уже без оглядки на клятву Гиппократа. Ведь сейчас меня вынуждают выбирать между двумя вариантами зла, которые я должен буду принести этому миру. Поэтому бегство выглядит едва ли не единственным способом избежать такого позорного испытания.

При этом я понимаю, что нужно бежать не просто так, а вместе с вакциной. Весь запас унести будет непросто, но взять с собой максимально возможное количество вполне реально. Мне безумно жаль, но остаток придется уничтожить, сделать так, чтобы у террористов не оставалось совершенно ничего.

Для верности стоит перед уходом расколотить вдребезги все лабораторное оборудование. Нельзя допустить такой вариант развития событий, при

Переносчик смерти

котором фундаменталисты получат возможность самостоятельно производить вакцину.

Да, на данный момент у боевиков нет таких знаний или специалистов, обладающих ими, разумеется, не считая меня. Однако если оставить лабораторию целой, то люди непременно найдутся. Лайдбросит на их поиски все свои силы.

А для чего ему нужна вакцина, мне уже известно. Лекарство против лихорадки Эбола может стать самым действенным оружием террористов. Допустить этого я никак не могу. Поэтому мысль об уничтожении лаборатории становится доминирующей в моем сознании.

Вместе с тем я осознаю, что мой побег не сможет спасти берберских женщин, захваченных бандитами. От этого клубка противоречий голова идет кругом. Порой мне кажется, что все мои планы обречены на провал еще до начала их реализации.

29

На следующий день перед обедом ко мне подходит одна из берберских женщин. Делает она это с большой осторожностью. Не хочет привлечь внимания боевиков.

Я несколько обескуражен тем, что ей вдруг захотелось со мной побеседовать. Предполагаю, что она будет просить меня согласиться с требованиями Лаида, дабы тот из-за моего упорства не устроил расправу над ней и ее подругами по несчастью. Однако улыбка этой старушки сбивает меня с толку.

На какое-то мгновение в моей голове проскальзывает мысль: а не провокация ли все это? Ведь тому же Лаиду ничего не стоит разыграть передо мной самый настоящий спектакль, а потом направить одну из его участниц на разговор со мной.

В таком случае его расчет простой. Я увижу заплаканную бабушку, и мое сердце дрогнет. Я не замечу подвоха и из сострадания к заложницам соглашусь на сотрудничество с фундаменталистами.

Но если это так, то почему с уст берберки не сходит эта странная улыбка? Она смотрит на меня так, будто знает обо мне куда больше, чем должна была бы.

Женщина замечает мою настороженность и недоверчивость.

— Если ты думаешь, что меня сюда послал этот разбойник, то не бойся. Это не так, — говорит она по-арабски, не сводя с меня глаз. — Я подошла по своей воле. Слышала о тебе много хорошего. Твое доброе имя быстро подхватили наши братья и сестры на широких просторах Каменистой Сахары.

— Это еще из-за чего? — уточняю я, хотя догадываюсь, что без Агизура здесь не обошлось.

— Я же тебе говорю, что слухами пустыняолнится, — как ни в чем не бывало продолжает она. — Мы знаем, что ты не злой. Ты помогаешь людям избавиться от этой страшной заразы. И это очень-очень хорошо. Ты занимаешься важным и полезным делом. Тебе не нужно подставлять свою голову из-за нас. Ты должен жить и продолжать свою работу. Кто знает, может быть, именно тебе суждено спасти нашу страну от этой ужасной болезни.

— Я, конечно, тронут вашим вниманием ко мне, но что вы предлагаете делать?

— Я не предлагаю, а прошу, чтобы ты уносил отсюда ноги. Я и остальные женщины уже старые. Ты сам это видишь. Мы свой век уже прожили. Не сегодня, так завтра все равно умрем. Пусть даже

и от рук этих негодяев. Главное, чтобы ты спасся и помог страдающим людям исцелиться от злого недуга. — Она говорит обо всем этом до жути спокойно.

— Но я не могу обрекать вас на гибель! — возражая я. — Какой после этого из меня врач!

— Ты не кипятись, — успокаивает меня собеседница. — Врач из тебя очень хороший. А о нашей судьбе беспокоиться не надо. Считай, что мы тебя благословляем. И на побег, и на то, чтобы ты спас еще многих людей.

— Но...

— Никаких «но», — перебивает она меня. — Если ты не знаешь, как отсюда убежать, то я тебе подскажу. Мы с моими товарками уже думали об этом.

— И что же вы надумали? — решаюсь спросить я.

Хотя мне хочется сказать, что я не могу принять от них такую жертву, как их жизни.

— Кое-что толковое, — уверенно продолжает берберка. — Ты сам знаешь, что этот негодяй поставил нас прибираться за ним и его дружками. Мы убираем в их каморках, готовим еду, ходим за водой и все такое прочее. Как видишь, охрана к нам не приставлена. Мы просто выполняем работу, порученную нам. За нами никто не следит. Эти негодяи понимают, что мы уже старые и не сможем убежать. И вот то обстоятельство, что за нами не следят, ты и должен использовать для своего спасения. Понимаешь?

— Если честно, то не совсем.

Однако бабушка все мне растолковывает, и я удивляюсь, почему сразу не уловил суть их плана.

Поздно ночью одна из заложниц приносит мне одежду — берберский женский наряд. За последобеденное время я успел подготовить несколько грелок с питьевой водой, консервы, сухари, нож и прочее, что может понадобиться мне в пути.

Все это добро я разными способами навязываю себе на тело, добавляю узелок со своей одеждой и лишь после этого облачаюсь в костюм берберской женщины. Бабулька, принесшая его, помогает мне. Ведь здесь имеются свои хитрости, с которыми я не знаком. Поэтому лучше, если с одеванием помогает тот человек, который постигал все эти премудрости на протяжении семи десятков лет. Костюм должен сидеть естественно.

Боевики на этих старушек почти не смотрят, но мне хочется заранее упредить любой казус. А то ведь какая-нибудь мелочь может броситься в глаза людей Лайда и вызвать подозрения.

Потом я пытаюсь отдохнуть хоть немного. Сон мой тревожный и прерывистый. В видениях мелькают то Карский и Христов, то Агизур с Кахиной. Один раз мне пригрезилась даже Джулия Раст.

Ближе к утру, но еще до наступления рассвета, я просыпаюсь. Почти все боевики в это время еще мирно почивают. Я же собираюсь с мыслями и ожидаю, когда заложницы направятся за пределы пещер.

Они появляются довольно быстро. Идут бесшумно, но не настолько тихо, чтобы их заподозрили в каком-нибудь заговоре.

Проходя мимо моей комнаты, одна из женщин зовет меня. Я присоединяюсь к ним. Они окружают меня. Одна из них поправляет повязку на моем лице.

Мы направляемся к галерее, ведущей к выходу. Предлог для такой ранней вылазки есть. Помощник Лайда обязал заложниц собирать сухой верблюжий помет, который используется для разведения огня. Понятно, что одна женщина много топлива не собирает. Поэтому их отправляют наружу гуртом. Это обстоятельство играет мне на руку.

По дороге мы встречаем двух часовых, выставленных на развилке нескольких больших галерей. Женщины даже заговаривают с ними, просят напомнить, куда нужно идти, чтобы не заблудиться. Им объясняют. Я в напряжении слушаю и жду, когда же мы наконец-то пойдем дальше. Часовые не обращают на меня никакого внимания.

Мы продолжаем путь и доходим до пещеры с лабораторией. Я легким кашлем намекаю спутницам, что мне необходимо отлучиться. Они замедляют ход, я осторожно прошмыгиваю к пещере.

Я не хочу, чтобы лаборатория оставалась у фундаменталистов. Мое естественное желание в этих условиях — уничтожить ее полностью, например, сжечь, либо вывести из строя, испортить каким-нибудь образом.

Я оказываюсь у пещеры, но заходить вовнутрь не спешу. Прислушиваюсь и понимаю, что неподалеку от входа стоят по крайней мере двое боевиков. Ну, действительно, как же Лаид может оставить лабораторию без охраны?! Если с ней что-то случится, то триумфальное шествие по всему миру и его окрестностям, задуманное им, прекратится, так и не начавшись.

Несмотря на все мое желание, я трезво оцениваю ситуацию и отказываюсь от своего намерения. Я с большим сожалением отхожу от пещеры с лабораторией и возвращаюсь к берберкам. Они ничего у меня не спрашивают. Мы молча идем к выходу.

Там стоят еще двое часовых и лениво смотрят на старух. Ни один, ни второй не удосуживаются даже спросить что-то у них. Не говоря уже о тщательной проверке или обыске, что было бы для меня крайне нежелательным. Боевик, торчащий ближе к проходу, равнодушно машет рукой в направлении шоссе.

Мы спокойно выбираемся наружу. Внимание охранников после нашего выхода ничуть не усиливается. Такое ощущение, будто им на самом деле наплевать на заложниц.

По обрывкам фраз я догадываюсь, что рядовых фундаменталистов заботят совсем другие проблемы — от скудности еды до лихорадки Эбола. Я ухмыляюсь, сравнивая их питание с тем, что имели в пещерном городе мы. Вот у нас-то пайка дей-

ствительно была скучной. Так что этим борцам за веру грех жаловаться.

С другой стороны, подобное нытье наталкивает меня на предположение, что какая-то часть боевиков может быть деморализована. Если бы я был разведчиком противоборствующей группировки, то данная информация была бы весьма полезна. Однако я ни с кем не воюю. По крайней мере, мое призвание заключается в ином.

Мы спускаемся к шоссе. Путь, которым ведут меня берберки, отличается от прежнего, пройденного несколько раз. Женщины берут чуть правее и начинают расходиться в поисках верблюжьего помета.

Но не все. Две из них продолжают сопровождать меня до тех пор, пока мы не теряемся из вида охранников. Когда это происходит, женщины указывают мне на скалу.

Я смотрю на нее и не понимаю, что они имеют в виду, и спрашиваю об этом. Старушки повторяют свой жест. Я вглядываюсь и наконец-то соображаю, что скала не сплошная. Там огромная пещера, которую не видно со стороны дороги.

Но почему я должен идти туда? Мне приходится спросить и об этом. Одна из моих спутниц выставляет перед собой руки и начинает двигать ими так, будто что-то крутит. На этот раз я быстро догадываюсь, что бабуля изображает руль. Значит, в пещере находится автомобиль. Я благодарю женщин и направляюсь туда, куда они указывали.

Переносчик смерти

Вскоре я вижу, что в пещере не одна, а несколько машин. Присматриваюсь, нет ли охраны. Трачу на это около пяти минут и никого не замечаю.

Я рисую и направляюсь к одному из автомобилей. Это армейский джип, который мне приглянулся сразу же, как только я сумел разглядеть транспорт, стоящий здесь. Иду украдкой.

До самого конца пути меня не покидает предчувствие, что вот-вот откуда-нибудь появятся боевики и схватят меня. Или пристрелят, так как из-за женской берберской одежды не узнают, кто на самом деле перед ними. Все, однако, обходится.

Я забираюсь в джип. Ключа, чтобы завести машину, в замке зажигания, естественно, нет. Это был бы уж чересчур роскошный подарок для меня. Но я не унываю, несколькими ударами выбиваю нужный блок, присоединяю проводки и завожу джип.

Я стараюсь не создавать лишнего шума. Аккуратно выезжаю из пещеры и по накатанной колее выруливаю к шоссейной дороге. Только тогда, когда оказываюсь на шоссе, я резко давлю на газ. Мотор ревет. Вздымая клубы дорожной пыли, джип мчится прочь от Эль-Башара.

Я крепко держусь за руль, затаив дыхание, слежу за дорогой и почти не сомневаюсь в том, что погоня не заставит себя долго ждать. Я успеваю проехать несколько километров, прежде чем замечаю преследователей в зеркало заднего вида.

30

Несколько машин, гоняющихся за мной, заметно прибавляют скорость. Могу себе представить, какой приказ по поводу меня получили боевики, сидящие в них. Лаид наверняка велел им взять меня живым.

Ведь если я буду изрешечен пулями, то все его грандиозные планы в одночасье окажутся под угрозой срыва. Учитывая тайные переговоры с военными, главарю фундаменталистов я нужен живым именно сейчас. Как свидетельство того, что у него есть и вакцина, и специалисты, которые могут ее создавать. Поскольку в сжатые сроки найти мне подходящую замену он не сумеет, то все силы бросил на погоню за мной.

Так или иначе, но мне не хочется попадаться в лапы приспешников Лаида. Я не жажду ни встречи с ними, ни возвращения в пещерный город.

Джип приближается к крутому повороту. Я удивляюсь, что соответствующий дорожный знак до сих пор на месте. Если бы у меня был

хотя бы небольшой запас времени, то я попытался бы свалить его.

Зачем? А в надежде на то, что преследователи плохо знают дорогу, рванут на повороте по прямой линии и вылетят на обочину. Возможно, что это и не причинило бы вреда ни машинам, ни боевикам, сидящим в них. Однако такая беда значительно затормозила бы преследование. Мне удалось бы окончательно сбросить этот навязчивый хвост.

Но времени для остановок у меня нет. Мой джип резко сворачивает, поднимая в воздух очередное облако пыли, и далее мчит по прямой.

Через небольшой промежуток времени на повороте появляются мои преследователи. Отрыв между нами более-менее ощутимый. Но мне этого мало. Как и понимания того, что боевики, мчащиеся за мной следом, вынуждены дышать пылью, поднятой моей машиной.

Впереди горы, типичные для этой местности, не самые высокие. У их подножия — развилка. Одна дорога идет вдоль хребта, вторая — на подъем. Мне нужно срочно решать, куда именно направиться дальше.

Я на всякий случай сбрасываю скорость, приближаюсь к развилке и только там понимаю, что первый путь перекрыт. Уж не знаю, что здесь произошло, но дорога изрыта воронками. В пределах видимости громоздятся остовы сгоревших машин и каменные завалы. Возможно, военные и тут успели провести акцию возмездия.

Я сворачиваю на горную дорогу, которая серпантином идет вверх. Подъем не крутой, но машине с не столь мощным движком было бы трудновато сохранять приличную скорость. Я рад, что не ошибся, угнав у фундаменталистов именно армейский джип. Он оказывается безупречным для такого вот ралли.

Я гоню не особо, держу обороты выше средних. Можно выжать и больше. Но это опасно по одной простой и весьма серьезной причине. Я рисую не справиться с управлением, вылететь за пределы горной дороги и оказаться внизу. Такой поворот событий был бы для меня не самым желательным.

А вот моих преследователей, судя по всему, эта опасность ничуть не заботит. Некоторое время я не вижу их вообще. Но вскоре они снова оказываются у меня на хвосте. При этом движутся очень быстро, стараясь выжать из своих тачек все, на что те способны в горной местности.

Я удивляюсь, что боевики еще не улетели под откос. Ведь дорога здесь действительно очень опасная. Могу лишь позавидовать мастерству их водителей. Такие резкие повороты совершил не каждый.

Я оглядываюсь на них, потом давлю на газ и против собственной воли испытываю свое водительское умение. Теперь мне приходится безумно гнать по незнакомой горной дороге.

Мою попытку уйти в отрыв преследователи встречают нервной реакцией. Я слышу их возгла-

сы. Не могу разобрать, кричат они что-то конкретное или просто орут, как дикари на загонной охоте. Но сам факт того, что их окрики долетают до моих ушей, заставляет меня насторожиться.

Значит, расстояние между нами еще меньше, чем мне кажется. Нужно заставить джип ехать быстрее. Опасность не справиться с управлением при этом возрастает в разы.

Правда, теперь я замечаю, что реально начинаю идти в отрыв. Щебенка разлетается из-под колес в разные стороны. Вверх взмывают все новые и новые клубы пыли.

Моя непокорность явно раздражает боевиков. Но они не в силах что-то изменить. Стрельбу на поражение мои преследователи вряд ли откроют. Колеса простреливать тоже не станут, так как джип после этого может улететь под откос.

Едва я успеваю подумать об этом, как начинается новый отрезок пути. Он серьезно отличается от прежних. Мне кажется, что дорога здесь буквально высечена в породе. Причем слева оставлен высокий каменный бордюр. На этом отрезке машина точно никуда не слетит.

Как только я въезжаю на него, мои преследователи открывают огонь. Я машинально накибаюсь, втягиваю голову в плечи. Впрочем, боевики палят не по мне, а по колесам. Они сообразили, что сейчас это не представляет особой опасности для моей жизни.

На пробитых колесах далеко не уйдешь. А в мои планы не входит общение с этими борода-

тыми парнями, на которых я уже вдоволь насмотрелся в пещерном городе. Пока ни одна пуля не нашла свою цель, я спешу оторваться от боевиков на такое расстояние, чтобы джип не попадал в их поле зрения и не служил мишенью.

Я мчусь и осознаю, что отставать мои преследователи не собираются. Гонки могут длиться еще долго, а итог их представляется мне не таким уж и очевидным. Поэтому я решаюсь на очень рискованный, даже отчаянный шаг. Тем более что особый отрезок дороги заканчивается.

Как только джип оказывается за очередным поворотом, я подгадываю момент и выбрасываюсь из него. Удовольствие от прыжка и приземления весьма сомнительное. Но мне не приходится много об этом думать. Я быстро прячусь за ближайшим большим камнем. Джип же, оказавшийся без управления, съезжает с дороги и кубарем скатывается по склону.

Я слышу сначала грохот, а затем и взрыв. Все очень правдоподобно. У преследователей нет повода усомниться в том, что произошел несчастный случай, а не его инсценировка.

В нескольких десятках метров от камня, за которым прячусь я, останавливаются автомобили боевиков. Парни, вооруженные автоматами, выскакивают из них, подбегают к краю шоссе и обескураженно смотрят на джип, чадящий внизу.

Я прислушиваюсь к тому, что они говорят. Из тех фраз, которые мне удается разобрать, следует, что люди Лаида не верят в мою гибель. Кто-то

Переносчик смерти

предлагает спуститься вниз и проверить, как все обстоит в действительности.

Один из автоматчиков пытается осторожно сделать это. Однако не проходит и нескольких минут, как он уже карабкается назад. Подельники помогают ему подняться.

— Слишком опасно! — говорит он им и что-то долго объясняет.

Подельники разочарованно обсуждают такую вот экстраординарную новость. Я понимаю, что они очень боятся сообщать Лайду о моей гибели, но ничего с этим поделать не могут. Боевики громко ругаются, возвращаются в свои машины, разворачивают их и уезжают.

Я на всякий случай выжидаю еще пять минут, а потом выхожу из своего укрытия. Теперь у меня нет машины. Мне предстоит нелегкий путь. Но, по крайней мере, я все еще живой.

31

Я стараюсь не терять времени зря, влезаю в свою одежду, но костюм берберки на всякий случай оставляю при себе. Я понимаю, что идти по горной дороге небезопасно. При нынешнем положении дел в стране можно запросто стать мишенью для любого вооруженного человека. При этом никакого не важно, к какой именно группировке он будет относиться.

Меня как-то не очень греет перспектива оказаться на мушке у любых участников здешней гражданской войны. Поэтому по серпантину я иду только до поры. Все время держу ухо востро и прикидываю, за каким камнем можно будет спрятаться, если вдруг на дороге появится автомобиль или бронетранспортер.

Я не сдерживаюсь от искушения и останавливаюсь у того места, где совсем недавно один из боевиков пытался спуститься. Нет, извините. Одно неверное движение, и ты кувырком покатишься к подножию горы без единого шанса остаться живым.

Внизу продолжает дымиться сгоревший джип. Я смотрю на него несколько секунд, иду дальше вдоль склона и уверяю себя в том, что где-то здесь должна быть тропинка, более-менее безопасная для спуска.

К этому времени солнце успевает подняться высоко. Начинается настоящая жара, от которой меня спасает полутень, возникающая на некоторых отрезках пути.

В полутора километрах я наконец-то нахожу желаемый склон с дорожкой и осторожно спускаюсь по ней вниз. Вокруг никого. Я не вижу ни единого признака цивилизации. Это и радует, и пугает меня.

Дойдя до подножия горы, я изнываю от жажды. В горле пересохло. Достаю из скомканного женского наряда грелку с водой, почти горячей. Я приказываю себе быть экономным, так как предстоящий путь может оказаться весьма продолжительным. Не факт, что мне где-то по пути удастся пополнить запасы питья.

Впрочем, я до конца не понимаю, куда мне следует идти. Я ведь не бербер, как Агизур или его покойный отец. Я пустыню «читать» не умею. Для меня здесь все одинаково. Хотя карта здешней местности мне более-менее знакома. Не зря ведь в свое время поездил по всей стране с вакцинациями. Так что приблизительно я представляю, где сейчас нахожусь. Остается только решить, куда же мне теперь идти.

Ясно, что в Эль-Башаре делать нечего. Живых людей там нет. Поэтому я выбираю в качестве цели другой оазис — Эль-Шадуф. Если не ошибаюсь, отсюда до него километров сорок. В нормальных условиях это расстояние можно преодолеть пешком за восемь-девять часов.

Сколько понадобится времени в условиях пустыни, я даже боюсь предполагать. Однако идти все равно необходимо. Невзирая на палящее солнце и любые вероятные опасности, которые могут подстерегать меня по пути.

В Эль-Шадуфе, кроме всего прочего, должна быть связь с внешним миром. По крайней мере, мне хочется верить, что жизнь в этом населенном пункте продолжается, что его не коснулись ни лихорадка Эбола, ни кровавые лапы военного режима, захватившего власть в Хардузе.

Как только я прибуду туда, первым делом свяжусь с головным офисом нашей организации и расскажу все то, что должно стать достоянием широкой международной общественности. Необходимо срочно предупредить всех, что вакцина против вируса Эбола может стать оружием в руках фундаменталистов, инструментом для шантажа одних и вербовки других людей. Может, хотя бы смертельная опасность, грозящая нависнуть над всем миром, заставит наших боссов шевелиться чуточку быстрее!

Я иду по пустыне. Жара продолжается и не думает утихать. Солнце палит еще сильнее. Я пере-

матываю голову на берберский манер, чтобы не получить тепловой удар.

Вокруг однотипные каменистые пейзажи, любоваться которыми лучше всего из автомобиля или самолета. Обязательно с кондиционером, включенным в салоне. Да! Я постоянно думаю о прохладе, стараюсь себе внушить, что все в порядке, испытание солнцем вот-вот должно завершиться. А оно все жжет и жжет.

Я даю себе зарок не прикладываться к емкости с водой чаще одного раза в час, но могу определять время опять же только по этому палящему палачу — солнцу. Насколько я прав в этом смысле, одному богу известно.

Я сам не замечаю, как пустеет первая грелка с водой. Мысли мои путаются. Я начинаю думать об одном, но тут же пересекаю на другое. Потом напрягаю мозг, чтобы попытаться вспомнить, о чем размышлял вначале. В голове то параметры вакцины, разработанной Карским, то цифры номера телефона головного офиса Красного Креста и Полумесяца, то еще черт знает что.

Вдобавок ко всему этому меня мучает неодолимое желание вдоволь напиться. Рука несколько раз машинально лезет за второй грелкой с водой.

Но я пока еще могу вовремя опомниться и остановиться. Запасы воды отнюдь не бесконечны. Умереть здесь от обезвоживания я не намерен. Я включаю все резервы своей воли и продолжаю идти. Регулярно посматриваю, где находится

солнце. Корректирую свой путь. Надеюсь, что нигде не ошибся и двигаюсь в правильном направлении.

День потихонечку заканчивается. Солнце заходит. Жара медленно спадает. Я чувствую некоторое облегчение. Знаю, что несколько часов после заката идти будет относительно комфортно. Особенno если сравнивать с этим ужасным дневным переходом по пустыне.

Ночь же, как обычно случается в этих широтах, обещает быть холодной. Я еще не знаю, как справлюсь с этим испытанием. Однако мне известно другое — за день я прошел всего лишь около десяти километров.

Если дело будет и дальше продолжаться таким же образом, то мне придется топать по этим раскаленным пескам и камням еще три дня. На такой срок у меня нет ни воды, ни питания. Нужно что-то придумать. Но пока у меня ничего не получается. Голова трещит. В животе с утра, кроме воды, ничего не было.

32

Я добредаю до нескольких высоких острых камней, осматриваюсь и останавливаюсь там на привал. Усаживаюсь на лежащий плоский камень, достаю банку тушеники и нож. Несколько минут я просто держу то и другое в руках и тупо хлопаю глазами.

Руки дрожат. Причины такой беды мне непонятны. Я списываю это на усталость, принимаюсь вскрывать банку ножом и едва-едва, с горем пополам справляюсь с этим делом.

Мясо в банке за время перехода успело нагреться настолько сильно, что и до сих пор остается теплым. Я выковыриваю его ножом, намазываю на сухарь и только потом жую. Я радуюсь этой нехитрой еде и тому, что банка с тушеникой небольшая. Можно сразу все съесть, а не тащить с собой, рискуя, что мясо испортится по пути.

Покончив с тушеникой, я делаю несколько глотков воды. Это мало утоляет мою жажду. Мне хочется пить еще и еще, но нельзя. Причина известна.

Я прячу емкость с водой и начинаю внимательно осматривать себя. Теперь я подозреваю, что переход по пустыне дался моему организму куда более дорогой ценой, чем мне казалось еще недавно.

Я ощущаю жжение на тех участках тела, которые по какой-то причине оставались на время открытыми, пытаюсь рассмотреть хотя бы некоторые из них и вижу красные пятна ожогов. Солнце старалось не зря.

Но я до конца не понимаю, каким образом получил некоторые из ожогов. Я ведь не раздевался и нарочно не выставлял себя в таком виде под солнце. Да, мысли путались, но в целом мне посчастливилось оставаться в памяти на протяжении всего пути. Сознание я ни разу не терял. Или как?

Я задумываюсь и прихожу к выводу, что вряд ли. Потеря сознания отразилась бы на мне еще хуже. Неизвестно, где я был бы сейчас, если бы со мной действительно случилось такое.

Вопрос о появлении отдельных ожогов остается открытым. Однако я настолько сильно измотан, что искать в данный момент ответ на него мне попросту не хочется.

Вдобавок ко всему у меня болят ноги. После спуска с горы мне ни разу не довелось где-то присесть хотя бы на минуточку, поэтому ступни мои уже сбиты. Бредя по пустыне, я не единожды натыкался на камни. Моя обувь за день перехода почти полностью превратилась в ошметки.

Эту проблему тоже придется как-то решать. Скорее всего, я сделаю обмотки из кусков ткани, оторванных от берберского одеяния. Правда, хватит их ненадолго, но все же с ними будет лучше. Иначе мне доведется топать чуть ли не босиком.

В таком случае от пяток места живого не останется, и мое продвижение замедлится еще сильнее. Есть риск, что я потеряю много времени и прибуду в Эль-Шадуф слишком поздно. То есть тогда, когда Лаид приступит к осуществлению своих наполеоновских планов. Я искренне хочу надеяться на то, что он за это время не сумеет найти специалистов, которые помогли бы ему разобраться с лабораторией и возможностью дальнейшего производства вакцины против лихорадки Эбола.

Тут я невольно вспоминаю своих коллег. Мне не дает покоя их загадочное исчезновение и туманные намеки главаря фундаменталистов. Если Лаид изначально имел план, нюансами которого поделился со мной, то убивать Карского и Христова было бы крайне нелогично.

Я возвращаюсь к этой теме, наверное, уже в сотый раз и опять склоняюсь к мысли о том, что мои коллеги, как и вдова берберского вождя, погибли из-за какой-то ошибки боевиков. В противном случае этот доморощенный наполеон просто идиот, не могущий просчитать свои же действия на несколько шагов вперед. Как он с таким вот интеллектом собирается покорять мир и строить новое общество, основанное на его собственном

понимании религии и возможностей вакцины против вируса Эбола? Впрочем, недооценивать его тоже нельзя.

Мои мысли снова путаются. Но на этот раз не от жары, а от того, что я начинаю клевать носом. Меня клонит в сон. Сил на то, чтобы пройтись вокруг моего пристанища в поисках топлива для костра, у меня нет. Да я и не уверен, что смогу найти где-то поблизости верблюжий помет, не говоря уже о хворосте.

С другой стороны, разводить костер небезопасно. Он в два счета демаскирует меня. Пусть мне кажется, что в радиусе десяти километров нет ни одной живой души, кроме меня, но реальность может оказаться совершенно иной. Мне почему-то очень не хочется становиться маяком для кого бы то ни было.

Я уже знаю, что скорректирую режим своего продвижения. Ведь еще один день под палящим солнцем мне будет пережить не так-то и просто.

Вечером, незадолго до устройства на ночлег, я приметил на пути своего следования небольшую горную гряду. Вот она-то и должна стать для меня укрытием на весь следующий день до наступления вечерней прохлады. Если встать рано утром, то до нее можно добраться за пару часов, даже с учетом моего состояния.

Там я надеюсь отыскать более-менее удобное тенистое место, спокойно пересидеть дневную жару и продолжить путь лишь вечером. Такая вот идея представляется мне вполне разумной.

Переносчик смерти

Я режу женский наряд на лоскуты и наматываю их на все открытые участки тела. Теперь у меня только нос торчит из-под повязки.

Потом я устраиваюсь в сидячем положении на стыке двух камней, образующих некое подобие кресла. Укрываюсь жалкими остатками берберского костюма. Обожженные участки тела продолжают зудеть. Однако дрема довольно быстро сваливает меня.

33

Ранним утром я просыпаюсь от сильной рези в глазах и обнаруживаю, что повязка сползла с лица. Сначала я вообще не понимаю, что происходит. Думаю, что в глаза попал песок.

Однако дело заключается в другом. Резь возникла как реакция на свет. Я даже вскрикиваю от той неожиданной боли, которая овладевает моим телом. Ощущение не из приятных. Я стараюсь терпеть, хотя мне очень трудно держать себя в руках.

Меня терзают мрачные догадки. Я возвращаю повязку на место и решаю вновь осмотреть тело, пока солнце не поднялось слишком высоко. Я отворачиваюсь к камням и оглядываю руки, ноги, живот так, чтобы на них не дай бог не попали солнечные лучи.

От боли в глазах мне трудно напрягать зрение. Однако я это делаю и замечаю на разных частях тела то, насчет чего у меня буквально только что возникли подозрения и опасения. Это сыпь! Она повсюду, куда ни взглянешь!

Меня начинает душить истерический смех. Я хохочу, словно сумасшедший. Из глаз брызжут слезы. Мне больно, но ничего поделать с этим не могу.

Смех прекращается так же внезапно, как и начался. Я остаюсь на своем месте, осознавая, что обнаружил у себя признаки ранней стадии лихорадки Эбола.

Симптомы точь-в-точь такие, как тогда у Сани Вишневского и большинства людей, инфицированных в Эль-Башаре. Уж я-то в этом разбираюсь!

Правда, ставить диагнозы самому себе — дело не всегда благодарное. Можно и ошибиться. Я хочу, чтобы все это оказалось бредом. И резь в глазах, и эта чертова сыпь на теле.

Я пытаюсь сохранить самообладание. Сделать это оказывается не так просто, но я стараюсь. Мне хочется абстрагироваться от скоропалительного вывода и посмотреть на проблему под другим углом.

Да, у меня резь в глазах от света. Но она не обязательно вызвана заражением вирусом Эбола. Я совершил дневной переход по пустыне под нещадно палящим солнцем. Бог его знает, сколько раз мне доводилось отворачиваться от яркого дневного светила. Вполне вероятно, что оно повредило мне сетчатку. Именно по этой причине сейчас у меня наблюдаются такие симптомы.

А сыпь? Она может быть случайной. Раздражение от чего-нибудь. С учетом характера моего путешествия аллергеном может оказаться все, что угодно, от обильно выделявшегося пота до съеденной тушеники.

Я несколько раз прокручиваю в голове эти объяснения. Они кажутся мне лишь попыткой самоуспокоения. Но я готов принять их, словно плацебо. Так называется фальшивое лекарство, которое доктор дает пациенту под видом настоящего, и того излечивает вера в эффективность этого средства.

Правда, в отличие от такого вот больного человека я заранее знаю правду. Тем не менее стараюсь поверить в то, что мои теперешние симптомы никак не связаны с лихорадкой Эбола. Самовнушение в чистом виде и ничего больше.

Я решил верить в то, что меня все же не смогла одолеть эта чертова зараза, и готов воспрянуть духом. По крайней мере, этого оказывается достаточно для того, чтобы прекратить преждевременную панику.

Теперь я сосредоточиваюсь на своем плане и реализации его ближайших этапов. Пока солнце не успело подняться из-за горизонта, я должен отправиться к горной гряде, замеченной вчера вечером. Мне трудно предполагать, как быстро я сумею пройти это расстояние. Делаю несколько глотков воды.

Я заматываю тканью лицо так же плотно, как перед ночлегом, закрываю ею все лицо, но делаю

это так, чтобы не играть в слепого кота. Я должен видеть, куда именно иду и что ждет меня впереди.

Как я и предполагал, моя дорога оказывается далеко не самой простой. Мне ежеминутно приходится прилагать массу усилий для того, чтобы ускориться. Это понятие в моем случае является весьма условным. То, что я сейчас вынужден называть быстрым шагом, в обыденной жизни имелось бы совершенно иначе.

«Ты плетешься как старая кляча», — именно так оно могло бы называться.

Я это осознаю и трезво оцениваю свои возможности.

Солнце поднимается над горизонтом. Я тут же ощущаю, что становится намного жарче. Горы, которые казались очень близкими, остаются такими и сейчас. Я все иду и иду, продолжаю сбивать ноги, но гряда никак не приближается. По крайней мере, мне очень долго не удается заметить какой-то более-менее явный прогресс в этом отношении.

«А теперь переходим к ходьбе на месте», — будто издевательство, вырывается из недр моей памяти реплика радиодиктора, ведущего передачу «Утренняя гимнастика».

Эта фраза застревает в мозгу надоедливой зазой. Я иду, а она все звучит. Без нее я не могу ступить ни шагу, обойти очередные камни.

Солнце поднимается все выше. Воздух с каждой минутой становится горячее. Мне не хочется терять самообладание. Я должен как можно скорее оказаться около горной гряды, найти там удобную норку и зарыться в ней до наступления ночной прохлады.

Я ловлю себя на мысли о том, что со стороны наверняка напоминаю эдакого заглючившего робота из третьесортного ретрофильма, снятого в жанре ненаучной фантастики. Мысль более чем странная. Но она заметно веселит меня. Я даже улыбаюсь, хотя делать это мне почему-то больно.

Я добредаю до гор где-то к середине дня. Сужу об этом по положению солнца на небе. Казалось бы, вот она, промежуточная цель, уже достигнута. Можно радоваться, но с этим как-то не очень складывается.

Перед глазами все расплывается. Голова кружится. В один момент меня резко ведет в сторону, и мне едва удается удержаться на ногах.

Я мутным взором смотрю по сторонам, пытаясь найти укрытие. Ничего подходящего не видно. Мне становится ясно, что придется пройтись вдоль гряды. Если повезет, то я отыщу пещерку, подходящую для отдыха.

Я на секунду задумываюсь, влево идти или вправо, и выбираю второе направление. Минут тридцать шагаю вдоль подножия гряды и, к счастью, нахожу то, что мне нужно. Я осматриваю,

Переносчик смерти

насколько это у меня получается, небольшой полутемный грот, прикидываю, не попадет ли сюда через некоторое время солнечный свет.

Думать трудно, но я справляюсь. Солнечные лучи в грот проникнут вряд ли.

Я без лишней возни забираюсь в тень, устраиваюсь там и ощущаю, что мне становится хуже. Какое-то время я пытаюсь размышлять об этом, но затем совершенно незаметно для себя отключаюсь.

34

Я резко вздрагиваю, выныриваю из темноты, тяжело дышу и несколько секунд не понимаю, как здесь оказался и что вообще тут делаю. Затем мое сознание проясняется, и до меня доходит, что я проспал гораздо дольше, чем планировал изначально. Судя по солнцу, за пределами грота отнюдь не вечер, а новый рассвет.

Несмотря на продолжительный сон без всяких видений, я ничуть не чувствую себя отдохнувшим. Наоборот, я совершенно разбит. Все тело ломит. Ощущается легкий зуд. Мне горячо. У меня явно высокая температура. Градусника, чтобы проверить это, нет. Однако ситуация и без него предельно ясна.

Я слегка приподнимаюсь, сажусь и прислоняюсь спиной к каменной стене грота. Если у меня все-таки лихорадка Эбола, то к этому моменту я должен быть покрыт язвами.

Я смотрю на кисти рук. Вроде бы ничего особенного, кроме сыпи, которая так и не прошла. Потом я решаю снять с себя одежду, чтобы осмотреть

остальные части тела, но передумываю и даже не начинаю этого делать. Если я действительно заражен вирусом Эбола, то эти мои осмотры абсолютно ничего не изменят.

Пока я полностью не обессилел, сидеть на одном месте не стоит. Следует продолжить свой путь. Я давно потерял счет километрам, пройденным мной. Тем более что все мои подсчеты весьма условны и могут быть далеки от реально преодоленного расстояния.

Несмотря на это, я все-таки пытаюсь прикинуть, сколько километров успел пройти от гор с дорожным серпантином до этого вот грота. Цифры складываются с трудом. Это меня беспокоит, но не заставляет сдаться. Моя воля пока сильнее, чем болезнь, которая все больше проявляет себя. По моим подсчетам, до Эль-Шадуфа осталось порядка десяти километров. Еще один дневной переход.

При одной только мысли об этом меня передергивает. Мне опять придется испытать на себе все прелести Каменистой Сахары. Однако делать нечего. Надо идти.

Перед уходом из укрытия я заставляю себя перекусить. Аппетита нет совершенно, но я понимаю, что если не поем, то сил будет гораздо меньше. Поэтому жую. Выпиваю немного воды. Потом я потихоньку поднимаюсь со своего места. Снова обвязываюсь тряпками так, чтобы свет не причинил мне боли, обматываю обувь полосками ткани,

отрезанными от берберского наряда. Только после этого я покидаю грот.

Выходя наружу, я начинаю вспоминать, как эта горная гряда выглядела со стороны. Где-то здесь был проход между гор. Несколько минут уходит на то, чтобы вспомнить и сориентироваться. Потом я отправляюсь в нужную сторону.

Солнце еще толком не взошло. Однако приближение большой жары уже ощущается. Я стараюсь не думать о тех трудностях, которые мне придется преодолевать в течение дня.

Я дохожу до прохода между горами и чувствую прилив радости. Надо же, я все-таки не ошибся, оказался прав. Значит, болезнь пока еще не успела поразить меня не настолько сильно, как могла бы.

Впрочем, я отгоняю от себя такие вот поганые мысли. Мне все еще хочется думать, что все мои болячки и помутнения сознания не связаны с вирусом Эбола.

Я шагаю между горами, морально готовлю себя к многочасовому переходу по пустыне, выхожу на обратную сторону горной гряды и ойкаю от неожиданности. Вместо привычных уже пустынных ландшафтов буквально в нескольких километрах от гряды виднеются аэродромные конструкции различного рода. Там же, как я понимаю, раскинулось кладбище списанных военных самолетов.

Я мотаю головой, опасаясь, что все это мираж либо плод моего воспаленного воображения. Снова смотрю на аэродром. Нет, ничего не исчезло, не

поменяло своего месторасположения. Значит, это реальность!

Я рад и обескуражен одновременно. Выходит, что я все-таки ошибся в своих расчетах и прибыл в Эль-Шадуф раньше, чем представлял.

На радостях я пытаюсь ускориться. Получается не очень. Мое состояние играет со мной злую шутку. Меня водит из стороны в сторону. Свет, несмотря на меры предосторожности, принятые мною, причиняет мне нестерпимую муку.

Однако я полон решимости и сдаваться не собираюсь. Тем более что до аэродрома в действительности рукой подать. Там люди. Они наверняка мне помогут. А я сообщу им о том, что вакцина против вируса Эбола может стать орудием террора. Надеюсь, что мир узнает об этом раньше, чем фундаменталисты возьмутся за свое черное дело.

Я добираюсь до аэродрома, и меня охватывают противоречивые чувства. С одной стороны, есть повод для ликования. С другой — появляется непонятная тревога.

Я пытаюсь разобраться в этом противоречии, осматриваюсь и понимаю, что нигде не видно ни одного человека. Неужели аэродром пуст? Вполне возможно, конечно, что все обычные рейсы отменены. Новые власти временно распустили по домам всех работников этой воздушной гавани.

Но ведь аэродром обязательно должен кем-то охраняться. А я не вижу никого! Нет ни сторожей, ни солдат. Может, они где-то прячутся от солнца? Ответа на этот вопрос у меня нет.

Как бы я ни напрягал зрение, из-под моей повязки разглядеть присутствие здесь жизни не получается. Я рисую схлопотать новый приступ острой боли, откидываю тряпку и всматриваюсь в ближайшие постройки. Но хватает меня ненадолго. Я морщусь от сильной рези в глазах и возвращаю ткань на место.

Заметить кого-то в районе построек мне не удается. Это меня удивляет. Объяснения этому я найти не могу.

Немного поколебавшись, я решаю направиться к самому близкому от меня зданию. Едва успеваю сделать несколько шагов, как слышу шум автомобильных двигателей. Оборачиваюсь на него и вижу, что по взлетно-посадочной полосе несутся в мою сторону несколько машин.

Я в растерянности. Не знаю, что делать и как реагировать. Мне неизвестны намерения тех людей, которые едут ко мне. Даже если бы я и знал, что они настроены в отношении меня агрессивно, то все равно не смог бы ничего предпринять.

В таком случае у меня оставался бы единственный вариант — бежать. А делать это в таком состоянии я просто не способен. Поэтому я останавливаюсь и решаю не делать резких движений.

Автомобили — четыре военных внедорожника — подъезжают ко мне и замирают так, что я оказываюсь в окружении. Я до самого последнего момента надеюсь, что это охрана аэродрома среагировала на мое несанкционированное появление здесь.

Переносчик смерти

Двери головной машины открываются. Я набираю в легкие воздуха, вспоминаю арабский, чтобы начать объясняться. Однако в следующую секунду у меня перехватывает дыхание, а глаза лезут на лоб.

Из джипа выходит Лаид. На его лице сияет самодовольная ухмылка. Следом за ним появляются его подельники. Все вооружены. Стволы тут же направляются на меня.

Главарь подходит ко мне и, продолжая ухмыляться, спрашивает:

— Ну и что, доктор? Далеко ты ушел?

35

Люди Лаида доставляют меня в беседку для персонала, стоящую возле какого-то ангаря. Их присутствие на аэродроме меня не особо удивляет. Поразительно другое. Здесь же топчутся несколько мужчин в военной форме, точно такой же, какую я видел на карателях в Эль-Башаре.

Если это не блеф главаря фундаменталистов, то получается, что ему все-таки удалось договориться со своими заклятыми врагами о взаимодействии. Те и другие держатся как победители. Проигравшим в данном случае они считают меня. Смеются и шутят.

Из их реплик мне становится ясно, что я нахожусь в Эль-Башаре. Выходит, что в пути по пустыне я потерял ориентацию, кружил и вышел не к Эль-Шадуфу, а к этому вот оазису, давно знакомому мне. Не узнал же я это место потому, что со стороны аэродрома ни разу его не видел. Даже тогда, когда мы вместе с Джулией ехали к самолету, приземлившемуся на шоссе.

Новоиспеченные союзники нисколько не стесняются моего присутствия и затрагивают в беседе такие моменты, которые, по идеи, не стоило бы разглашать при посторонних. Так, например, из их реплик я узнаю, что в районе аэродрома находятся несколько десятков фундаменталистов и военных. Они ожидают прибытия из Хардуза транспортного самолета, чтобы совместными усилиями погрузить на его борт нашу передвижную лабораторию. Она должна быть доставлена в столицу.

Я не совсем понимаю, полетит ли туда Лаид лично. Однако тот факт, что там, в Хардузе, начнет осуществляться его план, у меня сомнений не вызывает. Если, конечно, военные его не обманут.

Открытое изложение этих планов при мне твердо говорит о том, что ни та, ни другая сторона не видят во мне никакой опасности. Меня держат за лоха, который уже отыграл свое. В новом раунде ему светит только полнейшее фиаско.

Военные во всеуслышание хващаются, что зацепили из гранатомета самолет, уже заходивший на посадку, которая была запрещена. Они со смаком рассказывают, как потом добили всех тех людей, которые сперва уцелели.

Я, мягко говоря, неважно себя чувствую. Но мысль о том, что эти выродки смотрят на меня, словно стервятники на умирающую добычу, вызывает во мне праведный гнев. Если бы я точно знал, что остатка моих сил хватит на то, чтобы

придушить Лаида, то наверняка сделал бы это. Невзирая ни на клятву Гиппократа, ни на любые другие обстоятельства.

Не знаю, улавливает он это мое настроение или нет, но почему-то главарь фундаменталистов обращается ко мне именно в этот момент.

— Вот видишь, — говорит он. — Все идет так, как я планировал. Ты не верил в то, что у меня может что-то получиться с той задумкой, о которой я тебе рассказывал в пещерном городе. А теперь ее осуществление становится реальностью. Скоро ваша лаборатория окажется в столице. Там уже подобраны специалисты, которые смогут производить вакцину не хуже, чем ты со своими друзьями. Но лечить, как ты знаешь, мы будем не всякого. А только тех, кто согласится перейти на нашу сторону. Да ты и сам все прекрасно помнишь, если при блужданиях по пустыне совсем мозги не расплавились.

— Что значит на вашу сторону? Вы — это кто? Ты и твои дружки? — без обиняков уточняю я, понимая, что Лаид может мне и не ответить.

— Наша сторона — это я со своими соратниками и военное правительство, — с приторным гонором произносит тот.

— Но ты ведь их называл прислужниками шайтана, — напоминаю я.

— Что было, то прошло, — нервно проговаривает он. — Мы нашли общие интересы. Все наши разногласия теперь остались позади.

Мне хочется спросить, зачем им сейчас нужен я. Однако едва я собираюсь с силами, чтобы это сделать, как в беседке появляется женщина.

Я долго не могу как следует рассмотреть ее. Она одета в камуфляж. Здоровается и с фундаменталистами, и с военными. Справляется о том, как у них дела. Те начинают гадко улыбаться и сообщают, что транспортник уже в пути.

Ее голос мне кажется до боли знакомым, но я не могу сообразить, откуда именно. Лица я некоторое время не вижу. Женщина слишком быстро передвигается и становится так, что я смотрю на нее только со спины и сбоку. Лишь через несколько минут она оборачивается и с ухмылкой смотрит на меня, как на мешок с мусором. Только теперь я, к своему удивлению и ужасу, понимаю, что передо мной Джуллия Раст.

— Ну и что? Ты изумлен? — с ехидством спрашивает она.

— Более чем, — коротко отвечаю я и заваливаюсь на бок, так как больше не могу сидеть на месте.

Лайд отдает приказ своим подельникам, чтобы они подняли меня. Однако британка останавливает их.

— Не надо лишний раз к нему прикасаться. Кажется, я знаю, что с ним такое, — говорит она и просит обождать несколько минут.

— Неужели это то, о чем я думаю? — спрашивает у нее главарь.

— Скорее всего, — говорит мисс Расти.

От меня тут же все отходят как можно дальше.

Вскоре предательница возвращается облаченной в противовирусный костюм и бахилы. Она забирает меня, уводит за пределы беседки и пытается заставить снять одежду.

Я обессилен и не могу это сделать по определению, но обставляю данный момент так, будто отказываюсь ей подчиняться. Она злится, кивает на автоматчиков, угрожает мне расправой. Мне хочется плунуть ей в лицо за предательство. Однако отток сил настолько значителен, что я не могу сделать даже этого.

Джулия смекает, что к чему, просто рвет на мне одежду и начинает осмотр. Я прекрасно знаю, что она может увидеть, и начинаю хохотать. Меня душит истерический смех, который несколько обескураживает ее. Она недовольно морщится, ногой ударяет мне под бок, после чего возвращается к беседке.

— Как я и думала, — отчитывается женщина перед своими новыми то ли друзьями, то ли хозяевами.

— Нам не грозит? — спрашивает кто-то из военных.

— У него начальная стадия. Так что пока он вряд ли опасен для нас, — объясняет Джулия.

Лайд выходит из беседки, смотрит в мою сторону, но подходить не решается.

Он с деланным сочувствием цокает языком и объявляет мне:

Переносчик смерти

— Ты сам во всем виноват, дорогой. Не нужно было бежать. Я ведь сделал тебе очень выгодное предложение. Ты нашел бы свое достойное место в наших рядах, как это сделала сестра Джуллия. Она согласилась стать одной из нас и теперь будет руководить работами по производству вакцины.

— Да горите вы оба в аду! И остальных своих подельников прихватите туда, — шепчу я в ответ на это.

Кричать я уже не могу. Нет никаких сил.

— Гореть будешь ты. Но не в аду, а прямо здесь, — говорит Лайд, стараясь сохранять спокойствие. — Мы все знаем, как на больных лихорадкой Эбола воздействует дневной свет. Убивать мы тебя не будем. Но вот на то, как ты начнешь пузириться от солнечных лучей, с удовольствием посмотрим. Ты подохнешь здесь, как последняя собака!

36

Шум моторов раздается внезапно. Фундаменталисты и военные вскакивают со своих мест. Судя по их возгласам, они не могут сообразить, что происходит, так как на гул самолетных двигателей такой вот шум похож мало. Это понимаю даже я, несмотря на мое теперешнее жуткое состояние.

В дальней части летного поля, слева от кладбища самолетов, появляется колонна автомашин. Первая из них сбивает хлипкое устаревшее ограждение и освобождает путь остальным. На взлетно-посадочную полосу выезжают два грузовика и несколько пикапов, которые на скорую руку переделаны в броневики и оснащены пулеметными установками.

За ними следуют всадники на верблюдах. Я не уверен, но мне кажется, что все они имеют при себе огнестрельное оружие. Выяснить, кто это изволил пожаловать на аэродром, мне не хочется.

Реакция новоявленных союзников, то бишь Лайда и военных, подсказывает мне, что прибыли отнюдь не их товарищи. Я предполагаю, что так

могла проявить себя некая сторона конфликта, о действиях которой мне раньше не приходилось слышать.

Боевики и каратели спешно хватаются за оружие, на меня внимания не обращают. Я догадываюсь, что вот-вот завязется бой, осматриваюсь и вижу лишь одно подходящее место, где можно попытаться укрыться. Это какая-то техническая канавка, идущая от ангаров. Недолго думая, я ползу в нужную сторону и прячусь, прежде чем успевает прозвучать первый выстрел.

То, что начинается на аэродроме, для меня выглядит весьма странным. Те люди, которые только что ворвались сюда, не стали ничего объяснять или предъявлять какие-либо претензии Лайду и всем остальным. Наоборот, главарь фундаменталистов сам попытался обратиться к ним с предсказуемыми вопросами. Мол, кто вы такие и что вам здесь надо?

Колонна разворачивается. Пикапы выстраиваются в ряд, и пулеметные установки начинают работу. Они щедро поливают пулями боевиков и военных. Доблестные союзнички вынуждены разбегаться кто куда, чтобы не помереть тут же под свинцовым градом. Получается это с трудом.

Я урывками вижу, как несколько мразей валятся на бетон. Остальные пытаются спрятаться. Одни за ангаром, другие в ближайшей постройке, а кто-то и прямо за беседкой. Они готовы оброняться. Я слышу обрывки их фраз и понимаю, что военные спешат добраться до своей боевой

техники, стоящей за несколькими аэродромными зданиями. Там имеется и бронетранспортер. Или даже два. Я точно разобрать не сумел.

Грузовики тем временем поворачиваются и останавливаются. Из кузовов, закрытых тентами, высекают вооруженные мужчины и открывают огонь по противнику. Могу себе представить, насколько изумлен Лаид. Я слышу, как он что-то орет то ли от ужаса, то ли от возмущения. Понимаю, что подобных гостей этот умник уж точно не ожидал.

Главарь наверняка хочет поднять боевой дух своих подельников. Он стреляет по пришельцам сам и требует того же от своих дружков. Огонь ведется со стороны беседки.

Это место быстро засекают пулеметчики, находящиеся в пикапах. Они практически одновременно направляются на беседку стволы, открывают прицельный огонь и буквально скашивают ее длинными очередями.

Свою смерть находят еще двое-трое боевиков. Но Лаид жив. Он пытается отстреливаться и отходит, прикрываясь трупом одного из своих подельников.

В это время дают о себе знать мужчины, сидящие на верблюдах. Прицельными выстрелами они подчищают территорию между беседкой, ангаром и зданием, в котором уже успел скрыться не один боевик.

Я не знаю, для чего служила эта двухэтажная постройка в то время, когда аэродром функциони-

ровал. Может быть, там была диспетчерская или бытовка, где переодевался и отдыхал техперсонал, обслуживавший самолеты. Впрочем, теперь это уже совсем не важно. Сейчас это здание превратилось в крепость, в которой засели фундаменталисты и каратели.

Мне все еще трудно понять, кто именно напал на них. Однако цель этих людей я вижу четко. Они явно хотят завладеть лабораторией. А если так, то мои давние рассуждения на тему вакцины как яблока раздора получают новое подтверждение.

Из окон диспетчерской, как я все-таки обзываю это здание, вскоре открывается шквальный огонь. Союзники пытаются остановить наступление пришельцев. Но те ведут себя очень разумно и под пули не подставляются.

Как только огонь союзников чуть ослабевает, по окнам тут же ударяют пулеметы с пикапов. Только в этот момент я понимаю, что по меньшей мере два из четырех пулеметов являются крупнокалиберными. Иначе пули не смогли бы пробить кирпичную стену и выломать из нее немалые куски кладки.

Стрельба со стороны атакующих долго не затихает. Они явно стремятся подавить все огневые точки в здании и не допустить возобновления сопротивления.

В это самое время за ангаром слышится шум двигателя. На летное поле выезжает бронетран-

спортер и начинает обстреливать позиции пришельцев.

Однако те нисколько не пугаются. Один из всадников снимает с плеча базуку, быстро наводит ее на цель и нажимает на курок. Заряд, оставляя за собой беловатый след, устремляется к бронетранспортеру. Гремит взрыв. Боевая машина противника подпрыгивает и загорается. Вооруженные пехотинцы обстреливают ее, не давая никому ни единого шанса уцелеть.

Из-за ангара появляется группа военных. Одновременно из окон диспетчерской возобновляется стрельба. Я догадываюсь, что эти действия скоординированы.

Боевики поддерживают огнем передвижение группы военных. Те успевают добраться до горящего бронетранспортера и используют его в качестве прикрытия. Они не высовываются, поднимают автоматы над головами и в течение нескольких минут стреляют наугад.

Мне кажется, что солдаты и фундаменталисты начали оказывать серьезное сопротивление, с которым пришельцы вряд ли сумеют справиться в сжатые сроки. Однако я ошибаюсь. В окна диспетчерской летят два заряда из гранатометов. Они попадают в оконные проемы, находящиеся в разных углах здания. Гремят новые взрывы.

Вслед за ними раздается грохот от обрушения несущих конструкций. Второй этаж почти полностью разрушается. Фундаменталисты, находящиеся там, погибают под кирпичами и плитами.

Всадники на верблюдах под прикрытием огня своих соратников проносятся вдоль левого края летного поля и исчезают за диспетчерской. Вскоре оттуда доносятся одиночные выстрелы.

Я точно не знаю, что там происходит, но почему-то уверен в том, что стрелки, сидящие на верблюдах, не позволяют ретироваться боевикам Лаида, оставшимся в живых. Вскоре они возвращаются назад и волокут с собой какое-то тело.

Оно так и остается без движения валяться на бетоне. Мои глаза жутко болят, но я кое-как все-таки опознаю главаря фундаменталистов. Вот и все, Лаид. Наполеона из тебя не вышло.

Военные, засевшие за подбитым бронетранспортером, так и не достигают никакого перевеса. Их стрельба постепенно угасает.

Когда ее интенсивность снижается до минимума, пришельцы немедленно проявляют активность. Бронированные пикапы разделяются, быстро устремляются к бронетранспортеру и обезжают его с двух сторон, тем самым беря военных в клещи.

Поскольку солдаты не прекращают огонь даже в такой ситуации, с ними никто не церемонится. Гремят несколько перекрестных очередей, и катарели замолкают навсегда. Среди них наверняка есть и те подонки, которые участвовали в резне, устроенной в Эль-Башаре.

Пешие вооруженные мужчины из числа пришельцев продвигаются вперед. На всякий случай

они обыскивают ангар и выводят оттуда невысокого человека, одетого в камуфляж.

Я превозмогаю боль в глазах, смотрю и не могу наглядеться. Ну да, Джулия. Она самая и есть. Ее взяли живой, и это огромная удача. Она ведь много чего знает и может дать очень важные показания на суде, если, конечно, таковой состоится.

До меня доносятся ликующие возгласы. По всей видимости, пехотинцы пришельцев встретились с всадниками, и те сообщили им какую-то радостную весть. Мне нисколько не трудно догадаться, что речь идет о полном разгроме противника.

— Все же проверьте первый этаж и прочешите оставшуюся часть аэродрома, — доносится до моих ушей команда.

Через минуту я слышу стрекотание автоматов внутри полуразрушенной диспетчерской. Потом наступает непродолжительная тишина, расколотая радостными возгласами.

Вслед за этим кто-то рапортует о подавлении последнего очага сопротивления и о том, что на остальных объектах аэродрома все чисто. Я слушаю, но все еще не могу понять, кто все эти люди и чего лично мне ждать от них.

— Артем! Все хорошо. Ты не беспокойся, — обескураживает меня знакомый юношеский голос.

Я приподнимаюсь и вижу, что от пикапов в мою сторону идет Агизур. Моему изумлению нет пределов.

Парень же улыбается и заявляет:

— Я же говорил, что в долгую перед тобой. Ты спас меня, а теперь я и мои друзья выручили тебя.

— Да. Но как тебе это... — пытаюсь спросить я, но в глазах моих все расплывается.

— Это отдельная история. Как-нибудь расскажу, — эхом звучат у меня в ушах его слова. — Хорошо, что ты сообразил спрятаться в этой канаве. Я наблюдал за тобой через бинокль. Если бы ты после нашего появления не скрылся в ней, то нам пришлось бы не так легко. Ведь мы не могли причинить тебе вред. Но все получилось отлично.

Мне становится хуже. Голос парня продолжает звучать для меня так, будто он говорит в глубокий колодец. Я ловлю себя на мысли о том, что его появление может быть всего лишь плодом моего воображения, воспаленного от болезни.

— Не подходи близко, — тем не менее говорю я. — У меня Эбола...

— Об этом я уже догадался, — спокойно реагирует он. — Не переживай. Вакцина у нас есть. Так что скоро ты поправишься. Тем более что лечить тебя будут лучшие специалисты, работающие в нашей стране.

— Лучшие специалисты? — недоверчиво переспрашиваю я и тут же констатирую: — Наверное, я все-таки брежу. Откуда здесь вообще могут взяться специалисты нашего профиля, не говоря уже о лучших?

— Нет, Артем, ты не бредишь, — звучит в ответ. — Агизур оборачивается и смотрит куда-то в глубину летного поля.

Слышится шум автомобильного мотора. Вскоре из-за грузовиков, стоящих на поле, появляется военный джип. Он подъезжает к юному берберу и останавливается. Открываются дверцы, и из внедорожника выходят двое мужчин. Сначала я вижу лишь их фигуры, так как в глазах моих колышется серая муть. Я пытаюсь сфокусировать взгляд и едва не вскрикиваю, когда понимаю, что ко мне идут Аркадий Федорович Карский и Йордан Христов.

— Это не может быть явью, — бормочу я. — Они погибли. Я сам видел кровь в пещере. А Лаид нарочно не рассказывал об этом, играл на моих чувствах. Это все мой горячечный бред.

— Ты ошибаешься, Артем, — заверяет меня знакомый голос моего наставника.

37

Палатку, куда срочно помещают меня, берберы поставили тут же — между ангаром и тем местом, где недавно находилась беседка. У Карского и Христова при себе имеется все необходимое для вакцинации. Я еще не совсем безнадежен. Коллеги готовятся к инъекции. Я ведь и сам сотни раз проidelbergал это в палаточном городке. И вот теперь мне приходится наблюдать данную картину с другой стороны.

— Так, значит, вы живы? — Я никак не могу поверить своим глазам.

— Не сомневайся, Артем, — заверяет меня академик. — Мы живее всех живых. Да и ты не помрешь.

— А Кахина? Что с ней? — спрашиваю я о матери Агизура.

— С мамой все в порядке, — отвечает парень, стоя неподалеку от палатки.

— Мне думалось, что все гораздо хуже, — признаюсь я.

— Понимаешь, Артем, я уже отправился к дяде, но в самом начале пути решил вернуться,

взять с собой беременную маму и отвезти ее к соплеменникам. Все-таки у них безопаснее.

— Да, — подхватил Йордан. — А пока парнишка успел объявиться в пещерном городе, мы тем временем приняли роды. Прямо на месте, так сказать.

— Так вот откуда там кровь на полу была, — соображаю я.

— Именно, — подтверждает мою догадку Йордан. — Каким-то чудом Агизур почуял неладное. Он осторожно прошелся в глубь пещерных коммуникаций, засек голоса фундаменталистов, быстро вернулся и все объяснил. Нам пришлось немедленно бежать из пещерного города. Остановясь мы там еще хотя бы на пять минут, и неизвестно, как бы все потом повернулось и для нас, и для тебя.

На несколько минут мы замолкаем. Аркадий Федорович лично вводит мне вакцину против лихорадки Эбола. Мне кажется, что ничего особо не меняется.

Но я знаю, что эффект будет ощутим чуть позже, поэтому снова возвращаюсь к подробностям, интересующим меня, и спрашиваю:

— А где наши волонтеры?

— Здесь, в пикапе, — отвечает Агизур. — Эти ребята умеют не только ухаживать за больными, но и стрелять из пулемета.

— Откуда вы узнали, где меня нужно искать?

— Агизур со своими соплеменниками вначале хотел вытащить тебя из пещерного города, — при-

нялся объяснять Карский. — Шла определенная подготовка к этому. Отправлялись разведчики. Но ты сам успел удрать из плена. Да еще и на машине боевиков! Разведчики видели этот момент. Мы надеялись, что ты сумел добраться до Эль-Шадуфа именно на угнанном внедорожнике.

— А почему вы посчитали, что я держал путь именно туда? — Меня впечатляет это поразительное совпадение.

— Артем, зная карту, нетрудно было догадаться, что ты направишься в ближайший оазис. Поскольку Эль-Башар не в счет, то...

— Понятно, — перебиваю его я. — Но почему тогда вы приехали за мной сюда, а не в Эль-Шадуф?

— А вот это стеченье обстоятельств, — говорит мой наставник и разводит руками. — Спроси у Агизура.

— Один из моих соплеменников случайно заметил разбитую машину, — отозвался парень. — Он знал о твоем смелом поступке и понял, что это тот самый джип, который ты увел из-под носа у религиозных фанатиков. Твоего мертвого тела в машине он не нашел. Следов рядом не было, зато они обнаружились на тропинке, спускавшейся с горы и дальше в пустыне. По nim-то мой соплеменник и пошел.

— Так почему же он меня не подобрал? — с усмешкой интересуюсь я.

— Считай, что подобрал, — говорит мне юный бербер. — Ведь он был среди тех людей, которые

только что очистили аэродром от фундаменталистов и карателей.

— Я не понимаю...

— Да что же здесь непонятного! — воскликнул юноша. — Мой соплеменник ехал по твоим следам на верблюде. Он очень быстро сообразил, что ты стал блуждать, и продолжал двигаться за тобой. Но когда ему почти удалось тебя нагнать, ты уже направлялся к аэродрому. Мой соплеменник увидел машины, которые мчались в твою сторону, и сразу же поспешил к нам. К этому времени мы успели сбить и вооружить людей из отцовского клана и тех, кто дружит с нами, — как ни в чем не бывало продолжает юный бербер. — Один отряд уничтожил охрану лаборатории в пещерном городе. Так что теперь она в безопасности. Кстати, с женщинами, которые помогали тебе бежать, все в порядке. Они живы, здоровы и свободны. Второй же отряд двинулся на аэродром — выручать тебя.

— Но из слов Лаида и его дружков я понял, что лаборатория находится где-то здесь, — замечаю на это я.

— Они попросту блефовали, — говорит на это Карский. — Лаборатория до последнего момента действительно оставалась в пещере. А сейчас она укрыта в куда более безопасном месте. Туда мы сейчас и направимся. Вместе с тобой, Артем, естественно.

Мне хочется еще что-то уточнить, но веки мои тяжелеют, и глаза сами собой закрываются. Я проваливаюсь в сон.

38

Со мной все в порядке. Благодаря своевременной вакцинации я поправился. О недавней моей болезни сейчас уже почти ничего не напоминает. Я стараюсь не думать об этом.

Есть вещи куда более глобальные, чем мои собственные болячки. Я имею в виду положение в этой североафриканской стране и реакцию мирового сообщества на нее.

Хаос гражданской войны, помноженный на пандемию Эболы, наконец-то заставил международные структуры пошевелиться. Бюрократы из Красного Креста и ООН не только осознали, что здешняя ситуация опасна для всего мира, но и предприняли действенные шаги для решения проблемы.

В высоких кабинетах и залах заседаний нашлись ярые защитники «суворенной демократии» этой страны, но в целом возобладала здравая мысль о необходимости ввести сюда международный контингент войск по мандату ООН. Это вскоре и было сделано, несмотря на продолжающийся визг отдельных политиков.

Ввод войск под эгидой ООН содействовал стабилизации положения в стране, хотя и не сразу. Большинство тамошних жителей, уставшее от борьбы враждующих группировок и разгула эпидемии, встретили это событие с надеждой на лучшее.

Повсеместно были организованы лагеря по вакцинации зараженных людей, охраняемые солдатами в голубых касках. Жители Хардуза и даже самых отдаленных уголков страны получили необходимую помощь, причем бесплатно и без выдвижения каких-либо условий.

Вакцина академика Карского была усовершенствована. Скромно замечу, что не без нашего с Йорданом участия. Ее эффективность значительно повысилась, что отметили все специалисты, работающие здесь.

Результаты говорили сами за себя. Люди поправлялись очень быстро. Летальных исходов среди вакцинированных пациентов практически не было.

Если такое несчастье и случалось, то смерть была связана с целым букетом других болезней каждого конкретного человека. К сожалению, врачи не всегда успевали учесть в своей работе подобные обстоятельства.

Власть в стране перешла к переходному правительству. Не знаю, как дело пойдет дальше, но сейчас его члены выглядят вполне здравомыслящие.

Враждующие группировки были вынуждены сложить оружие. Очаги сопротивления войскам ООН наблюдались лишь в нескольких районах. Да и то вскоре они сами собой угасли, так как лихорадка Эбола стала выкашивать таких вот непримиримых субъектов.

Есть, правда, один удручающий нюанс. Некоторая часть фундаменталистов и поборников военной хунты сумела покинуть страну. Они на катерах ушли в Средиземное море. Предположительно их целью стала Лампедуза, где находится лагерь для беженцев, прибывающих туда со всей Африки.

Мне не хочется быть пессимистом, но это бегство может стать опасным не только для лагеря, но и для всей Европы. Ведь неизвестно, сколько инфицированных людей было среди беглецов.

Так что у соответствующих служб прибавилось работы. Если не будут приняты необходимые меры, то североафриканская пандемия может обрести трагическое продолжение.

39

Когда Агизур от себя и от имени своей матери пригласил нас в гости, мы отказываться не стали. С одной стороны, не хотелось обидеть парня и роженицу. С другой же, мы решили наконец-то использовать свое законное право на отдых. Ведь несколько недель нам довелось работать не покладая рук. Практически без передышек.

И вот теперь, более чем через месяц после нашей встречи на аэродроме, мы снова в Каменистой Сахаре. Берберский клан празднует рождение дочери Кахины. Гости собрались в нескольких больших шатрах. Шум. Веселье. Пир горой.

К нам здесь относятся с большим уважением. Люди благодарят нас и за спасение соплеменников, и за принятые роды. Каждый считает своим долгом выразить нам свою признательность и как-то угодить. Это несколько напрягает, однако избежать подобного гостеприимства невозможно. Нам приходится попросту расслабиться и получать удовольствие от всего этого действия.

Я смотрю на все, что тут происходит, и не могу сдержать искренней улыбки. Если вдуматься, то это праздник в честь победы жизни над смертью.

Я делюсь своей мыслью с Аркадием Федоровичем и Йорданом. Они тоже начинают улыбаться и подтрунивают надо мной. Мол, потянуло Артемку на философствования.

Я отвечаю, что удивительного в этом ничего-шеньки нет. Особенно после всех испытаний, выпавших на нашу долю.

Наши разглагольствования прерывает Агизур. Он еще раз благодарит нас за все, затем справляется, комфортно ли мы себя здесь чувствуем.

— Все хорошо. Не беспокойся, — отвечаю я за всех и, не дожидаясь его реакции, спрашиваю: — А сам-то ты как? Небось доволен, что у тебя сестричка появилась?

— Доволен, — довольно сдержанно говорит он. — Хотя я всегда мечтал о брате.

— Ты не печалься, — уловив его настроение, заявляю я. — Это ведь даже хорошо, что родилась девочка. Знаешь, почему так?

— Нет. Расскажи.

— У нас, у русских, есть народное поверье, — принимаюсь объяснять я. — Рождение девочек в самый напряженный для страны момент означает, что войны не будет.

— Хочется верить, что это правильное поверье, — с улыбкой замечает парень. — Ведь не зря мама назвала ее Тамим. На нашем языке это означает «радость» или «восторг».

— Вот видишь, значит, тебе не стоит печалиться, — снова подбадриваю его я. — Мама у тебя еще молодая и очень красивая. Она наверняка выйдет замуж, когда ей позволят сделать это ваши обычай. Надеюсь, к тому времени в вашей стране воцарится мир и поверье, о котором я тебе рассказал, не будет работать. Когда у твоей мамы родится сын, он будет счастлив.

— Из-за мира в стране? — робко высказывает догадку Агизур.

— И из-за мира, и потому, что у него есть заботливая сестра и мужественный старший брат, — говорю я и по-отечески хлопаю собеседника по плечу.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ШТАММ. РОМАН-КАТАСТРОФА

Нил Бастард

ПЕРЕНОСЧИК СМЕРТИ

Ответственный редактор *А. Дышев*

Редактор *А. Маковцев*

Художественный редактор *Г. Федотов*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректор *Е. Сербина*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86; 8 (495) 956-39-21.

Таяу белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский кеш., 3 «а», литер Б, оффис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақларат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.09.2015. Формат 84x108^{1/32}.

Гарнитура «PF Agora Serif Pro». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 2000 экз. Заказ 1472.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ISBN 978-5-699-83136-4

9 785699 831364 >

В электронном виде можно купить в интернете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:

один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:
+7(495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).**

**Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.**

**В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).**

**В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 24ЗА.
Тел.: (863) 220-19-34.**

**В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.**

**В Екатеринбурге: ООО-РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.**

**В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.**

**В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.**

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.**

**В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/**

**Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.**

ШТАММ ПЕРЕНОСЧИК СМЕРТИ

НИЛ БАСТАРД

Смертоносный вирус стремительно распространяется среди населения африканской страны. Эпидемиолог Артем вместе со своими коллегами из миссии ООН работает в самом эпицентре охваченного бедствием района. Вакцина на исходе. Пандемия прогрессирует. Среди населения – паника и отчаяние. Усложняют ситуацию и восставшие мятежники. Банды живодеров по-своему борются с пандемией – они просто сжигают все поселки и деревни, в которых были замечены инфицированные. Смертельная опасность нависла над медиками из миссии, они обречены быть сожженными вместе с местным населением. В довершение сбивают на подлете гуманитарный самолет с огромным запасом вакцины. А затем и Артур замечает у себя первые признаки заражения инфекцией. Кажется, на этой несчастной земле уже наступил конец света, и трупный смрад останется здесь навсегда...

ISBN 978-5-699-83136-4

9 785699 831364 >

